

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (7)

Иркутск
Издательство БГУЭП
2015

УДК 343(06)
ББК 67.408
С34

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

Редакционная коллегия:

проф. А.А. Протасевич (отв. ред.), проф. И.В. Смолькова (науч. ред.),
проф. И.Г. Смирнова, доц. Р.В. Мазюк (отв. ред. вып.),
доц. В.Н. Китаева (отв. секр.)

С34 Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические
чтения : сб. науч. тр. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. –
Вып. 1 (7). – 206 с.

ISSN 2411-6122

Сборник подготовлен кафедрами уголовного процесса и прокурорского надзора, криминалистики и судебных экспертиз Байкальского государственного университета экономики и права. В него включены статьи по уголовному процессу, прокурорскому надзору, криминалистике, судебной экспертизе ведущих российских ученых, а также аспирантов, магистрантов, студентов.

Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов.

УДК 343(06)
ББК 67.408

ISSN 2411-6122

© Издательство БГУЭП, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Каландаришвили Х.А.</i> К вопросу о терминологическом анализе и видах уголовно-процессуальных презумпций	5
<i>Коршакевич Н.Г.</i> Прекращение уголовного преследования по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года	9
<i>Литвинцева Н.Ю.</i> Свидетельский иммунитет как элемент принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве	17
<i>Мазюк Р.В.</i> Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участников	27
<i>Медиев Р.А.</i> К вопросу об определении «негласные следственные действия» по новому УПК Республики Казахстан	41
<i>Попова И.П.</i> Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве	50
<i>Самсонова О.А., Орхокова Е.А.</i> Актуальные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве	60
<i>Смолькова И.В.</i> Значение признания вины подозреваемым при производстве дознания в сокращенной форме	69
<i>Смышляев А.С.</i> Проблемы реализации административной ответственности участников уголовного процесса за нарушение норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан	77
<i>Токубаев К.З.</i> Анализ нормативной правовой базы по вопросам международного сотрудничества Республики Казахстан в борьбе с организованной преступностью	83

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Асатрян Х.А., Такайшвили С.Д.</i> Проблемы производства опознания на предварительном следствии	92
<i>Асатрян Х.А., Войтович О.В.</i> Типичные следственные ситуации и алгоритм следственных действий при расследовании преступлений против собственности	100
<i>Биржанов Б.К.</i> Классификация источников информации по способу отражения фактических данных	105

<i>Гайков Д.Г.</i> К вопросу об ответственности несовершеннолетних за совершение насильственных половых преступлений.....	118
<i>Китаева В.Н.</i> Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными	127
<i>Корнакова С.В., Гайков Д.Г.</i> Особенности назначения судебных экспертиз в отношении несовершеннолетних потерпевших от насильственных сексуальных посягательств.....	135
<i>Кусаинов Д.Ш.</i> Способы противоправного отчуждения права собственности на жилое помещение	144

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Галкина А.В.</i> Криминалистическая характеристика серийных убийств.....	150
<i>Заводских Ю.В.</i> Проблемы соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве дознания в сокращенной форме.....	155
<i>Косолапов И.Р.</i> К вопросу о необходимости расширения пределов ограничения конституционных прав личности при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами	161
<i>Куулар Ч.Ю.</i> Некоторые проблемы реализации особого порядка судебного разбирательства в российском уголовном процессе	167
<i>Лунёва Е.А.</i> Роль государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей	173
<i>Хичибеева Е.И.</i> Осмотр в системе следственных действий в российском уголовном процессе	178
<i>Хромых Ю.В.</i> Понятие и виды свидетельского иммунитета.....	182
<i>Чадов М.Е.</i> К вопросу о надзорной функции прокуратуры	188

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ

Резолюция международной научно-практической конференции на тему «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства»	195
---	-----

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ	205
---	------------

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

Х.А. Каландаришвили

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ И ВИДАХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ*

В статье рассмотрено понятие презумпции с позиции юридической техники, исследовано значение правовой презумпции в правоприменительной практике, названы отдельные виды уголовно-процессуальных презумпций.

Ключевые слова: правосудие; уголовное судопроизводство; принцип уголовного судопроизводства; презумпция; правовая презумпция; уголовно-процессуальная презумпция.

H.A. Kalandarishvili

TO THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL ANALYSIS AND THE TYPES OF CRIMINAL PROCEDURAL PRESUMPTIONS

In the article the concept of the presumption from the position of legal techniques, investigated the value of a legal presumption in law enforcement, there are certain types of criminal procedural presumptions.

Keywords: justice; criminal justice; principles of criminal proceedings; presumption; the legal presumption; criminal procedural presumption.

Прием презюмирования широко распространен в российском праве (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК, ст. 20 ГК РФ, ст. 48 СК РФ).

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

Вместе с тем в российской юридической науке до сих пор нет единства в определении исследуемого понятия, не сложилось и его однозначного понимания. Подобное положение вещей влечет искажение смыслового содержания понятия презумпции, что в свою очередь негативно сказывается на современной правоприменительной практике.

Как несложно догадаться, это заимствованный термин и появился он в системе русского права и в русском языке, как и великое множество других правовых понятий в процессе рецепции римского права.

Латинско-русский словарь термину «презумпция» придает также значения: 1) преждевременное пользование, заблаговременное использование; 2) предположение, ожидание, надежда, чаяние; 3) ритор, предвосхищение возражений, заблаговременное их опровержение; 4) предубеждение; 5) упорство [2, с. 802].

С точки же зрения логики, всякая презумпция – гипотетическое сужение (версия): «Если есть А, то весьма вероятно, есть и В (Большинство А есть В)».

В юридической науке термин «презумпция» в большинстве случаев используется в значении «предположение».

С позиции юридической техники понятие презумпции имеет несколько определений: 1) «признание установленным неизвестного или неточно выявленного факта индуктивным путем, основываясь на другом факте, известном или вероятном с точки зрения статистики или психологии»; 2) «предположение о наличии или об отсутствии предметов, фактов, основанное на связи между ними, подтвержденное жизненной практикой» [1, с. 184].

В юридической литературе понятие «презумпция» рассматривают как предположение о существовании или отсутствии чего-либо, какого-либо факта при наличии определенной типичной ситуации. Характерная особенность презумпции состоит в том, что, благодаря длительным наблюдениям, выявляется устойчивая связь между фактами, то есть при появлении одного факта существование другого факта, связанного с ним, предполагается, презюмируется и не требует особого доказательства [6, с. 2].

Понятие презумпции выражает собой сложное явление духовного мира, относящееся к сфере мышления человека. Есть некие события и факты, которые всегда имеют юридическое значение и выступают в роли «катализаторов», с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение тех или других правоотношений (юриди-

ческие факты). Однако эти события и факты не всегда можно установить с должной степенью вероятности. Именно в таких случаях законодатель и прибегает к помощи презумпций. Он устанавливает предположение, которое будет считаться истинным, вплоть до его опровержения, в свою очередь, не опровергнутое никем предположение признается единственно верным и «обжалованию не подлежит».

Таким образом, существует законодательно установленная вероятность с помощью презумпций установить не соответствующий объективной действительности факт, который может лечь в основу возникновения у того или иного лица прав и обязанностей, не соответствующих реальному положению вещей. В связи с этим некоторые ученые не раз высказывали свое негативное отношение к презумпциям, в частности, В.Д. Спасович писал: «Юридические презумпции суть вообще зло, которого следует всячески избегать. Законоведение опирается на костыли, называемые предположениями, только тогда, когда оно не в состоянии разрешить вопрос прямо и естественно, а должно разрубить его наугад и искусственно» [4, с. 177]. Ю.К. Орлов называет презумпции «методом принятия решений за неимением лучшего, когда просто нет другого выхода» [3, с. 97]. Подобное негативное отношение к презумпциям как к «неизбежному злу», на наш взгляд, является неоправданным, поскольку, если мы признаем ограниченные возможности человека в познании мира и не можем претендовать на всеобъемлющее знание, то не стоит столь негативно оценивать прием, способный внести определенность в разрешение юридического дела и позволяющий обойти юридические тупики, экономить без ущерба для дела время, затрачиваемое на рассмотрение правоприменительного казуса и тем самым ускорять судопроизводство.

По мнению различных авторов, в уголовном судопроизводстве действует различное же количество правовых презумпций.

И.Я. Фойницкий о законных предположениях писал так: «Главнейшее судебное назначение имеют предположения: что человек действует по соответствующим мотивам, что вина не доказанная есть несуществующая, и потому всякий человек предполагается невиновным; что внутренние состояния оставляют внешние следы и могут быть познаваемы по ним... что утверждающий что-либо (истец и обвинитель) имеет данные для такого утверждения» [5, с. 181]. М.С. Строгович утверждал, что в уголовном процессе законных презумпций всего три: презумпция невиновности, презумпция истинности вступившего в за-

конную силу приговора суда и презумпция знания закона [5, с. 82]. По мнению Ф.Г. Шахкелдова, к перечисленным следует добавить презумпцию необъективности либо некомпетентности субъекта доказывания по уголовному делу при наличии указанных в законе оснований для его отвода; презумпцию недостаточности признания вины для постановления (вынесения) обвинительного приговора; а также презумпцию правосубъектности участников процессуального правоотношения [6, с. 9].

Подводя итог, необходимо отметить, что презумпция, в первую очередь, – это способ мышления, более того, это способ экономии мышления, т. е. субъективно-идеалистическое положение, по которому критерий истины всякого познания состоит в достижении максимума знаний с помощью минимума познавательных средств. Этот прием весьма давно укоренился в юридической науке, в первую очередь, из-за того, что презумпция предоставляет правоприменителю возможность достижения конкретного познавательного результата в предусмотренный законом срок. Право, как регулятор общественной жизни общества, нуждается в подобных приемах. Впрочем, и законодатель и правоприменитель не должны забывать, что презумпция и результат ее использования в публичных правоотношениях (заранее не равных) всегда должны стоять на стороне наиболее уязвимого субъекта.

Список использованной литературы

1. Латинско-русский словарь / под общ. ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1949. 802 с.
2. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Проспект, 2000. 144 с.
3. Спасович В.Д. Обзор решений гражданского кассационного департамента правительствующего Сената, по вопросам гражданского и торгового права // Журн. гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 2 (март). 265 с.
4. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М.: Наука, 1984. 156 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 552.
6. Шахкелдов Ф.Г. Концептуальные аспекты презумпции невиновности в уголовном процессе. Генезис и тенденции совершенствования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2006. 36 с.

Информация об авторе

Каландаришвили Христина Александровна – аспирант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kalendarishvilih@mail.ru.

Научный руководитель: *Смолькова Ираида Вячеславовна* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Kalendarishvili Hristina Aleksandrovna – Post-graduated student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kalendarishvilih@mail.ru.

Academic advisor: *Smolkova Iraida Vyacheslavovna* – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kupik@isia.ru.

УДК 343.135

Н.Г. Коршакевич

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

В статье рассматриваются основания и порядок прекращения уголовного преследования по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., подробно анализируются такие основания прекращения уголовного дела, как смерть обвиняемого, истечение срока давности уголовного преследования, примирение сторон, наличие приговора суда по тому же делу, недостижение лицом возраста привлечения к уголовной ответственности, анализируются точки зрения известных уче-

ных-процессуалистов, современников и составителей Устава уголовного судопроизводства 1864 г. о причинах закрепления в законе и правовой природе указанных оснований, рассматривается порядок прекращения уголовных дел как на стадии предварительного расследования, так и в судебной стадии.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 г.; прекращение уголовного дела; прекращение уголовного судопроизводства; основания прекращения уголовного дела; порядок прекращения уголовного преследования.

N.G. Korshakevich

TERMINATION OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE RULES OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864

In this article considers foundation and order termination of criminal procedure in the Rules of criminal procedure of 1864. Detailed analyses so foundations, as termination of criminal cases in view of death of accused, of time limitation criminal prosecution, due to the fact conciliation of parties, present at court verdict of some case, with short of age of discretion. Reduced points of view of famous scientists, coevals and compilers of the Rules of criminal procedure of 1864 about causes of appearance and legal nature those foundations. Considers the order of termination of criminal cases on the preliminary inquiry and in the court.

Keywords: Rules of criminal procedure of 1864; termination of criminal case; termination of criminal procedure; foundation termination of criminal procedure; order of termination of criminal procedure.

Прекращение уголовного преследования, его основания и порядок, были достаточно подробно разработаны в Уставе уголовного судопроизводства (далее – УУС). В УУС были сохранены основания прекращения уголовного преследования, имевшиеся уже в Своде законов Российской Империи (далее – СЗ), но появились и другие основания.

Согласно ст. 16 УУС уголовное преследование в отношении обвиняемого не могло быть возбуждено, а начатое подлежало прекращению по следующим основаниям:

- 1) за смертью обвиняемого;
- 2) за истечением давности;

3) за примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях и

4) за Высочайшим Указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение [5, с. 18].

Также УУС предусматривал прекращение уголовного преследования вследствие примирения с «обиженным» (т. е. потерпевшим) по делам частного обвинения (ст. 20), при наличии вступившего в законную силу приговора суда по тому же делу (ст. 21), и при недостижении лицом возраста, с которого наступала уголовная ответственность (ст. 413).

Такое основание прекращения уголовного дела и уголовного преследования, как смерть обвиняемого, появилось в российском уголовно-процессуальном законодательстве одним из первых. А.А. Квачевский в этой связи писал, что «со смертью преступника исчезает лицо, против которого возбуждается уголовное преследование и проводится судебное обвинение; наказание по отношению к нему делается невозможным; закрывая уста навеки, смерть отнимает возможность оправдания» [2, с. 311].

Впервые в УУС было установлено положение, согласно которому уголовное преследование лица по делу, по которому уже имелся вступивший в законную силу приговор суда, должно быть прекращено. Данное положение основывалось на закреплённом еще в СЗ правиле, что пересмотр окончательных решений суда допускается только для облегчения участи осужденных, а не для увеличения меры наказания, определенной приговором.

А.А. Квачевский, анализируя данное основание, писал: «Наступает время, когда судебное решение должно почестся неопровержимой истиною. Отвергать в это время истину судебного решения, значило бы отвергать пользу правосудия, сомневаться в его необходимости, обращать его в пустое слово. Разве из того, что... один подсудимый может быть неправильно оправдан, можно всех подсудимых вообще подчинять вечному опасению подвергнуться новому преследованию, опасению безвыходному, часто более тяжкому, чем то наказание, которому они могут подвергнуться» [2, с. 319–320].

Для прекращения уголовного преследования по такому основанию, как наличие вступившего в законную силу приговора суда, требовалось наличие трех условий: 1) наличие приговора надлежащего суда в уголовном порядке; 2) вступление приговора в законную силу;

3) единство преступлений, составляющих предмет прежнего и нового уголовного дела.

Отмена наказания за истечением давности была введена законодателем в Уложение о наказаниях по следующим мотивам: во-первых, для обеспечения прав виновного лица, для которого «обвинение по истечении долгого времени становится несправедливым и тягостным, потому что время отняло у него средства к оправданию, способы защиты, давая вместе с тем молве и злословию возможность преувеличить значение виновности»; во-вторых, «в интересах справедливого следствия и суда, так как доказательства вины или невинности обвиняемого исчезают со временем, что может породить судебные ошибки»; в-третьих, в связи с давностью совершенного преступления, «оно не угрожает никак общественному порядку, впечатление от него стирается в сознании населения и общество становится к нему равнодушным» [5, с. 20].

По данному вопросу В.К. Случевский указывал, что «давность имеет... свое процессуальное значение; дела безнаказанным известный проступок, давность делает вместе с тем невозможным возбуждение дела, постановку приговора, или исполнение его, смотря по тому, в какой процессуальный момент выясниться ее существование» [4, с. 221].

При примирении обвиняемого с потерпевшим, несмотря на прекращение производства по делу, иск о взыскании ущерба, причиненного преступлением, потерпевший мог предъявить обвиняемому или его наследникам.

За примирением обвиняемого с «обиженным» уголовное дело могло быть прекращено в случаях, специально указанных в законе, а именно, прекращению в связи с примирением сторон подлежали дела, которые могли быть расследованы и рассмотрены судом не иначе, как вследствие жалобы «обиженного» или оскорбленного. Такие дела были подсудны мировым судебным установлениям вне зависимости от предусмотренного за преступления наказания, для «склонения сторон к миру». Если же примирение не состоялось, то рассмотрение иска продолжалось в зависимости от подсудности дела, в мировом или общем суде. Также могли быть прекращены за примирением дела по преступлениям, которые были изначально подсудны мировым судебным установлениям [5, с. 22].

К таким делам относились:

- 1) все непосредственные личные обиды, за исключением обиды, нанесенной начальнику подчиненным;
- 2) клевета и распространение оскорбительных сочинений, изображений и слухов;
- 3) угрозы;
- 4) задержание кого-либо без насилия;
- 5) легкие ранения, увечья, нетяжкие повреждения здоровья;
- 6) захваты чужого недвижимого имущества, не сопровождающиеся насилием, повреждение чужого движимого имущества, когда никто не подвергался опасности;
- 7) кражи и мошенничества между детьми и родителями, или между супругами;
- 8) жестокое обращение мужа с женою или жены с мужем;
- 9) упорное неповиновение детей родителям;
- 10) обольщение незамужней женщины и прелюбодеяние, сообщение другим заразной болезни и т. д.

Уголовное дело за примирением могло быть прекращено до исполнения приговора и даже во время его исполнения. Потерпевший для этого должен был отказаться от уголовного иска после подачи жалобы до или после начала уголовного дела. «Отказом или отречением от иска» признавалась неявка потерпевшего или его поверенного к мировому разбирательству или судебному следствию без законных причин.

При примирении «обиженного» или оскорбленного с одним из соучастников преступления, уголовное преследование прекращалось и в отношении других соучастников.

Примирение должно было быть удостоверено судом в порядке, установленном Уставом гражданского судопроизводства, а именно, суд должен был допросить стороны и удостовериться в их желании примириться. В дальнейшем обвинитель мог требовать исполнения мировой сделки только в гражданском порядке.

Высочайшим Указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение, могла быть отменена уголовная ответственность как в отношении отдельного лица или преступления, так и в отношении целого ряда преступлений и лиц, при этом обвиняемый мог возражать против прекращения уголовного преследования по данному основанию, так как «по следствию и суду он может оказаться вовсе невиновным, а милость – не оправдание» [2, с. 342]. Впоследствии в

случае постановления обвинительного приговора такой обвиняемый уже не мог просить о применении к нему указанных актов.

За недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности подлежало прекращению уголовное преследование в отношении детей, не достигших 10 лет, а также несовершеннолетних от 10 до 17 лет, признанных судом «учинившими преступное деяние без разумения». Дети до 10 лет вообще не подлежали уголовному преследованию и наказанию, а несовершеннолетние от 10 до 17 лет отдавались под ответственный надзор родителям, опекунам, другим благонадежным людям, либо наказание им заменялось на более мягкое.

Из смысла закона, а также текста Пояснительной записки комиссии к УУС, можно понять, что уголовное преследование могло быть прекращено и в связи с недостаточностью доказательств. И.Я. Фойницкий в этой связи указывал, что на стадии предания обвиняемого суду, вопрос о недостаточности оснований уголовного обвинения может быть решен до судебного разбирательства по существу, при этом Судебной палатой выносилось определение о прекращении уголовного преследования [6, с. 127].

Необходимо отметить, что УУС право прекращать уголовные дела предоставлял только суду. Если прокурор или следователь во время производства расследования по делу усматривали основания для его прекращения, они должны были подать в суд дело с заключением о его прекращении. Окончательное же определение о прекращении дела постановляла Судебная Палата или окружной суд. В этом случае прокурор выходил с предложением о прекращении уголовного преследования в суд непосредственно, тогда как следователь испрашивал разрешение у суда на прекращение уголовного преследования через прокурора (ст. 518, 523 УУС).

М.В. Духовской, описывая порядок прекращения уголовного дела по инициативе прокурора, отмечал: «Если он [прокурор] приходит к убеждению, что данных для обвинения нет, не обнаружен виновный или собранные улики оказались слабы, а также при наличии причин, указанных в ст. 16 УУС, то он составляет заключение о прекращении и представляет суду... Потерпевшие от преступления могут в месячный срок подать в частном порядке жалобу на определение суда о прекращении и дело также переходит в Палату. Наконец, практика допускает отмену Палатой определения суда о прекращении в порядке ревизионном, т. е. без жалобы» [1, с. 322].

Судья, рассматривавший дело единолично, мог прекратить его самостоятельно, в том числе за отсутствием в деянии признаков преступления и по основаниям, указанным в ст. 16 УУС (смерть обвиняемого, истечение сроков давности, помилование, примирение), даже не назначая дело к слушанию, без вызова обвиняемого.

По делам, предварительное следствие по которым было окончено, и которые были переданы с обвинительным актом в Судебную палату, определение о прекращении уголовного преследования ею и постановлялось.

По словам И.Я. Фойницкого, «хотя за постановлениями о прекращении дела и не признается силы судебных приговоров, но новое возбуждение так прекращенного дела требует известных условий» [6, с. 216]. Таким образом, прекращение уголовного дела имело статус окончательного решения по делу, которое могло быть пересмотрено только в исключительных случаях.

Согласно ст. 24 УУС, «обвиняемый, о котором дело было прекращено в установленном порядке, но без постановления судебного приговора, может быть привлечен к ответственности по особому о том определению суда, когда прежде истечения срока давности будут обнаружены к его изобличению новые обстоятельства».

А.А. Квачевский указывал, что относительно решений о прекращении уголовного преследования комиссия, составлявшая проект УУС, сформулировала следующие правила: при прекращении уголовного дела в установленном порядке, оно может быть возобновлено лишь с разрешения Судебной палаты и только в случаях: «1) когда после прекращения следствия по недостаточности доказательств откроются новые доказательства; 2) когда дело, прекращенное за отсутствием жалобы частного обвинителя, будет возбуждено в установленном порядке; 3) когда гражданским или духовным судом вопрос о возможности уголовного преследования за деяние решен положительно» [2, с. 388–389].

Новыми доказательствами, открывшимися после прекращения уголовного преследования, могли считаться доказательства, ранее не находившиеся на рассмотрении Судебной палаты, при этом только Судебная палата решала, признать эти новые доказательства и улики достаточными к возобновлению уголовного дела, или нет.

М.В. Духовской, ссылаясь на решение Правительственного Сената, указывал, что «прекращенное производство может быть возобнов-

лено. В этом его отличие от производства законченного разбором дела по существу, так как оправданный судебным приговором не может уже подвергнуться вторичному суду, хотя бы и открылись новые обстоятельства к обвинению его. Впрочем, и прекращенное производство можно возобновить лишь в том случае, если это произошло по недостатку доказательств виновности; что же касается дел, прекращенных по юридическим основаниям, то возобновлять их нельзя» [1, с. 172].

Список использованной литературы

1. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910. 448 с.
2. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. В 3 ч. Ч. 2. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1867. 363 с.
3. Свод законов Российской Империи. В 15 т. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб.: Тип. II Отд. Собст. Е.И.В. Канц., 1832. 562 с.
4. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 670 с.
5. Устав уголовного судопроизводства. Российское законодательство X–XX в. В 9 т. Т. 8. Судебная реформа / отв. ред. Б.В. Виленский. М.: Юрид. лит., 1991. 496 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-е Я. Кудрицкого и Д. Богословского, 1885. 785 с.

Информация об авторе

Коршакевич Наталья Григорьевна – аспирант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, секретарь судебного заседания Ангарского городского суда Иркутской области, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: ulibkanatalia@mail.ru.

Научный руководитель: *Смолькова Ираида Вячеславовна* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Korshakevich Natalia Grigorievna – Post-graduated student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, secretary of judicial session of Angarsky town court of the Irkutsk Region, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: ulibkanatalia@mail.ru.

Academic advisor: *Smolkova Iraida Vyacheslavovna* – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kupik@isia.ru.

УДК 343.13(470)(075.8)

Н.Ю. Литвинцева

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье рассматриваются актуальные вопросы охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Анализируется обязанность дознавателя, следователя, прокурора и суда по разъяснению последствий отказа от права на свидетельский иммунитет. Исследуются виды диспозитивного свидетельского иммунитета.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принципы; охрана прав и свобод человека и гражданина; свидетельский иммунитет; право отказаться от дачи свидетельских показаний.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

N.Y. Litvintseva

**TESTIMONIAL IMMUNITY AS AN ELEMENT
OF THE PRINCIPLE OF PROTECTION OF THE RIGHTS
AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article considers topical issues of protection of the rights and freedoms of man and citizen in criminal proceedings. Analyzed the duty of the inquirer, investigator, Prosecutor or the court to explain the consequences of the waiver of immunity of a witness. Explores the types of witness immunity is dispositive.

Keywords: criminal procedure; principles; protection of the rights and freedoms of man and citizen; witness immunity; the right to refuse to testify.

Деятельность органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, направлена на обеспечение правоохранительной функции государства, поэтому защита прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве выступает как одно из предназначений этой деятельности (ст. 6 УПК РФ). Справедливо замечает А.П. Гуськова, что основная функция уголовного судопроизводства – охранительная [2, с. 27]. Охрана прав и свобод человека и гражданина является приоритетным направлением уголовно-процессуальной деятельности.

Закрепление в ст. 11 УПК РФ принципа охраны прав и свобод человека и гражданина свидетельствует о стремлении законодателя обратить дополнительное внимание на личность в уголовном судопроизводстве. Особое значение охрана прав и свобод человека и гражданина приобретает в сфере уголовного судопроизводства, поскольку именно в уголовном судопроизводстве степень ограничения прав и свобод человека и гражданина наиболее высока. Как верно в этой связи отмечает И.Г. Смирнова, осуществление прав возможно лишь в том случае, если каждый будет на всех уровнях выполнять свои обязанности [12, с. 203].

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве включает в себя комплекс определенных обязанностей государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Одним из элементов принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве является обязанность дознавателя, следователя, прокурора и суда предупредить лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, о том, что в случае их согласия дать показания они могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу (ч. 2 ст. 11 УПК РФ).

В переводе с латинского языка термин «иммунитет» означает «освобождение от чего-либо» [14, с. 230]. В юридическом словоупотреблении иммунитет трактуется как исключительное право не подчиняться некоторым правилам [3, с. 48].

Институт свидетельского иммунитета, представляет собой одну из процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав и законных интересов граждан в уголовном процессе.

В ст. 51 Конституции РФ установлено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания.

В развитие конституционных положений впервые в УПК РФ было дано определение понятия «свидетельский иммунитет», под которым понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 40 ст. 5).

Термин «свидетельский иммунитет» давно введен в научный оборот и широко используется в юридической литературе, однако отношение к нему было и остается неоднозначным.

В уголовно-процессуальной литературе предлагаются различные трактовки свидетельского иммунитета.

Одни авторы исходят из узкого значения данного института, понимая под ним право свидетеля в исключительных случаях на освобождение от обязанности давать показания [16, с. 50]. Обосновывая указанную позицию процессуалисты, считают, что об иммунитете свидетеля допустимо вести речь только в том случае, если лицо может быть свидетелем, но обладает правом отказаться от дачи показаний. По их мнению, свидетельский иммунитет это предусмотренная законом возможность лица, допрашиваемого в качестве свидетеля, давать показания по делу только на основании собственного усмот-

рения, и, соответственно, субъектами свидетельского иммунитета нельзя называть лиц, которые в силу определенных обстоятельств ни при каких условиях не могут обладать процессуальным статусом свидетеля, на этом основании они и исключают из числа свидетелей лиц, которых законом запрещено допрашивать в таком качестве [1, с. 11, 16].

Другие, трактуя свидетельский иммунитет в широком значении, полагают, что свидетельским иммунитетом охватывается и запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей и право отказаться от дачи показаний или от ответов на задаваемые вопросы [4, с. 29], и понимают под ним совокупность правил об абсолютном или ограниченном освобождении некоторых групп граждан от обязанности давать свидетельские показания [13, с. 114].

Думается, что позиция ученых-процессуалистов, придерживающихся широкой трактовки свидетельского иммунитета, наиболее предпочтительна, поскольку содержание свидетельского иммунитета охватывает два аспекта: с одной стороны, речь идет о запрете допрашивать определенных лиц в качестве свидетелей; с другой, – определение в законе круга лиц, имеющих право не давать показания в качестве свидетелей или отказаться отвечать на некоторые вопросы.

Представляется, что определение свидетельского иммунитета и как права отказаться от дачи показаний в качестве свидетеля, и как запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей следует из лексического значения слова «иммунитет» – освобождение от чего-либо.

Таким образом, под свидетельским иммунитетом следует понимать совокупность нормативно закрепленных правил, освобождающих некоторые категории свидетелей от предусмотренной законом обязанности давать показания по уголовному делу, а также освобождающих любого допрашиваемого от обязанности свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников.

В теории уголовно-процессуального права в зависимости от волеизъявления лица, наделенного свидетельским иммунитетом, выделяются два вида свидетельского иммунитета: императивный (абсолютный, безусловный) и диспозитивный (относительный, условный) [13, с. 116].

Императивный иммунитет сформулирован в запрете допрашивать некоторых лиц в качестве свидетелей. Им обладают лица, которые должны хранить в тайне сведения, полученные ими при исполне-

нии своих профессиональных или служебных обязанностей: судья, присяжный заседатель; адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого; священнослужитель (пп. 1–4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Диспозитивный иммунитет выражается в праве свидетеля отказаться от дачи показаний. Разновидностью диспозитивного иммунитета является право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Также диспозитивным свидетельским иммунитетом наделены Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, они не могут быть допрошены в качестве свидетелей без их согласия об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

В ч. 2 ст. 11 УПК РФ указаны лица, обладающие диспозитивным свидетельским иммунитетом, имеющие право выбора отказаться от дачи свидетельских показаний или согласиться дать показания в качестве свидетеля. Таким образом, дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны предупредить лиц, обладающих диспозитивным свидетельским иммунитетом, о том, что в случае их согласия дать показания они могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Разновидностью диспозитивного иммунитета является право не свидетельствовать против себя самого, которое получило в теории уголовного процесса название привилегии против самообвинения [8, с. 17].

В ст. 51 Конституции РФ получил развернутую формулировку общепризнанный принцип, закрепленный в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который гласит: «Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения ... не быть принуждаем к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным» [7, с. 57].

С учетом данного положения суд, прокурор, следователь, дознаватель, предлагая подозреваемому, обвиняемому, подсудимому дать показания по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела, должен одновременно разъяснить ему содержание ст. 51 Конституции РФ. Если подозреваемому, обвиняемому при производстве дознания или на предварительном следствии не было разъяснено указанное конституционное положение, показания данных лиц должны признаваться судом полученными с нарушением закона и не могут яв-

ляться доказательствами виновности подозреваемого (обвиняемого) как недопустимые (ст. 75 УПК РФ). Следует отметить, что одного только признания подозреваемым, обвиняемым своей вины недостаточно, необходима совокупность всех доказательств, ее подтверждающих (ч. 2 ст. 77 УПК РФ).

В уголовно-процессуальной литературе существует точка зрения, согласно которой ст. 51 Конституции РФ должна разъясняться и при получении объяснений, особенно у граждан, чья причастность к преступлению проверяется, а также при составлении протокола явки с повинной. Американское «Правило Миранды», подобием которого стала рассматриваемая конституционная новелла, в США зачитывается гражданину при первом его соприкосновении с полицией. Суть «Правила Миранды» выражается в том, что лицо предупреждается о праве хранить молчание, а все сказанное им может быть использовано против него, оно имеет право на присутствие адвоката, если же лицо не в состоянии нанять адвоката, то тот будет ему назначен. Если таких разъяснений сделано не было, полученные доказательства не могут быть использованы в дальнейшем против данного лица [6, с. 35–36].

В настоящее время лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Диспозитивным свидетельским иммунитетом обладают супруг и близкие родственники подозреваемого, обвиняемого.

Положение об освобождении близких родственников от обязанности давать уличающие обвиняемого показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) мотивируется, прежде всего, нравственными факторами. Право свидетеля отказаться от показаний против близкого родственника связано с семейными узами и такими нравственными категориями, как совесть и милосердие.

Вопрос о круге близких родственников, на которых необходимо распространить свидетельский иммунитет, носит дискуссионный характер.

В. Николук и В. Кальницкий полагают, что «в тех ситуациях, когда следователь или судья убеждены, что отношения между людьми, длительное время проживающими в незарегистрированном браке, могут именоваться супружескими, они вправе разъяснить таким лицам положения ст. 51 Конституции» [8, с. 17].

В. Махов полагает, что в УПК РФ «целесообразно иметь положения, аналогичные тем, которые содержатся в УПК ФРГ: о том, что право отказа от дачи свидетельских показаний имеют: 1) обрученный с обвиняемым; 2) супруг обвиняемого, если даже брак больше не существует; 3) тот, кто находится с обвиняемым в родственных отношениях по прямой линии» [5, с. 47].

По мнению И.В. Смольковой, «кроме близких родственников свидетельский иммунитет следует распространить и на особо близких лиц, для которых дача свидетельских показаний может носить характер нравственной драмы (жених и невеста; лица, состоящие в фактических брачных отношениях; лица, ранее состоявшие в браке)» [13, с. 142].

В УПК РФ закреплено конституционное правило отказаться от свидетельства против своего супруга (своей супруги) и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56). П. 4 ст. 5 УПК РФ определяет круг близких родственников, обладающих правом свидетельского иммунитета, – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Наряду с понятием близкие родственники, УПК РФ дает определение близких лиц и родственников. Родственниками именуются все лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве (п. 37 ст. 5). К близким лицам относятся лица, состоящие в свойстве со свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений (п. 3 ст. 5).

С.А. Саушкин и Е.П. Гришина справедливо полагают, что близкие лица иногда более дороги для свидетеля, нежели те лица, которые являются близкими «по крови», поэтому свидетелю должно быть предоставлено право не свидетельствовать не только против близких родственников, но и близких лиц [11, с. 29].

Представляется необходимым поддержать указанные суждения, поскольку законодатель в п. 3 ст. 5 УПК РФ в определении понятия «близкие лица» подчеркивает особенность отношений между ними и

свидетелем, это такие лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

Диспозитивным иммунитетом также наделены члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы.

Право на отказ от дачи свидетельских показаний члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы закреплено в ст. 21 ФЗ РФ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. ФЗ от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее сокращенно – ФЗ «О статусе») [10].

Конституционный Суд РФ, объясняя наделение свидетельским иммунитетом депутата, разъяснил в Постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П что, в соответствии с ч. 2 ст. 51 Конституции РФ «в число лиц, которые обладают свидетельским иммунитетом, включаются и те, кто обладает доверительной информацией. Доверительную информацию может получить и депутат. Распространение такой информации в форме свидетельских показаний по существу означает, что лицо, сообщившее ее, фактически свидетельствует против самого себя (посредством того, кому эта информация доверена)» [9].

Соответствие правила о том, что субъекты свидетельского иммунитета, получившие его в связи со своими профессиональными обязанностями, могут отказаться от дачи свидетельских показаний только в части информации, полученной именно в связи с исполнением этих обязанностей, положениям ст. 51 Конституции РФ было подтверждено ранее указанным Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П, в соответствии с которым не допускается расширительного толкования ст. 21 ФЗ «О статусе» и отказ от дачи свидетельских показаний депутата об обстоятельствах, не связанных с осуществлением депутатской деятельности.

В ч. 3 ст. 56 УПК РФ содержится перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетелей (обладают императивным свидетельским иммунитетом). Однако в п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ предусмотрено, что не могут быть допрошены в качестве свидетелей член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий. Из данной нормы следует, что член Совета Федерации и депутат Государственной Думы наделены относительным свидетельским иммунитетом. Здесь нет императивного

запрета на их допрос в качестве свидетеля, если же член Совета Федерации или депутат Государственной Думы согласны на допрос, то какие-либо препятствия для осуществления данного следственного действия отсутствуют.

Представляется логичным исключить указанных субъектов из перечня лиц, обладающих абсолютным иммунитетом. И, соответственно, включить эту норму в п. 1.1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Свидетель вправе отказаться давать показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с осуществлением полномочий члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы».

Таким образом, в случае согласия лица дать свидетельские показания против себя самого, своего супруга (супруги), близких родственников, а также согласия лица давать свидетельские показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с осуществлением полномочий члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны предупредить указанных лиц о возможности использования их показаний в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. Будников В.Л. Иммунитет свидетеля в уголовном процессе: лекция. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1998. 32 с.
2. Гуськова А.П. Судебные решения в уголовном судопроизводстве. Их характеристика и значение: учеб. пособие. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. 64 с.
3. Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов: Правоведение. 1992. № 3. С. 48–52.
4. Литвинцева Н.Ю. Свидетельский иммунитет в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. 72 с.
5. Махов В. Свидетель – не подозреваемый // Законность. 2001. № 1. С. 45–47.
6. Махов В.Н., Пешков М.А. Юристы США о моделях уголовного процесса // Юрист. 1999. № 2. С. 35–36.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН Резолюцией 2200 (XXI) от

16 декабря 1966 г. // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2002. С. 52–67.

8. Николук В., Кальницкий В. Применение статьи 51 Конституции РФ в уголовном судопроизводстве // Законность. 1997. № 8. С. 14–18.

9. О проверке конституционных положений частей 1 и 2 статей 18, 19 и части 2 статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.

10. О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон РФ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. ФЗ от 21 июля 2014 г. № 216-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 2. Ст. 74.

11. Саушкин С.А., Гришина Е.П. Правовое обеспечение свидетельского иммунитета: современное состояние и вопросы развития // Адвокатская практика. 2002. № 5. С. 28–30.

12. Смирнова И.Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 200–205.

13. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 352 с.

14. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.

15. Шейфер М.М. Право свидетеля на иммунитет: история возникновения и проблемы реализации в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Самара: Изд-во Самар. гос ун-та, 2007. С. 114–126.

16. Шмарева Т.А. Свидетель в российском уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2014. 144 с.

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Information about the author

Litvintseva Natalia Yurievna – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УДК 343.131

Р.В. Мазюк

ПЕРЕВОД НА ЯЗЫК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ЕГО УЧАСТНИКОВ*

В статье анализируются проблемы привлечения и участия переводчика в российском уголовном судопроизводстве, требования к нему как к участнику процесса, а также к его компетентности. Надлежащий перевод в уголовном судопроизводстве является эффективным средством защиты прав и процессуальных интересов подозреваемого, обвиняемого и других участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства; перевод; процессуальный интерес; участники уголовного процесса; свободное владение языком; родной язык.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

R.V. Maziuk

**THE TRANSLATION INTO THE LANGUAGE
OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS AS A MEANS
OF PROTECTION PROCEDURE INTERESTS
OF ITS PARTICIPANTS**

The article analyzes the problems of the involvement and participation of the translator in the Russian criminal proceedings, claims him as a participant in the process, as well as to his competence. A proper translation in criminal proceedings is an effective means of protection proceedings, the interests of the suspect, accused and other participants in criminal proceedings.

Keywords: language of criminal proceedings; transfer; procedural interest; the participants of the criminal process; fluency in Russian; native language.

По данным переписи населения 2010 г. Россия является одним из самых многонациональных государств мира: на его территории проживают представители свыше 160 национальностей. Между тем из 143,4 млн проживающих в России человек русским языком владеют 137,5 млн, то есть почти 6 млн человек на территории России русским языком не владеют [21].

В 2014 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 44,4 тыс. преступлений, что на 5,4 % меньше, чем в 2013 г., а в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства количество возросло на 6,1 % и составило 14 тыс. преступлений [22].

Мировой опыт демонстрирует, что трудности судебного перевода поистине являются глобальной проблемой, при этом за границей положение значительно хуже, чем в России, где миграция еще не достигла критического уровня. Структура языков, востребованных в уголовном судопроизводстве, отличается пестротой и структурной неустойчивостью. К примеру, в Бюро переводов при районном суде Южного района Нью-Йорка за период с 2001 по 2011 г. было зарегистрировано 61 566 обращений по поводу 65 языков и диалектов. Среди них число обращений за языками: испанским – 49 052; китайским – 5 537; русским – 1 383; арабским – 1 191; корейским – 595.

Языки французский, урду, пенджаби, иврит, пушту, албанский, сомалийский, бенгальский, португальский, турецкий, немецкий требовались от 450 до 100 раз. Языки итальянский, греческий, японский, вьетнамский, индонезийский, персидский, украинский, литовский, тайский и ряд других использовались от 100 до 1 раза [7].

Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 «О способах облегчения доступа к правосудию» [16] отмечает, что «когда одна из сторон процесса не обладает достаточным знанием языка, на котором ведется судопроизводство, государство должно обратить особое внимание на проблему устного и письменного перевода и обеспечить, чтобы неимущие и малоимущие лица не находились в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к суду или участия в судебном процессе в силу их неспособности говорить или понимать используемый в суде язык» (п. 6).

В российском законодательстве институт переводчиков имеет давнюю историю. Официальное зарождение данного института относят ко времени правления Петра I: созданная по его указу Академия наук стала ведущим переводческим центром того времени. В ходе правления Екатерины II каждый переводчик, работавший на государство, принимал присягу [4, с. 90].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предписывал: «к допросу обвиняемого, объясняющегося на языке, не понятном для судебного следователя, приглашать лицо, сведущее в этом языке» (ст. 410). Аналогичные положения применялись и при допросе свидетелей, а также «при снятии показаний с немых» (ст. 450). В стадии судебного разбирательства действовало требование о том, что переводчик должен был назначаться «из лиц, имеющих качества достоверных свидетелей» (ст. 579). Переводчики и «толмачи», призываемые к судебному следствию, приводились к присяге «тем же порядком, как и свидетели (ст. 713–717), в верной передаче вопросов и ответов чрез них объясняемых» (ст. 730).

Нормативные положения об участии переводчика по уголовным делам содержались в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г., УПК РСФСР 1922 г., 1923 г. и 1960 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 18 УПК РФ участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяс-

нения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика.

В толковом словаре под языком понимается исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе [19, с. 917]. По обоснованному мнению А.С. Александрова, «язык уголовного судопроизводства – это *подязык* естественного языка, вторичная моделирующая система» [2, с. 11]. С морфологической, словообразовательной, синтаксической, лексической точки зрения язык уголовного судопроизводства тождественен национальным языкам, языкам общения людей. Наибольшее его отличие от языка общения заключается в семантике, отвечающей за смысловое значение единиц языка, что выражается в наличии в языке уголовного судопроизводства специальной юридической терминологии.

В этой связи Г.П. Саркисянц отмечает, что «владеть языком судопроизводства – значит свободно понимать данный язык во всех его нюансах, без всяких затруднений изъясняться на нем по любым вопросам, возникающим в ходе процесса. Закон подразумевает под владением языка именно активное знание его и умение свободно объясняться на этом языке» [20, с. 24].

Конституционный Суд РФ по этому поводу определил, что суд, разъясняя сторонам их права и обязанности, создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав и разрешая заявленные ими ходатайства, должен удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей [18].

Следует согласиться с утверждением Т.Ю. Вилковой о том, что для оценки уровня владения языком уголовного судопроизводства необходимо учитывать «язык, который для участника уголовного судопроизводства является родным, его место рождения и жительства, длительность проживания на территории Российской Федерации, получение образования в образовательном учреждении, преподавание в котором ведется на соответствующем языке, место и характер рабо-

ты, язык общения с родственниками, знакомыми, коллегами и другие обстоятельства» [6, с. 90].

Например, в своей жалобе в Конституционный Суд РФ гражданин А.С.-М. Сурхоев оспаривал конституционность ст. 18 УПК РФ. Из представленных материалов следовало, что А.С.-М. Сурхоев в ходе судебного заседания по его уголовному делу заявил ходатайство о допуске к участию в деле переводчика с чеченского языка на русский язык. В удовлетворении ходатайства было отказано со ссылкой на то, что обвиняемый является гражданином Российской Федерации, окончил пять курсов Чеченского государственного университета, в котором преподавание осуществлялось на русском языке, долгое время проживал на территории Свердловской области, в ходе предварительного следствия ему разъяснялось право на помощь переводчика, от которой он отказался, данные им на предварительном слушании и в начале судебного заседания пояснения, а равно имеющиеся в деле документы свидетельствовали о том, что А.С.-М. Сурхоев владеет русским языком в полном объеме и без каких-либо ограничений. Конституционный Суд РФ отметил, что оспариваемая норма не может расцениваться как нарушающая права заявителя [18].

Как справедливо указывает Е.П. Гришина, термин «недостаточно» применительно к владению языком – «абстрактное понятие. Дело в том, что лицо может свободно изъясняться на языке, но не владеть навыками письменной речи, знать разговорную речь, но не владеть специальной терминологией. Иногда уровень знания языка зависит от возраста потерпевшего (ребенок, подросток, пожилой человек и т. п.)» [10, с. 174]. Развивая данную мысль, можно прийти к выводу, что несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет следует признавать лицом, недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу. С другой стороны, очевидно, что ограниченность владения языком уголовного судопроизводства у такого лица обусловлена низким уровнем его интеллектуального и психического развития, и, несмотря на то, что язык уголовного судопроизводства для малолетнего является родным, пользоваться им полноценно ребенок пока возможности не имеет.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, понятие «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу», как и всякое оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкрет-

ного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике [17]. В подтверждение данной позиции в научной литературе приводится следующий, как представляется, удачный пример: «по уголовному делу 3-269/2011, находящемуся в производстве подразделения дознания Шереметьевской таможни, гражданин Италии М. заявил, что не нуждается в услугах переводчика, так как имеет бизнес в России и общается с партнерами на русском языке, но грамотно, понятно и лингвистически точно давать показания смог только на английском и итальянском языках» [9, с. 45]. Поэтому О.И. Александрова обоснованно полагает, что «заявление лица (главным образом иностранца) о желании давать показания без переводчика не является обязательным для лица, ведущего расследование. Иностранец может явно переоценивать свои знания» [3, с. 45].

Основной язык общения людей – их родной язык. По обоснованному мнению Е.П. Гришиной, родной язык – язык, на котором человек произносит свои первые в жизни слова, на котором говорят его родители или лица, их заменяющие, язык этнической группы, нации, народности. Этим языком, по крайней мере, на разговорном уровне каждый человек владеет в совершенстве [10, с. 23].

Русский язык является родным для 77 % проживающих на территории Российской Федерации граждан [21]. Между тем, как верно замечает В.Ю. Стельмах, «многие граждане РФ, для которых русский язык является родным, не обладают глубокими знаниями в области филологии и лингвистики. Однако закон не требует предоставления им соответствующего специалиста, поскольку для участия в уголовном судопроизводстве необходимо, чтобы лицо знало язык на разговорном уровне. Этого вполне достаточно для понимания сущности выдвинутого подозрения или обвинения и изложения своих доводов против него» [23, с. 193].

На Юге России трудно найти и привлечь к участию в уголовном судопроизводстве переводчиков с цыганского, сванского, мегрельского, чувашского, чеченского, ингушского, езидского, литовского, эстонского, чешского, сербского, гагаузского, молдавского, тайского, финского, даргинского, черкесского и других редких языков.

Так, по результатам проведенного А.В. Винниковым исследования в 2003–2011 гг. в органах наркоконтроля самыми востребованными были переводчики с цыганского языка различных диалектов (80 % от всех запросов на услуги переводчика). В цыганском языке

существуют многочисленные диалекты, существенно различающиеся друг от друга: руска рома, влашский, ловарьский, крымский, кэлдерарский (котлярский) и др. Всего специалисты выделяют 33 разновидности цыганского языка. Так, в цыганском языке имеются заимствования из персидского (фарси), армянского, греческого, румынского, немецкого, польского, украинского, русского и ряда других языков. Таким образом, общего для всех цыган языка не существует. К этому добавляется еще одна проблема: убежденность цыган в том, что переводчик в уголовном процессе – это помощник враждебного им государства, который облегчает вынесение цыганам обвинительных заключений предварительного следствия и приговоров судов. В результате право обвиняемых и подсудимых цыган знать, в чем их обвиняют, может быть обеспечено наихудшим образом по сравнению с другими народами Российской Федерации [8, с. 31–32].

Показательным в этой связи является пример по уголовному делу в отношении полуграмотной цыганки Сары Оглы. Более двух лет суды Мордовии не могли вынести ей приговор, так как не находили переводчика с крымско-цыганского языка. Дело осложнилось заключением Института языка, литературы, истории и экономики при правительстве Мордовии, в котором содержался вывод о том, что обвинительное заключение цыганке невозможно написать на цыганском языке, поскольку письменности у кочевого народа нет, а передать юридические термины средствами кириллицы невозможно. В результате следствие переквалифицировало обвинение с ч. 2 ст. 186 УК РФ «Сбыт поддельных банковских билетов в крупном размере» на ч. 1 данной статьи. Сразу после этого обвиняемая начала понимать русский язык, заявив, что «ей все ясно без переводчика». В результате она получила условный срок и была освобождена по амнистии [7].

Переводчик как участник уголовного процесса, обеспечивающий реализацию принципа языка уголовного судопроизводства, – это лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода (ч. 1 ст. 59 УПК РФ).

В научной литературе существует мнение, что по своей процессуальной природе переводчик является разновидностью специалиста [1, с. 63]. Так, С.П. Щерба полагает, что «по точному смыслу, переводчик – это специалист в сфере языкознания, поскольку функцию перевода с одного языка на другой и обратно может выполнять не любой гражданин, а только лицо, обладающее специальными познания-

ми, т. е. свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода» [26, с. 63]. С данным мнением можно согласиться по той причине, что переводчик осуществляет содействие следователю в закреплении такого вида доказательств, как показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, что в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ является одной из задач специалиста.

Как отмечается в научной литературе, «перевести – значит выразить полными, верными и правильными средствами одного языка ту информацию, те сведения, которые уже были выражены до этого средствами другого (иностранного) языка, которым не владеют участники уголовного судопроизводства» [24, с. 187]. Важнейшим условием возможности осуществления перевода содержания процессуальных действий и документов, по обоснованному мнению О.Ю. Кузнецова, является свободное владение лицом, привлекаемым к разбирательству по делу в качестве переводчика, как минимум двумя языками – языком судопроизводства (как правило, русским языком) и родным языком участника уголовного процесса, не владеющего языком судопроизводства (равно как иным языком, который он свободно избрал для общения в рамках предварительного расследования) [14, с. 52–53].

В соответствии с ч. 2 ст. 169 УПК РФ следователь, привлекая переводчика к участию в производстве по уголовному делу, должен удостовериться в его компетентности.

Так, О.Ю. Кузнецовым предлагаются следующие требования, определяющие компетентность переводчика:

– одинаковая этническая принадлежность с лицом, которому он назначен оказывать помощь в языке судопроизводства, выраженная в форме добровольной национально-языковой самоидентификации;

– воспитание или получение общего среднего образования в одной с участником процесса, не владеющим языком судопроизводства, этнолингвистической среде (проживание в детстве в местности, где язык перевода является основным языком повседневного общения и, желательно, обучения);

– наличие высшего профессионального образования, полученного в Российской Федерации или на русском языке в одной из республик бывшего Союза ССР (до 1991 г.);

– постоянное проживание на территории России в течение значительного периода времени (желательно, более 10 лет) и наличие опыта публичной или социально ориентированной профессиональной деятельности [14, с. 60–61].

А.Ю. Мищенко предлагает «в роли переводчика по уголовному делу допускать лицо, имеющее высшее профессиональное либо дополнительное профессиональное образование соответствующего профиля, а равно получившее сертификат о знании иностранного языка на уровне, признанном достаточным для осуществления свободного перевода, имеющее опыт работы в качестве переводчика не менее двух лет» [15, с. 244]. И.И. Бунова к этому добавляет, что «переводчик должен знать и уметь переводить не только обычную разговорную речь, но и тексты с учетом их специальной терминологии» [5, с. 206].

Думается, что все вышеперечисленные требования являются явно завышенными, и, если в крупных городах России они еще могут быть частично соблюдены, то в малонаселенных районах страны это невозможно. На практике известны случаи, когда в сельской местности в качестве переводчиков по уголовным делам выступали продавцы с национальных рынков, не имеющие высшего образования, но несколько лет работающие в России.

Поэтому следует согласиться с мнением С.В. Швеца о том, что с практической точки зрения «само по себе участие переводчика в уголовном деле не является гарантией полноценной реализации права участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком судопроизводства, на использование родного языка или языка, которым они владеют. Речь следует вести не столько об участии переводчика в уголовном процессе, сколько о качестве участия переводчика» [25, с. 164].

К сожалению, достаточно часто участие переводчика в следственных действиях является формальностью, обусловленной желанием следователя «перестраховаться» и получить подпись переводчика в протоколе следственного действия. В некоторых случаях переводчик даже не принимает реального участия в процессе общения следователя и допрашиваемого лица, которое недостаточно владеет языком уголовного судопроизводства, однако предпочитает отвечать на вопросы следователя по-русски. В других случаях переводчики, являясь представителями этнических диаспор, по принципу национальной круговой поруки одновременно с переводом осуществляют и юриди-

ческую помощь допрашиваемым малограмотным свидетелям, являющимся их земляками, помогают им лучше сформулировать ответы на вопросы следователя в отношении обвиняемого, также приходящегося им земляком.

Некомпетентность переводчика является основанием для его отвода (ч. 2 ст. 69 УПК РФ). По мнению И.И. Буновой, некомпетентность переводчика «определяется не только недостаточным знанием в области языка, низкой общей грамотностью, отсутствием способности адекватно воспринимать слова или выражения, но и незнанием требований языка уголовного судопроизводства, юридической терминологии, отсутствием развитой речи и кругозора для преподнесения информации, недостатком психологической устойчивости, умения осуществлять переводы юридических текстов и устной речи, производить переводы различного вида, в том числе синхронного, сурдоперевода, необладанием информацией о вопросах организации деятельности правоохранительных органов и правосудия» [5, с. 207]. Кроме того, как отмечает Е.П. Гришина, некомпетентность переводчика может выражаться и в неспособности или неумении синхронно, оперативно донести содержание переводимого текста до адресата [11, с. 104].

Определить некомпетентность переводчика следователю, дознавателю, суду достаточно сложно. Наличие у переводчика диплома о высшем лингвистическом образовании, сертификатов об уровне владения иностранным языком свидетельствует о наличии у него специальных знаний в области соответствующего языка, но само по себе не является гарантией эффективного выполнения своей уголовно-процессуальной функции.

В научной литературе в этой связи приводится интересный пример: институтом стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова было проведено исследование переводов, содержащихся в материалах уголовного дела в отношении П. «Согласно заключению специалиста, переводы были признаны неверными, неточными и ненадлежащими. В частности, отвечая на вопросы, поставленные перед специалистом, последний указал, что отсутствует перевод медицинских и юридических терминов, содержащихся в процессуальных документах, обстоятельства дела изложены переводчиком приблизительно. Кроме того, специалистом была установлена и еще одна ошибка переводчика. В переводе содержалась смесь тюркских лексических единиц, в то время как тад-

жикский язык относится к персидской языковой группе; выполненные на таджикском языке переводы были неточными и приближительными, особо выделено отсутствие надлежащего перевода специальных юридических и медицинских терминов. Для обвиняемого это было чревато непониманием сущности предъявленного обвинения, установленных следствием результатов его противоправных действий, выразившихся в телесных повреждениях, повлекших, в дальнейшем, смерть потерпевшего» [12, с. 208–209].

С развитием научно-технического прогресса минимальной гарантией реализации принципа языка уголовного судопроизводства может стать использование электронных переводчиков.

Как отмечается в научной литературе, «обзор практики деятельности полиции США показывает, что подозреваемых иногда приходится освобождать из-за того, что они не могут понять зачитанные по-английски права арестованного, поскольку владеют только испанским или японским языком. Чтобы преодолеть языковой барьер, для правоохранительных и исправительных органов разрабатываются различные технологии перевода устной речи, которые успешно испытываются полицейскими агентствами на местах и заключаются в следующем: в компьютер с помощью микрофона вводится голосовая информация на определенном языке. Компьютер в свою очередь переводит введенную речь на другой язык и затем «произносит» ее» [13, с. 17].

В настоящее время в России в розничной продаже появились персональные (карманные) голосовые электронные переводчики, позволяющие осуществлять автоматический перевод по принципу «голос в голос» на русский, английский, китайский, японский, корейский, немецкий, французский, испанский, итальянский, португальский, голландский языки и другие языки. Например, модель электронного голосового переводчика BRM Electronics STX6 MULTI elite имеет возможность переводить речь с русского на 50 иностранных языков и обратно без подключения к сети «Интернет», а с подключением к сети «Интернет» – на 100 языков [9]. Электронный переводчик при этом может пополняться новыми специализированными словарями или отдельными терминами, например, специальными терминами уголовного судопроизводства. Конечно же, высокая стоимость таких устройств (около 30 000 рублей) не позволит оснастить ими в ближайшем будущем каждого следователя, дознавателя и судью. Но, думается, приобретение подобных устройств может осуще-

ствляться постепенно и со временем позволит совместить функцию автоматического перевода и аудиозаписи устных показаний допрашиваемого лица в цифровой файл (на тот случай, если в ходе дальнейшего производства по уголовному делу возникнут сомнения в достоверности и точности автоматического перевода), что представляется эффективным средством защиты процессуальных интересов допрашиваемых участников уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Абшилава Г.В. Процессуально-правовые и гуманитарные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 203 с.
2. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 56 с.
3. Александрова О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 201 с.
4. Бунова И.И. Возникновение и развитие института переводчика в уголовном судопроизводстве России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 4 (18). С. 90–94.
5. Бунова И.И. Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном производстве // Общество и право. 2010. № 3. С. 205–208.
6. Вилкова Т.Ю. Принцип языка уголовного судопроизводства: содержание и гарантии // Журн. рос. права. 2014. № 10. С. 88–98.
7. Винников А.В. Перевод в судебном уголовном процессе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://otkrmir.ru/sudebnyy-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/perevod-v-sudebnom-ugolovnom-processe>.
8. Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода с цыганского языка уголовных дел о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 31–33.
9. Гришина Е.П. Принцип национального языка судопроизводства в правовых позициях Европейского суда по правам человека и российском законодательстве // Юрист. 2011. № 9. С. 43–46.

10. Гришина Е.П. Реализация принципа национального языка судопроизводства при участии переводчика в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

11. Гришина Е.П. Роль международных актов и решений Европейского суда по правам человека в реализации принципа национального языка судопроизводства в уголовном процессе России // Современное право. 2013. № 8. С. 102–105.

12. Ковалевская Н.В., Волосова М.В. Переводческая эквивалентность в уголовном судопроизводстве: правовая сущность и правовые последствия ее отсутствия // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 207–209.

13. Копылова О.П., Курсаев А.В. Принцип языка в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 76 с.

14. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. 256 с.

15. Мищенко А. Ю. Понятие переводчика и его роль в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 244–246.

16. О способах облегчения доступа к правосудию: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 // Совет Европы и Россия: сб. док. М.: Юрид. лит., 2004. С. 676–679.

17. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рамазанова Эльшада Достали на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 18 и пунктом 6 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1064-О. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс», 2015.

18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сурхоева Абубакара Саид-Магомедовича на нарушение его конституционных прав статьей 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 665-О-О. Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс», 2015.

19. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технология», 2003. 944 с.

20. Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе. Ташкент: ФАН, 1974. 90 с.

21. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

22. Состояние преступности за январь–декабрь 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mvd.ru/reports/item/2994866>.

23. Стельмах В.Ю. Некоторые вопросы участия переводчика при производстве предварительного следствия по уголовным делам // Рос. юрид. журн. 2014. № 5. С. 188–197.

24. Темкина В.Л., Антонова А.В., Волосова Н.Ю., Волосова М.В. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: лингвистические, правовые и организационные вопросы // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 187–189.

25. Швец С.В. Механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 162–164.

26. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Экзамен, 2005. 416 с.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilyevich – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.14

Р.А. Медиев

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ
«НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ»
ПО НОВОМУ УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В настоящей статье предпринята попытка дать определение негласных следственных действий по новому уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан. Учитывая мнения ученых-юристов как казахстанских, так и зарубежных, автором представлена своя позиция в отношении понятия «негласные следственные действия».

Ключевые слова: Новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан; следственные действия; негласные; комплексные; специальные; тайные; оперативно-розыскные мероприятия; процесс.

R.A. Mediev

**TO THE QUESTION OF THE DEFINITION
«UNDERCOVER INVESTIGATIONS» BY THE NEW CRIMINAL
PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

This article attempts to give a definition of covert investigative actions by the new criminal procedure legislation of the Republic of Kazakhstan. Taking into account the opinions of legal scholars both Kazakh and foreign, the author presented its position in relation to the concept of «tacit investigative steps».

Keywords: The new Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan; investigation actions; unspoken; complex; special; secret; investigative activities; process.

4 июля 2014 г. Президентом Республики Казахстан подписан новый Уголовно-процессуальный кодекс, направленный на модернизацию системы уголовного судопроизводства и приведение ее в соответствие с международными стандартами.

Одним из основных его направлений является регламентация порядка и производства оперативно-розыскных мероприятий в рам-

ках уголовного судопроизводства (гл. 30 Негласные следственные действия). А это, в свою очередь, заключается в проведении негласных следственных действий с санкции прокурора для защиты граждан от нарушения их конституционных прав на неприкосновенность частной жизни.

В связи с этим хотелось бы рассмотреть вопрос о понятии негласных следственных действий по новому УПК РК. Прежде чем перейти к определению, что такое негласные следственные действия, необходимо определить, что такое следственные действия.

Следственные действия – это производимые следователем в соответствии с уголовно-процессуальным законом процессуальные действия, целью которых являются собирание и проверка доказательств [8].

По мнению Р.С. Белкина, следственное действие – это предусмотренное уголовно-процессуальным законом действие по собиранию, исследованию оценке и использованию доказательств. Осуществляется следователем (органом дознания) или прокурором [3, с. 18].

По этому поводу С.А. Шейфер отметил, что ученые-процессуалисты различно трактовали термин «следственное действие». Например, А.М. Ларин, И.Ф. Герасимов и многие другие ученые, исходя из субъекта деятельности, считали, что все, что делает следователь во исполнение требований уголовно-процессуального закона, есть следственные действия. Это – широкая трактовка данного термина, ставящая знак равенства между следственными и процессуальными действиями [17, с. 12–13].

Более детальное определение рассматривается в большой советской энциклопедии: как действия по собиранию и проверке доказательств, осуществляемые следователем, органом дознания, судом в установленном законом порядке. К числу следственных действий относятся: допрос, очная ставка, арест и выемка корреспонденции, обыск, осмотр следственный и освидетельствование, предъявление для опознания людей и предметов, следственный эксперимент, получение образцов для сравнительного исследования. Проведение следственных действий регламентировано законом с учетом особенностей каждого вида доказательств. По общему правилу следственные действия осуществляются после возбуждения уголовного дела (за исключением осмотра места происшествия, который может быть произведен и до этого). В ходе дознания и предварительного следствия

следственные действия осуществляет орган, в производстве которого находится данное дело или который получил специальное поручение вести следственные действия. В ходе судебного разбирательства следственные действия осуществляет только суд, рассматривающий дело. Никто, кроме следователя, лица, производящего дознание, прокурора и суда, не правомочен производить следственные действия [4].

Само понятие «следственные действия» многократно упоминается в УПК РК, однако законодатель не разъясняет его содержание, как это сделано в отношении ряда других терминов. По новому УПК Республики Казахстан негласные следственное действие это – действие, проводимое в ходе досудебного производства без информирования вовлеченных в уголовный процесс лиц, интересов которых оно касается в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом (ст. 7 УПК РК).

Например, казахстанские ученые-юристы определили негласные следственные действия как разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом [2, с. 42].

При этом Б.М. Нургалиев и К.С. Лакбаев отмечают, что негласные следственные действия – это «действия, которые производятся, если для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию в уголовном процессе, сведения о фактах необходимо получить, не информируя вовлеченных в уголовный процесс лиц и лиц, которые могли бы предоставить эти сведения. Они проводятся при условии, если подлежащие доказыванию обстоятельства преступления, установить иным способом не представляется возможным» [9, с. 164].

В ст. 246 УПК Украины, негласные следственные (розыскные) действия – это разновидность следственных (розыскных) действий, сведения об условиях, порядке и методах проведения, не подлежащих разглашению, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом (ст. 246–257 УПК У).

В свою очередь, уголовно-процессуальные кодексы государств на постсоветском пространстве, в которых проведены коренные преобразования в отношении оперативно-розыскных действий как способа собирания доказательственной информации, трансформированы в разные терминологии: негласные следственные (розыскные), тайные, специальные следственные действия.

Так, например, в новом Уголовно-процессуальном кодексе Грузии с 2010 г. включен специальный раздел – гл. 16 «Тайные следственные действия». Данные действия направлены на создание конспиративной организации, внедрение оперативного сотрудника в преступную группу, визуальные или любые другие контроли (слежки), тайны прослушивания и запись коммуникации (ст. 136–140 УПКГ) [12].

Тем не менее, с нашей стороны, следует указать, что вышеуказанные терминологии требуют более детального рассмотрения и разъяснения терминов следственных действий.

Обратившись к словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова, мы найдем следующее толкование: «негласный – не известный другим, не явный, тайный; негласный надзор... Тайный – составляющий тайну для других, не известный другим, не явный, не открытый; тайное свидание; действовать тайно; таящий в ком-нибудь, не обнаруживаемый или не совсем осознанный; предназначенный для секретных дел; тайная канцелярия; тайный советник» [10].

Под понятием «тайный» В.И. Даль подразумевает: «скрытный, сокровенный, составляющий для кого-либо тайну, неизвестный кому или скрываемый от кого, секретный, неоглашаемый». А что означает «негласный», то по этому поводу пояснения отсутствуют [5, с. 290, 386].

Дореволюционный русский процессуалист Л.Е. Владимиров определял тайну как «сохранение в негласности обстоятельства, разглашение которого принесло бы больше вреда, чем пользы, понимая последнюю не только в смысле утилитарном, но и в смысле отвлеченном, то есть ограждение существования и питания нравственных идеалов человеческого совершенствования» [13, с. 40]. Но данное определение больше нравственного характера, чем правовое.

Л.О. Красавчикова с юридической точки зрения тайну понимает как «определенную информацию о действиях (состоянии и иных обстоятельствах) определенного лица (гражданина, организации, государства), не подлежащую разглашению» [6, с. 12].

Относительно к государственной тайне ст. 1 Закона РК «О государственных секретах» от 15 марта 1999 г. дает следующее определение: «государственная тайна – сведения военного, экономического, политического и иного характера, разглашение или утрата которых наносит или может нанести ущерб национальной безопасности Республики Казахстан».

Хотя речь в нашей статье идет о негласных следственных действиях, в проекте концепции по УПК РК 2009 г., было предложено введение тайных следственных действий. Аргументировалось это тем, что «УПК многих зарубежных стран, в том числе постсоветских введено понятие тайные следственные действия, так как законодатели считают, что все действия, целью которых является собирание доказательств, должны регламентироваться уголовно-процессуальным законом».

Учитывая вышеизложенное высказывание по поводу понятия «тайные», а также учитывая широкое мнение ученых-юристов, казахстанский законодатель пришел к единому мнению по поводу регламентации данных следственных действий как «негласные». Хотя, по нашему мнению, данные понятия «тайные» и «негласные» идентичны. Однако поступали предложения в определении данных следственных действий как «специальных».

Например, как в уголовно-процессуальном законе Латвийской Республики, где оперативно-розыскные мероприятия проводятся в рамках следственных действий и регламентированы гл. 11 «Специальные следственные действия» (ст. 210–234 УПЗ ЛР) [14].

С конца 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия в уголовно-процессуальном законодательстве ряда зарубежных государств зародился и получил свое развитие институт «специальных следственных действий». В этом случае речь шла о легализации в уголовном процессе использования негласных мероприятий и информации, а также создание на их основе новых процессуальных форм (новых следственных действий по собиранию доказательств). Такие действия получили не только формальное закрепление, но и детальную регламентацию в УПК и иных законах Бельгии, Германии, Греции, Франции, Швейцарии и ряде других государств, входящие в Европейский союз.

Вместе с тем законодатели Российской Федерации и Республики Беларусь не спешат к коренным преобразованиям в отношении уголовно-процессуального законодательства, например, негласных следственных действий как способа собирания доказательственной информации.

До настоящего времени у российских правоведов о допуске результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс нет единого мнения, однако проблема исследования на протяжении многих лет вызывает повышенный интерес и в данном вопросе наблюдаются разные позиции.

Чтобы исключить дальнейшую дискуссию об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании А.М. Баранов предлагает включить негласные способы собирания доказательств в Уголовно-процессуальный кодекс и придать им статус процессуальных действий [1, с. 28–35].

Определенный интерес в этом отношении представляется точка зрения А.Е. Шарихина, который предлагает на законодательном уровне, учитывая зарубежный опыт, раскрыть содержание отдельных оперативно-розыскных мероприятий в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, что позволит рассматривать организацию и тактику этой деятельности как элемент предварительного расследования в скрытой форме. В результате сведения, полученные при проведении оперативно-розыскной деятельности, будут относиться к тайне следствия [16, с. 26].

Также ученые-юристы России считают, что законодательство и развитие юридической науки создают необходимые и достаточные предпосылки для разработки новых процессуальных форм, которые отвечали бы требованиям законности и обоснованности производства специальных следственных действий [11, с. 408].

В Республике Беларусь данную проблему рассматривали М.В. Галезник, А.Е. Гучок, А.Н. Тукало и др. Однако в большинстве случаев проблемам использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, а тем более об использовании оперативно-розыскных мероприятий как негласных следственных действий уделяется не слишком много внимания, констатируется просто их наличие, а конкретных предложений не приводится.

Но, в свою очередь, российские ученые-юристы считают, что термин «специальные» не вполне удачен с позиций уголовно-процессуальной фразеологии. Предпочтение, может быть отдано другому термину – «комплексные следственные действия». Так как, по мнению некоторых ученых, по содержанию следственные действия подразделяются на однородные и комплексные. К однородным следственным действиям относятся осмотр, освидетельствование, выемка, допрос и др., т. е. действия, имеющие единую природу и не содержащие элементов других следственных действий. В комплексном же следственном действии соединены элементы нескольких. Например, согласно ст. 194 УПК РФ проверка показаний на месте включает в себя элементы допроса, осмотра и следственного эксперимента [7, с. 421].

С точки зрения криминалистической тактики, комплексные тактические операции – сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и расследовании конкретного преступления [24]. Например, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления – это комплексное следственное действие, состоящее в задержании почтово-телеграфных отправлений, осмотре содержащихся в посылках, бандеролях, письмах предметов и документов, а также телеграмм и радиogramм, и при необходимости в изъятии или снятии с документов копий, непосредственно в учреждениях связи. Это действие непосредственно затрагивает конституционное право личности на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Согласно ч. 1 ст. 11 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г., оперативно-розыскные мероприятия подразделяются на общие и специальные. При этом согласно ст. 1 данного закона специальные оперативно-розыскные мероприятия – это оперативно-розыскные мероприятия, непосредственно затрагивающие охраняемые законом неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений и почтовых отправлений, а также право на неприкосновенность жилища.

Специальными оперативно-розыскными мероприятиями являются:

- 1) контроль почтово-телеграфных отправлений;
- 2) оперативный поиск на сетях связи;
- 3) негласное прослушивание и запись разговоров с использованием видео-, аудиотехники или иных специальных технических средств, прослушивание и запись переговоров, производящихся по телефонам и другим переговорным устройствам, а также получение сведений о произведенных телефонных переговорах;
- 4) снятие информации с технических каналов связи, компьютерных систем и иных технических средств;
- 5) оперативное проникновение.

Согласно новому уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан, принятого 7 июля 2014 г., в ст. 231 к негласным следственным действиям, относятся:

- 1) негласные аудио- и (или) видеоконтроль лица или места;
- 2) негласные контроль, перехват и снятие информации, передающейся по сетям электрической (телекоммуникационной) связи;

- 3) негласное получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- 4) негласное снятие информации с компьютеров, серверов и других устройств, предназначенных для сбора, обработки, накопления и хранения информации;
- 5) негласный контроль почтовых и иных отправлений;
- 6) негласные проникновение и (или) обследование места;
- 7) негласное наблюдение за лицом или местом;
- 8) негласная контролируемая поставка;
- 9) негласный контрольный закуп;
- 10) негласные внедрение и (или) имитация преступной деятельности.

В итоге получается, что специальные оперативно-розыскные мероприятия выступают негласными следственными действиями. В этом вопросе по отношению определения негласных следственных действий, с нашей позиции, негласные действия – это все равно, что не поддающиеся огласке, так же, как и тайные, не должны разглашаться, значит, эти термины, не подходящие в использовании уголовно-процессуального судопроизводства.

Хотя вышеуказанный термин «комплексные следственные действия» уже говорит сам за себя, и вполне приемлем, но все же мы склоняемся к понятию «специальные следственные действия».

По этому поводу, считаем необходимым принять совместное решение ученых стран ЕврАзЭС (Россия, Казахстан и Белоруссия) не только в отношении терминологии, что, в свою очередь, приведет к аргументированию вопроса негласных следственных действий и их определения, роли и места в уголовном процессе, но и к введению единого уголовного судопроизводства и практического использования материалов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

Список использованной литературы

1. Баранов А.М. Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2004. № 4. С. 62–66.
2. Бачурин С. Н., Сыздыков К. Т., Ержанов Т. М. Критические замечания и предложения по проекту Закона РК «О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Ка-

захстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства» (по вопросам оперативно-розыскной деятельности) // Хабаршы-Вестник Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. 2011. № 4. С. 41–43.

3. Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. М.: Новый юрист, 1997. 176 с.

4. Большая советская энциклопедия. Т. 30. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovari.yandex.ru>.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Медиа, 2005. 683 с.

6. Красавчикова Л.О. Личная жизнь под охраной закона. М., 1983. 160 с.

7. Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике. СПб.: Юрид. фак. СПбГУ, 2006. 998 с.

8. Манова Н.С. Уголовный процесс: Конспект лекции [Электронный ресурс] / Институт экономики и права. Режим доступа: <http://www.be5.biz/pravo/umns/toc>.

9. Нургалиев Б.М., Лакбаев К.С. Негласные следственные действия: история, понятие, проблемы, перспективы // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 162–165.

10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org>.

11. Попов А.П. Проблемы интеграции розыскных начал в стадии предварительного расследования // Уголовный процесс РФ. Проблемные лекции: учеб. пособие. М., 2014. 412 с.

12. Путеводитель по новому Уголовно-процессуальному кодексу Грузии / сост. Заза Меишвили. Тбилиси. 2010. 48 с.

13. Смолькова И.В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7. С. 39–42.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики [Электронный ресурс]. Рига, 2005. 283 с. Режим доступа: www.ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovno-processualnyj.

15. Уголовный процесс: сб. учеб. пособий. Особенная часть. Вып. 2. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

16. Шарихин А.Е. Оперативно-розыскная деятельность в обеспечении экономической безопасности России: Проблемы и перспективы. М., 2006.

17. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственные значения. Самара, 2004. 225 с.

Информация об авторе

Медиев Ренат Амангельдыевич – капитан полиции, докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 100021, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермекова, 124. E-mail: rina_okp@mail.ru.

Information about the author

Mediev Renat Amangeldyevich – police captain, doctoral candidate, Karagandy Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, 124, Ermekov str., Karaganda, 100021. E-mail: rina_okp@mail.ru.

УДК 343.195.6

И.П. Попова

СВОЙСТВА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье дается понятие требований к обвинительному приговору, выполнение которых проявляет такие внутренние свойства приговора как законность, обоснованность, мотивированность и справедливость. Приводится содержание внешних свойств обвинительного приговора (обязательность, исключительность, неизменность, преюдициальность), которыми приговор, как акт правосудия, обладает по вступлении в законную силу.

Ключевые слова: уголовный процесс; приговор; внутренние свойства приговора; внешние свойства приговора; законная сила приговора.

I.P. Popova

PROPERTIES OF GUILTY VERDICT IN RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

The article presents the notion of requirements to guilty verdict, execution of which shows these internal properties of the verdict as the legality, soundness, motivation and equity. Listed the content of external properties of guilty verdict (mandatory, exclusively, invariability, prejudicialness), that the verdict as an act of justice, has upon the entry into force.

Keywords: criminal procedure; verdict; the intrinsic properties of the sentence; the external properties of the sentence; legal force of the verdict.

Обвинительный приговор – решение суда первой или апелляционной инстанции о виновности подсудимого и назначении ему наказания, или, в предусмотренных законом случаях, – не назначении наказания, либо об освобождении подсудимого от наказания. Приговор – акт правосудия, в силу чего постановляется с соблюдением тайны совещания судей именем Российской Федерации на основании совокупности непосредственно исследованных в судебном заседании доказательств.

В юридической литературе высказано интересное мнение о том, что «приговор как важнейший акт уголовного правосудия, венчающий судебное разбирательство и разрешающий обвинение по делу ... есть не только решение о виновности или невиновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания (п. 28 ст. 5 УПК РФ), но и выражает, насколько полно, законно, обоснованно и справедливо защищены права и интересы потерпевшего» [21, с. 12].

Как к наиболее важному виду итогового судебного решения, которым завершается производство по уголовному делу, законодатель установил ряд требований к форме, порядку постановления и содержанию обвинительного приговора. В юридической литературе встречается различное понимание требований к приговору и свойств приговора, имеет место и смешение этих понятий.

Представляется, что к приговору может быть предъявлено много различных требований. К примеру, требования к оформлению и порядку постановления приговора содержатся в ст. 296 УПК РФ (постановление приговора именем РФ), ст. 298 УПК РФ (тайна совещания судей), ст. 301 УПК РФ (порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении дела) и другие, указанные в гл. 39 УПК РФ. Не каждое из указанных требований может быть расценено как свойство приговора. Под требованием следует понимать желаемый результат, которому должен соответствовать приговор, тогда как свойства – это качественная характеристика того, чем приговор уже обладает.

Приговор должен отвечать определенным требованиям, которые некоторые авторы именуют **внутренними свойствами** приговора – законность, обоснованность, мотивированность и справедливость. В отличие от внешних свойств приговора, таких как обязательность, преюдициальность, исключительность, неопровержимость, которыми характеризуется вступивший в законную силу приговор суда, как акт судебной власти [20, с. 61–67; 19, с. 22–24].

Как справедливо отмечает А.В. Бунина, внутренние и внешние свойства приговора «в диалектической взаимосвязи выражают качественную определенность этого процессуального акта в системе процессуальных решений» [8, с. 20].

Вне зависимости от вида (обвинительный или оправдательный) приговор должен соответствовать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости. При соблюдении указанных требований, приговор обладает одноименными свойствами (качествами), и как центральный акт правосудия в уголовном судопроизводстве обладает таким интегрированным качеством как правосудность приговора. Именно указанное качество правосудности приговора является одним из критериев оценки эффективности правосудия по уголовным делам.

В соответствии с положениями ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым, и признается таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

По смыслу указанной нормы закона, требование **законности** означает, что приговор суда: 1) соответствует требованиям международно-правовых актов, Конституции РФ, УПК РФ, иным законам, которые подлежат применению при его постановлении; 2) постановлен закон-

ным составом суда в строго предусмотренной законом форме и с соблюдением предусмотренной законом процедуры; 3) при этом соблюдены права участников уголовного судопроизводства; 4) соблюдены процессуальные нормы в ходе всего уголовного судопроизводства, в том числе, в его судебных стадиях.

Обоснованным является приговор, в котором выводы суда соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждены достаточной совокупностью достоверных доказательств, исследованных в судебном следствии, проведенном с соблюдением процедуры, предусмотренной уголовно-процессуальным законом.

Все выводы, приведенные в приговоре, должны быть основаны на достаточной совокупности доказательств, непосредственно исследованных в судебном заседании (ст. 240 УПК РФ). В случае постановления обвинительного приговора суд должен обосновать вид и размер наказания, которое применяет к подсудимому. Приговор может быть обоснован только допустимыми и достоверными доказательствами, которым должна быть дана надлежащая оценка судом в приговоре каждому в отдельности и в совокупности (ст. 17, 88 УПК РФ). Судом должна даваться оценка, как вопросам квалификации преступления, так и вопросам назначения наказания, а все выводы в приговоре должны быть обоснованными. Выводы суда, приведенные в приговоре, должны соответствовать исследованным по делу доказательствам и установленным в приговоре обстоятельствам, не должны содержать противоречий (ст. 307 УПК РФ).

В силу прямого указания в законе обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, виновность подсудимого должна быть подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 14, ч. 4 ст. 302 УПК РФ). В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2013 г. № 11) «О судебном приговоре» [1], в приговоре необходимо привести всесторонний анализ доказательств, на которых суд основал выводы, при этом должны получить оценку все доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого.

Мотивированность приговора означает, что все выводы суда обоснованы доказательствами, все принимаемые решения объясняются соответствующими доводами. Мотивированным является приговор,

при изложении которого перечислены судебные доказательства, приведены доводы и нормы закона, положенные в его основу. Являясь внешним выражением обоснованности приговора, его мотивированность позволяет наглядно проследить связь доказательств с выводами и решениями суда.

Уголовно-процессуальный закон не содержит критерии и саму дефиницию понятия «справедливости приговора». Как считают В.М. Бозров и Н.В. Костовская, «одна из основных причин тому – возведение социальной ценности в уголовно-процессуальную категорию» [7, с. 19]. В соответствии с ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ несправедливым является приговор, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости.

Из этого следует, что **справедливым** приговор является в том случае, когда судом назначается наказание в соответствии с тяжестью преступления и личностью подсудимого, т. е. «наказанию должен быть подвергнут только действительно виновный и только в меру его ответственности (соответствие деяния и воздаяния» [6, с. 363]. Выполнение требования справедливости обвинительного приговора обеспечивается соблюдением принципа индивидуализации вины и ответственности подсудимого, признанного виновным.

Вступивший в законную силу приговор обладает **внешними свойствами**. Так, свойство **обязательности** приговора означает, что приговоры являются обязательными для всех федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат точному и неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 392 УПК РФ).

В юридической литературе высказано мнение о том, что «приговор суда, вступивший в законную силу, – закон для данного дела» [13, с. 11]. В этой связи А.П. Гуськова справедливо отмечает, что являясь «властным актом, приговор вместе с тем не создает норм права. Он обладает индивидуальным правоприменительным характером,

представляя собой акт применения нормы права к конкретным правоотношениям» [17, с. 415].

Постановление приговора именем государства подчеркивает значение приговора как акта государственной (судебной) власти, исполнение которого обеспечивается государственными механизмами под страхом уголовной ответственности (ст. 315 УК РФ). Разрешая в строго установленном законом процессуальном порядке основные вопросы уголовного преследования, «суд от имени государства дает в приговоре общественно-правовую оценку рассматриваемым деяниям и применяет к нарушителям правопорядка меры государственного принуждения» [11, с. 8].

Свойство **исключительности** (окончателности [18, с. 169]) приговора предопределяет невозможность повторного производства по уголовному делу в отношении лица, о котором уже состоялось судебное разбирательство и судом постановлен приговор по тому же обвинению. Данное свойство позволяет выделить приговор среди иных процессуальных, в том числе, судебных решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства; служит гарантией прав и интересов обвиняемого и реализует конституционные положения о запрете повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Развитие указанного конституционного положения закреплено в п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, содержащем норму о том, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в отношении лица, о котором имеется вступивший в законную силу приговор по тому же обвинению, либо определение (постановление) суда о прекращении дела по тому же основанию, либо неотмененное постановление органа дознания, следователя, прокурора о прекращении дела по тому же обвинению.

Приведенные положения закрепляют международный принцип правовой определенности, содержащий требования о том, что отмена в порядке надзора окончательного и имеющего обязательную силу решения возможна лишь для устранения существенных нарушений или ошибок правосудия, и только если это необходимо в силу существенных и неотложных обстоятельств [2; 3].

Европейский суд по правам человека подчеркивает, что «правовая определенность предполагает уважение принципа... недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела. Принцип

закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера» [4]

Свойство **неизменности** (стабильности [16, с. 590], неотменимости [20, с. 61], неопровержимости [14, с. 250], непоколебимости [5, с. 8]) приговора подчеркивает устойчивость принимаемых судом решений от имени государства и означает невозможность его отмены (изменения) тем же судом или судом того же уровня. Праву на обжалование приговора корреспондирует возможность отмены или изменения не вступившего в законную силу приговора в апелляционной инстанции. Вместе с тем вступивший в законную силу приговор, обладая свойством неизменности, может быть изменен лишь в исключительных стадиях судопроизводства.

Сущность презумпции **истинности** обвинительного приговора означает, что вступивший в законную силу приговор расценивается как истинный, пока обратное не будет доказано в установленном законом порядке. В научной литературе существует мнение, что «истинность приговора есть соответствие реальной действительности утверждений суда, закрепленных в приговоре, об устанавливаемых в ходе уголовного судопроизводства юридически значимых обстоятельствах уголовного дела» [12, с. 21–22].

В связи с чем нельзя не согласиться с точкой зрения И.Л. Петрухина, полагавшего, что «презумпция истинности вступившего в законную силу приговора основана на предположении, что процессуальных гарантий нормальных стадий процесса достаточно для установления истины по уголовному делу» [15, с. 240].

Презумпция истинности приговора является опровержимой, из чего следует, что отмена приговора возможна при наличии соответствующих оснований и условий, и только в пределах, указанных в законе.

Ряд авторов дают следующее определение презумпции истинности приговора: «Презумпция истинности приговора – это признанное на уровне закона положение о том, что вступивший в законную силу приговор отражает объективную истину и является обязательным для всех субъектов, чьи права, обязанности и законные интересы он затрагивает. Опровергнуть это положение возможно только в исключительных случаях и при помощи экстраординарных методов, установленных законом» [14, с. 152].

Свойство **преюдициальности** приговора является следствием его законной силы, и в определенной степени результатом последовательного применения презумпции истинности приговора. С учетом положений ст. 90 УПК РФ преюдиция, как обязательность решений одного суда для другого, означает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного производства, признаются судом, прокурором следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом, такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле.

Как справедливо подчеркивал Ю.М. Грошевой, «преюдициальность связана с недопустимостью вторичного решения вопросов, ранее разрешенных в другом акте права и имеющих значение для правильного разрешения данного уголовного дела» [10, с. 112].

Резюмируя изложенное, представляется возможным изложить следующие выводы. Требования законности, обоснованности, справедливости и мотивированности приговора тесно взаимосвязаны. Нарушение указанных требований, в виде отсутствия какого-либо свойства (качества), может повлечь отмену или изменение приговора. Немотивированный приговор порождает сомнения в его обоснованности. Напротив, соблюдение требования мотивированности приговора выступает важной гарантией правосудия, позволяющей проверить законность и обоснованность постановленного приговора. Незаконный, необоснованный либо немотивированный приговор не может быть признан справедливым.

Вместе с тем приходится констатировать, что в уголовно-процессуальном законе не раскрывается сущность перечисленных требований к приговору как итоговому процессуальному решению. В дей-

ствующем уголовно-процессуальном законе содержание требований к приговору раскрывается лишь косвенно через изложение оснований к отмене или изменению приговора.

Как и внутренние свойства приговора, такие его внешние свойства приговора как обязательность, исключительность, неизменность, преюдициальность взаимосвязаны. В силу существования презумпции истинности вступивший в законную силу приговор обладает свойством обязательности. Выводы и решения, приведенные в обвинительном приговоре, обладают свойством исключительности для данного уголовного дела и всех лиц, чьи интересы затронуты указанным приговором. В свою очередь, вступивший в законную силу приговор имеет преюдициальное значение для правоприменителей при производстве по другим делам.

Внутренние свойства приговора определяют его внешние свойства (качества). Следует согласиться с утверждением О. Ю. Гай, что «в законную силу может вступить не только приговор, соответствующий требованиям законности, обоснованности, мотивированности и справедливости, но и не отвечающий этим требованиям судебный акт. Независимо от этого он (приговор) вступает в законную силу и презюмируется истинным до того момента, пока не возникнут сомнения в его правильности, правосудности» [9, с. 41].

Приведенными свойствами приговор обладает, пока он не будет отменен в установленном законом порядке с соблюдением принципа правовой определенности. Именно по вступлению приговора в законную силу проявляются не только такие его внутренние свойства как законность, обоснованность, мотивированность и справедливость, но и такие важные свойства приговора, именуемые как внешние, которые в совокупности характеризуют приговор как акт государственной (судебной) власти, акт правосудия по уголовному делу.

Список использованной литературы

1. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 апр. 2013 г. № 11) // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7. С. 2–8.

2. Кот против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 г. // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2008. № 5. С. 79–88.

3. По вопросу приемлемости жалобы № 72776/01 «Афанасий Семенович Братякин против Российской Федерации»: решение ЕСПЧ от 9 марта 2006 г. // Рос. юст. 2006. № 11. С. 73–77.

4. Рябых против Российской Федерации: постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. // Журн. рос. права. 2004. № 5. С. 110–119.

5. Адаменко В.Д. Приговор и его изменение в кассации. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 196 с.

6. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б.Т. Безлепкин. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 560 с.

7. Бозров В.М., Костовская Н.В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2013. 160 с.

8. Бунина А.В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2006. 168 с.

9. Гай О.Ю. Законная сила приговора в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 179 с.

10. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Изд-во при Харьк. гос. ун-те изд. об-ния «Вища шк.», 1979. 143 с.

11. Ивенский А.И. Понятие и свойства приговора. Классификация приговоров. Самара: Универс групп, 2007. 100 с.

12. Морквин В.А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.

13. Сирота С.И., К.А. Панько. Суд выносит приговор. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1972. 136 с.

14. Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.

15. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. М.: Проспект, 2014. 688 с.

16. Уголовный процесс: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М.: Эксмо, 2008. 816 с.

17. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.П. Гуськовой, Ф.К. Зиннурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 663 с.

18. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 532 с.

19. Чашин А.Н. Судебное производство в уголовном процессе. М.: Дело и сервис, 2014. 240 с.

20. Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве. М.: Волтерс Клувер, 2010. 256 с.

21. Шамсутдинов Р.К. Актуальные вопросы уголовного правосудия в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. 29 с.

Информация об авторе

Попова Ирина Павловна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: irinabaikal@mail.ru.

Information about the author

Popova Irina Pavlovna – a senior lecturer at Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, The Chairman of The Ust-Ilimsk Municipal Court of Irkutsk region in honorable retirement, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: irinabaikal@mail.ru.

УДК 343.13

О.А. Самсонова
Е.А. Орхокова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье анализируются эффективность применения положений гл. 40¹ УПК РФ, вопросы целесообразности и ценности применяемого досудебного соглашения о сотрудничестве и некоторые пробелы за-

конодательного регулирования и правоприменительной практики особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Авторы предлагают внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также дополнение его нормами, регламентирующими права и обязанности несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) при заключении соглашения о досудебном сотрудничестве.

Ключевые слова: упрощенная форма судебного разбирательства; досудебное соглашение; дознание; потерпевший; несовершеннолетний.

O.A. Samsonova

E.A. Orchokova

TOPICAL QUESTIONS OF CONCLUSION OF THE PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION

In article efficiency of application of positions of chapter 40¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, questions of expediency and value of the applied pre-trial agreement about a collaboration and some blanks of the legislative adjusting of particular order of acceptance of court decision, is analyzed at the conclusion of pre-trial treaty about a collaboration, and also problems arising up during realization of this institute. Authors suggest to enter changes in the code of criminal procedure of the Russian federation, and also to complement norms regulating right and duties minor defendant (suspected) at the conclusion of treaty about a pre-trial cooperation.

Keywords: the simplified form of judicial proceedings; the pre-judicial agreement; inquiry; the victim; the minor.

29 июня 2009 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) была введена гл. 40¹ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3].

Досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 61 ст. 5 УПК РФ) – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Институт досудебного соглашения представляет собой упрощенную форму судебного разбирательства, предназначенную для рассмотрения уголовных дел, в которых нет спора относительно содержания и объема обвинения [2, с. 110].

За то время, что существует институт досудебного соглашения, в правовой литературе сложились различные мнения по применению и реализации досудебного соглашения, в том числе – резко критичные. Например, И.Л. Петрухин писал: «В российском уголовном правосудии сделка – явление аморальное, порочное, бесчестное; это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления» [6, с. 36].

Очевидно, что эффективностью применения положений гл. 40¹ УПК РФ в большей степени удовлетворены участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, такие, как следователи, дознаватели, прокуроры. Подобная ситуация обусловлена тем, что расследование и рассмотрение уголовных дел в особом порядке проходит в упрощенной форме и короткие сроки, что позволяет органам предварительного расследования повысить показатели статистических данных по раскрываемости преступлений. Безусловно, что заинтересован в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и обвиняемый (подозреваемый), который инициирует данную процедуру с целью минимизации наказания за совершенное преступление.

Следует отметить, что в ходе применения анализируемого порядка расследования и разрешения уголовного дела наиболее незащищенными в реализации своих прав оказались потерпевшие. Они не только не участвуют в составлении досудебного соглашения (ч. 1 ст. 317³ УПК РФ), но и не уведомляются о факте его заключения; от потерпевшего также не требуется согласия на применение особого порядка принятия судебного решения при заключении обвиняемым досудебного соглашения. Статья 42 УПК РФ вообще не содержит положений о правах потерпевшего при заключении досудебного соглашения с подозреваемым или обвиняемым.

Из анализа отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [5] следует, что в 2010 г. уголовные дела, рассмотренные с применением гл. 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» и гл. 40¹ УПК РФ объединялись под общим на-

званием «особый порядок судебного разбирательства» и составляли примерно 50 % от всех оконченных уголовных дел.

В отчетах Судебного департамента за 2011–2014 гг. происходит разделение анализируемых глав. Из статистических данных видно, что количество обвиняемых (подозреваемых), выразивших свое желание на постановление приговора в особом порядке в связи с согласием с предъявленным обвинением отличается по составам преступлений. Так, наибольшее количество приговоров, постановленных в особом порядке в 2011–2014 гг., вынесены по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. В то же время досудебные соглашения о сотрудничестве, заключенные по уголовным делам по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, существенно меньше. Например (по указанному составу преступления), в 2011 г. 393 009 уголовных дел было рассмотрено с применением гл. 40 УПК РФ и всего 1 611 лиц заключили досудебное соглашение о сотрудничестве. В 2012 г. количество уголовных дел, рассмотренных в особом порядке, сократилось по сравнению с 2011 г., в 2013–2014 гг. количество приговоров, постановленных в порядке ст. 316 УПК РФ, уменьшилось (по сравнению с предыдущим годом), в то же время количество заключенных досудебных соглашений и приговоров, постановленных в соответствии со ст. 317⁷ УПК РФ, наоборот – увеличилось.

Такое же отличие между применением гл. 40 и 40¹ УПК РФ наблюдается по уголовным делам по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228–233 УК РФ.

Следует отметить, что иные тенденции применения особых процедур наблюдаются по уголовным делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Так, по данной категории уголовных дел объем заключенных досудебных соглашений больше, чем приговоров, постановленных в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ. Подобные статистические данные свидетельствуют о том, что производство не по всем уголовным делам, по которым были заключены досудебные соглашения, закончилось постановлением приговора в особом порядке.

В целом, наибольшее число приговоров, постановленных в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, наблюдается по уголовным делам по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 158 УК РФ, затем (по нисходя-

щей) по показателям следует категория уголовных дел по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 228–233 УК РФ, 111, 112, 161, 159, 166, 263–271, 242–246, 294–298, 317–321, 160, 162, 169–199.2. Наименьшее количество уголовных дел, по которым были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве и постановлены приговоры в особом порядке – это дела по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 105, 131, 213, 290, 291 УК РФ.

Анализируя данные о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в 2011–2014 гг., необходимо отметить, что число лиц, заключивших досудебное соглашение по уголовным делам по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 228–233 УК РФ, с каждым годом увеличивается и является «лидером» среди прочих статей уголовного кодекса. В 2011 г. по данной категории дел было заключено 1 011 соглашений о сотрудничестве, а в 2014 г. – в 3 раза больше, т. е. порядка 3 тыс. Подобная тенденция роста наблюдается по статьям 159, 162, 222–226 УК РФ.

Статистика рассмотрения и разрешения уголовных дел в порядке, предусмотренном ст. 317⁷ УПК РФ, по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 105, 111, 112, 158 УК РФ не показывает стабильного роста, а в некоторых случаях показатели уменьшаются.

В то же время, количество приговоров, постановленных в особом порядке в соответствии со ст. 316 УПК РФ, неуклонно растет по всем категориям уголовных дел.

Соглашаясь со многими критическими замечаниями научной полемики по поводу института соглашения о досудебном сотрудничестве, следует отметить, что его введение было нацелено на активизацию борьбы с преступлениями организованной и коррупционной направленности, т. е. было вызвано очевидными предпосылками. Следует согласиться с мнением В.А. Мещерякова и В.В. Трухачева о том, что целью применения рассматриваемого института является максимально полное выявление и расследование крупномасштабной особо опасной преступной деятельности, разоблачение которой «обычным путем» является трудноразрешимой задачей для следственных органов [2, с. 403]. Они же указывают, что «в данном случае государство в лице своих правоохранительных органов идет на компромисс (но не на сделку) с подозреваемым, обвиняемым, руководствуясь исключительно интересами правосудия, отражающими, в

свою очередь, государственные и общественные интересы. Заключая соглашение такого рода, представители государства признают, что выявление и доказывание особо опасной преступной деятельности, которая, безусловно, подрывает основы государственности и должна быть раскрыта, без получения информации о субъектах и организации указанной деятельности от одного из соучастников, не будут достаточно эффективными, несмотря на усилия правоохранительных органов» [2, с. 405].

Не вдаваясь в вопросы целесообразности и ценности указанного, хотелось бы остановиться на некоторых пробелах законодательного регулирования особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также проблем, возникающих у правоприменителя при его реализации.

Так, считаем ошибочной логику законодателя, который поместил в гл. 40¹ УПК РФ, закрепляющую уголовно-процессуальную деятельность в стадии судебного производства, положения, касающиеся предварительного расследования. Представляется, что полномочия должностных лиц – прокурора, следователя, руководителя следственного органа, а также обвиняемого (подозреваемого) и его защитника по направлению, рассмотрению, составлению ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и заключению данного ходатайства должны регулироваться положениями раздела VII УПК РФ. В таком случае, они будут в большей степени соответствовать логике и структуре действующего УПК РФ.

Следующим важным, на наш взгляд, аспектом является вопрос о том, возможно ли применение исследуемой процедуры по уголовным делам, расследуемым в форме дознания?

Несмотря на то что в уголовно-процессуальном законе нет ограничения категорий уголовных дел по степени тяжести, для которых возможно применение положений гл. 40¹ УПК РФ, для данной процедуры предусмотрена только одна форма расследования – предварительное следствие. В то же время гл. 32 УПК РФ («Дознание») не предусматривает никаких ограничений по применению упрощенного производства в виде заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Ряд авторов высказывает мнение о том, что поскольку прямого запрета на производство подобной формы судопроизводства УПК РФ не содержит, то, следовательно, дознаватель должен быть также наделен правом рассматривать ходатайства о сотрудничестве и принимать

по ним процессуальные решения. Другая точка зрения состоит в том, что в случаях, когда ходатайство о сотрудничестве подает подозреваемый по делу через дознавателя прокурору, прокурор должен передавать такое уголовное дело для дальнейшего расследования от дознавателя следователю. Кроме того, в УПК РФ вообще обойден молчанием вопрос о том, как надлежит реагировать дознавателю на поданное ходатайство о заключении соглашения о сотрудничестве. Третье существующее мнение – поскольку в гл. 40¹ УПК РФ речь о дознавателе вообще не идет, то и дискуссии на эту тему излишни.

Мы согласны с исследователями, считающими, что законодатель необоснованно ограничил форму расследования по уголовным делам в отношении лица, заключившего досудебного соглашения о сотрудничестве, одной формой – дознанием.

Хотелось бы отметить, что также законодателем не были соответствующим образом отредактированы и правовые положения, касающиеся участия защитника при применении процедуры, предусмотренной гл. 40¹ УПК РФ. Следует согласиться с мнением Я.В. Лошкобановой о том, что несмотря на достаточно широкий объем процессуальных прав защитника при его участии в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве содержится в содержании гл. 40¹ УПК РФ, практические отсутствуют закрепленные в законе механизмы их реализации [1, с. 180]. Например, остались неурегулированными вопросы о том, каким образом защитник получает доступ к обжалуемому процессуальному решению следователя или прокурора, в какие сроки должна быть подана жалоба на них, возможно ли дальнейшее обжалование защитником решения руководителя следственного органа и вышестоящего прокурора по результатам рассмотрения жалобы на отказ в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, какова процедура подачи и рассмотрения замечаний стороны защиты на представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу, а также ряд других процессуальных действий.

Считаем законодательным пробелом, что из текста гл. 40¹ УПК РФ не следует, что ее действие не распространяется на несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых), в то время, как п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при

заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [4] указывает судам на то, что УПК РФ не предусматривает возможность принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, соответственно – положения гл. 40¹ УПК РФ не применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет.

Если несовершеннолетний содействовал следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, судам следует учитывать эти обстоятельства при назначении несовершеннолетнему наказания. Однако, как известно, гл. 40 УПК РФ не содержит прямого запрета на рассмотрение уголовного дела в особом порядке в отношении несовершеннолетнего. Фактический запрет на применение особого порядка в отношении несовершеннолетнего был установлен указанным выше Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». Представляется, что в подобном вопросе правоприменителю вернее было бы руководствоваться не разъяснениями Верховного Суда РФ, а прямыми предписаниями закона. До тех пор, пока изменения, касающиеся участия несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) в упрощенном судопроизводстве в связи с заключением им досудебного соглашения о сотрудничестве не будут внесены в УПК РФ, останется открытой дискуссия на тему: распространяются ли на гл. 40¹ УПК РФ указания устанавливающие, по сути дела, запрет на рассмотрение уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних? Представляется, что в том случае, если несовершеннолетнему обвиняемому запрещено ходатайствовать о заключении с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, это влечет фундаментальное нарушение принципа равенства всех перед законом. Так, например, в случае, когда к уголовной ответственности по уголовному делу привлекается несколько человек, и один из них является несовершеннолетним, всем остальным участникам преступной группы дано право минимизировать уголовное наказание посредством заключения соглашения с государством, тогда как, лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет, лишено такой возможности.

В том случае, если заключение соглашения с несовершеннолетним обвиняемым в соответствии с текущим законодательством до-

пустимо, тогда ст. 317¹–317³ УПК РФ следует дополнить нормами, регламентирующими права и обязанности законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого при заключении несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) соглашения о досудебном сотрудничестве.

Список использованной литературы

1. Лошкобанова Я.В. О проблемах процессуальной регламентации и гарантиях прав участников при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Общество и право. 2013. № 1 (43). С. 180–184.

2. Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и мнения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Право». 2012. № 1. С. 403–410.

3. О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 26. Ст. 3139.

4. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Рос. газ. 2012. 11 июля.

5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cdep.ru>.

6. Петрухин И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юст. 2001. № 5. С. 35–37.

7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 1088 с.

Информация об авторах

Самсонова Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

Орхокова Елена Александровна – магистрант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: zabanlena@yandex.ru.

Information on authors

Samsonova Olga Aleksandrovna – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, E-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

Orhokova Elena Aleksandrovna – master student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11 Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: zabanlena@yandex.ru.

УДК 343.123

И.В. Смолькова

ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ ПОДОЗРЕВАЕМОМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с сущностью производства дознания в сокращенной форме, анализируются высказанные в уголовно-процессуальной литературе позиции относительно правовой природы данного института, дана характеристика особенностей признания вины подозреваемым как обязательного условия применения сокращенного дознания, показаны некоторые противоречия закона дающие основания для различного толкования признания вины подозреваемым при сокращенном дознании.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

Ключевые слова: сокращенное дознание; подозреваемый; признание вины; особый порядок принятия судебного решения.

I.V. Smolkova

THE VALUE OF A GUILTY PLEA BY THE SUSPECT WHEN THE INITIAL INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

The article discusses issues related to the essence of the inquiry in abbreviated form, are analyzed you said in the criminal procedure literature position on the legal nature of this institution, the characteristic features of a guilty plea by the suspect as mandatory conditions for the use of the abbreviated inquiry, shows some of the contradictions of the law giving rise to different interpretations of a guilty plea by the suspect at a reduced inquiry.

Keywords: abbreviated inquiry; suspect; guilty plea; a special procedure for judicial decision-making.

Одной из самых актуальных проблем, связанных с совершенствованием уголовно-процессуальной формы в юридической литературе на протяжении многих лет является проблема упрощения и ускорения уголовного судопроизводства и, прежде всего, дознания.

Федеральным законом от 4 марта 2023 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [12] в УПК РФ введена гл. 32¹ «Дознание в сокращенной форме», которая существенно упростила порядок производства дознания по уголовным делам о преступлениях, указанных в п. 1 ст. 150 УПК РФ, при определенных условиях. Данная новелла появилась в значительной степени под влиянием европейской практики полицейского дознания, которому присущи такие черты, как оперативность, простота фиксации фактических данных, отсутствие громоздких по своей процедуре следственных и судебных действий, протокольный характер завершения производства, что позволяет оптимизировать процессуальную деятельность органов, осуществляющих дознание.

Безусловно, в основу конструкции сокращенного дознания легли положения, лежащие в основе упрощенных судопроизводств, и, в первую очередь, правила особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ).

Появление нового института в уголовно-процессуальном законе процессуалистами было встречено по-разному. Одни авторы приветствуют новый институт. Так, И.В. Малофеев видит его положительную сторону в сокращении материальных и временных расходов на очевидные и бесспорные дела [8, с. 37]. А.С. Александров и М.В. Лапатников положительно оценивая рассматриваемый институт полагают, что сферу действия сокращенного дознания необходимо еще расширить и распространить на все преступления небольшой и средней тяжести, а также на дела, возбужденные не только в отношении конкретного лица, но и по факту совершенного преступления [1, с. 14].

Вместе с тем некоторые исследователи отрицательно относятся к данному институту. По мнению А.А. Сумина, никаких правовых предпосылок для введения сокращенного дознания не было, а вызвал его к жизни «необузданный и главное, не обусловленный потребностями практики, реформаторский зуд», не учитывающий того, что действующий УПК РФ и «без того перегружен «особенностями производства» и исключениями из правил» [13, с. 6].

А.П. Кругликов дознание в сокращенной форме называет «суррогатом расследования уголовных дел», полагая, что содержание гл. 32.1 УПК РФ во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к правовым нормам, а «сокращение срока наказания наполовину в случае признания лица, что именно он совершил преступление, выглядит как определенная приманка для самооговора» [7, с. 47, 49].

Оценивая различные суждения по поводу сокращенного дознания, мне думается, что оно необходимо, поскольку позволяет достаточно быстро решить вопрос об уголовном преследовании в отношении лиц, совершивших преступления небольшой тяжести.

Относительно правовой природы сокращенного дознания в юридической литературе также высказаны различные суждения. По мнению В.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, признание подозреваемым своей вины в совершении преступления – «формальное признание виновности или сделка, являющаяся формальным средством доказывания. В случае сокращенного дознания эта сделка носит характер целерантной сделки (сделки об упрощении процедуры уголовного судопроизводства)» [11, с. 243]. Позднее А.В. Смирнов заметил, что в теоретическом отношении сокращенная форма дознания расположена «между классической формой дознания и сделкой о признании виновности. Причем, думается, ближе к последней» [10, с. 23].

А.С. Александров и М.В. Лапатников обращают внимание на договорный характер сокращенного дознания, считая его «сделкой с правосудием», аргументируя это тем, что законодатель предлагает подозреваемому при его согласии на сокращенное производство льготу (1 / 2 от максимального размера наказания) в виде уменьшения размера наиболее строгого вида наказания (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ) [1, с. 15, 19].

Н.Н. Ковтун полагает, что производство в суде относительно подозреваемого/обвиняемого при сокращенном дознании осуществляется по правилам гл. 40 УПК РФ, т. е. в особом порядке [6, с. 47].

С позиции А.В. Боярской, сокращенное дознание, хотя и является производной формой от двух дифференцированных процессуальных форм, характеризующихся упрощенным режимом: дознания и «классического» особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, но «представляет собой самостоятельную судебную процедуру, для которой свойственны специфические конструкции, опосредующие переход от общего к упрощенному порядку производства по делу» [4, с. 38].

Представляется, что мнение А.В. Боярской ближе к истине, поскольку рассматриваемый институт вобрал в себя черты разных производств: в нем усматриваются признаки и сделки о признании вины, и особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), и существовавшей в УПК РСФСР протокольной формы досудебной подготовки материалов (гл. 34), но при соединении признаков различных производств он приобрел новое качество и стал самостоятельным институтом.

К сожалению, на практике анализируемая форма дознания применяется достаточно редко, о чем свидетельствуют данные, приведенные начальником НИЦ ВНИИ МВД России О.И. Цоколовой: «За пять месяцев 2013 г. по сокращенной форме дознания было возбуждено всего 788 уголовных дел, что составило 0,5 % от всего количества уголовных дел, которые находятся в производстве органов дознания системы МВД России, а примерно 10 % от начатых в сокращенной форме дел, пришлось заканчивать в общем порядке» [9].

Одним из условий применения сокращенного дознания является признание вины подозреваемым. Оценки данного условия в процессуальной литературе различны.

Так, А.В. Смирнов полагает, что при сокращенном дознании подозреваемый признает виновность [10, с. 23]. Н.Н. Ковтун считает, что подозреваемый обязан безоговорочно признать вину [6, с. 47], а, по мнению Е.Н. Арестовой, подозреваемый должен полностью признать свою вину [2, с. 32]. Приведенные суждения в какой-то мере противоречат закону, поскольку п. 1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ в качестве одного из оснований производства дознания в сокращенной форме называет «признание вины», но не «признание виновности». Очевидно, что вина и виновность – не тождественные понятия. Далее, ни о какой безоговорочности признания вины в законе речи не идет. Безоговорочность в обыденной речи употребляется в значении «безоговорочная капитуляция», нужен ли для признания вины при сокращенном дознании такой эпитет. А вот указание на полное признание вины подозреваемым было бы не лишним, чтобы исключить предположение о возможности частичного признания вины.

Довольно странную позицию в этом вопросе занимает С.И. Гирько, отмечая, что без признания лицом, совершившим преступление, своей вины невозможно изобличить его без применения принуждения [3, с. 15]. Непонятно, какое принуждение имеет в виду автор, ведь речь идет о преступлениях небольшой тяжести.

Кроме признания вины подозреваемый должен признать характер и размер причиненного преступлением вреда и не оспаривать правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ).

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Вследствие этого приоритетное значение приобретает достоверность сведений: они достоверны, если достоверность не подвергается сомнению участниками процесса.

Пределы доказывания при производстве анализируемой формы дознания сужены: дознаватель не обязан устанавливать все обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ («Обстоятельства, подлежащие доказыванию»). Он должен собирать доказательства лишь в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления с учетом особенностей, предусмотренных ст. 226.5 УПК РФ. В процессе расследования дознаватель освобождается от

установления обстоятельств, исключающих преступность деяния, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность; обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ст. 73 УПК РФ). В этой связи А.В. Боярская полагает, что «существование процессуальных форм, для которых свойственно упрощение как досудебного, так и судебного доказательственных циклов, выражающееся в сокращении предмета доказывания, представленного в ст. 73 УПК РФ, недопустимо» [4, с. 41].

О.В. Качалова, называя процесс доказывания при сокращенном дознании «ущербным», высказывает опасения о возможных ошибках и злоупотреблениях при сокращенном дознании, ставящем во главу угла признание подозреваемым своей вины, учитывая крайне неблагоприятные прогнозы относительно способов получения признания вины подозреваемыми. Ситуация, по ее мнению, усугубляется тем, что полученное незаконным способом признание вины и последовавшее за ним ходатайство о сокращенном дознании могут на дальнейших этапах не проверяться ни прокурором, ни судом, а объективность и справедливость судебного решения, принятого в таком порядке, может вызывать сомнения, поскольку в основе обвинения лежит формальное признание подозреваемым своей вины [5, с. 36].

И.В. Чаднова считает, что достаточно широкое усмотрение дознавателя в сочетании с сокращенными до минимума сроками при сокращенном дознании может привести к появлению дел по принципу «признание вины – царица доказательств» [14, с. 229]. А А.В. Смирнов предупреждает еще об одной опасности – «признание виновности лицом практически отрезает ему дальнейший путь к отступлению. Поскольку признание остается признанием». Кроме того, он замечает, что «настоящие виновные смогут за счет такого признания наполовину гарантированно «срезать» себе срок наказания, что практически равнозначно принятию другого, в два раза более либерального уголовного кодекса» [10, с. 24]. Представляется, что приведенные суждения носят характер предположений, в какой-то мере надуманны и противоречат содержанию производства дознания в сокращенной форме. Смысл данного вида производства и состоит в упрощении обычных процедур, позволяющих ускорить производство. Положительное решение вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме возможно лишь в случаях, когда уголовное дело не представляет юридической сложно-

сти, а полученные в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении фактические данные не оставляют сомнений в совершении преступления подозреваемым.

В ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ установлено, что признание вины подозреваемым должно быть установлено до первого допроса подозреваемого, фактически это возможно при получении объяснения подозреваемого. Однако объяснения не являются доказательствами. Поэтому факты, изложенные в объяснениях, в последующем должны быть отражены в протоколе допроса подозреваемого. Кроме того, такое обстоятельство, как наличие (отсутствие) возражений подозреваемого по поводу уголовно-правовой квалификации содеянного, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела, может быть установлено только после возбуждения уголовного дела, поэтому получить от подозреваемого объяснение, в котором должны быть отражены указанные моменты, необходимо до возбуждения уголовного дела.

Резюмируя изложенное, думается, что любой новый институт вызывает споры и в науке, и на практике, но сокращенное дознание как самая простая форма расследования и должна применяться по простым уголовным делам, как правило, совершенных в условиях очевидности, не требующих трудоемких и затратных процедур.

Список использованной литературы

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12–19.
2. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Рос. юст. 2013. № 11. С. 32–34.
3. Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Рос. следователь. 2010. № 15. С. 14–17.
4. Боярская А.В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Рос. юст. 2015. № 1. С. 38–42.
5. Качалова О.В. Дознание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 32–36.

6. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Рос. юст. 2013. № 12. С. 47–49.
7. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Рос. юст. 2013. № 7. С. 45–49.
8. Малофеев И.В. Сокращенная форма дознания: сложности реализации на практике // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 37–39.
9. Сайт Российского агентства правовой и судебной информации (РАПСИ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rapsinews.ru/incident_news/20130627/267937335.html.
10. Смирнов А.В. Дознание в сокращенной форме // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 22–30.
11. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд. перераб. М.: Норма-Инфра, 2012. 992 с.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.
13. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.
14. Чаднова И.В. Особенности предварительного расследования в форме сокращенного дознания // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2013. С. 226–230.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida Vyacheslavovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kupik@isia.ru.

УДК 343.13

А.С. Смышляев

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В статье рассматриваются проблемы реализации административной ответственности лиц, участвующих в уголовном процессе, за нарушение норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан. Автором предложены законодательные изменения по урегулированию указанных проблем.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность; нарушение уголовно-процессуального законодательства; участники уголовного судопроизводства.

A.S. Smyshljaev

**PROBLEMS OF REALIZATION OF ADMINISTRATIVE
RESPONSIBILITY OF PARTICIPANTS OF THE CRIMINAL
PROCESS FOR VIOLATIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE
LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

This article discusses the implementation issues of administrative responsibility of persons participating in criminal proceedings for the violation of norms of the criminal procedural legislation of the Republic of Kazakhstan. The author proposed legislative changes for the settlement of these problems.

Keywords: criminal procedure; responsibility; violation of the criminal procedure law; the parties to criminal proceedings.

Вопросы ответственности лиц, участвующих в уголовном процессе, исследовались многими учеными-юристами на протяжении длительного времени. Авторами рассматривались различные виды юридической ответственности за нарушение норм уголовно-процессуального закона: уголовная ответственность участников уголовного процесса,

дисциплинарная ответственность уполномоченных должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование либо судебное разбирательство, и административная ответственность. Ряд ученых выделяют также в качестве самостоятельного вида юридической ответственности уголовно-процессуальную ответственность участников уголовного судопроизводства. Данный вид юридической ответственности рассматривался в трудах З.Ф. Ковриги, Я.О. Мотовилова, Г.Н. Ветровой, Н.А. Громова, С.А. Полунина, П.С. Элькинд, Р.Т. Тусупбекова, В.М. Корнукова, Л.И. Петрухина и других ученых.

Множественность научных трудов, посвященных вопросам юридической ответственности в уголовном процессе, обусловлена тем, что во все времена в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства участниками уголовного процесса совершалось большое количество нарушений уголовно-процессуального закона. Причем такие нарушения допускались как со стороны уполномоченных должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, так и со стороны других лиц, участвующих в уголовном процессе.

Исследование вопросов юридической ответственности за нарушение норм уголовно-процессуального законодательства не потеряло актуальности и в настоящее время. В деятельности органов уголовного преследования Республики Казахстан по-прежнему имеют место факты нарушения норм уголовно-процессуального законодательства лицами, участвующими в уголовном процессе. Причем наибольшее количество таких нарушений составляют уклонение участников уголовного процесса от выполнения своих процессуальных обязанностей либо их ненадлежащее исполнение. За последние пять лет в Республике Казахстан было возбуждено 8 уголовных дел по ст. 342 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Казахстан за «Неуважение к суду», 584 уголовных дела по ст. 352 УК Республики Казахстан «Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод», 26 уголовных дел по ст. 353 УК Республики Казахстан «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», 1168 дел об административных правонарушениях по ст. 513 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП) «Проявление неуважения к суду», 13 дел об административных правонарушениях по ст. 514-1 КРКоАП «Неявка в суд для исполнения обязанностей присяжного заседателя», 4198 дел об административных правонарушениях по ст. 521

КРКоАП «Уклонение от явки к прокурору, следователю и в орган дознания, судебному исполнителю, судебному приставу» [1].

Уклонение участников уголовного процесса от выполнения своих процессуальных обязанностей или ненадлежащее их исполнение негативно влияют на весь ход расследования и судебного разбирательства, так как затрудняют процесс доказывания и препятствуют выполнению задач уголовного процесса, предусмотренных ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Казахстан. Таковыми задачами являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение и привлечение к ответственности лиц, их совершивших, справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона.

Как было указано выше, лица, участвующие в уголовном процессе, подлежат уголовной либо административной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих процессуальных обязанностей в зависимости от квалификации совершенного деяния. В настоящей статье хотелось бы уделить внимание вопросам административной ответственности вышеуказанных лиц за невыполнение или ненадлежащее выполнение ими своих процессуальных обязанностей, предусмотренных соответствующими нормами УПК Республики Казахстан.

Административная ответственность участников уголовного процесса за совершение указанных деяний предусмотрена гл. 29 КРКоАП «Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти», в частности такими статьями, как:

- ст. 513 КРКоАП «Проявление неуважения к суду»;
- ст. 514-1 КРКоАП «Неявка в суд для исполнения обязанностей присяжного заседателя»;
- ст. 518 КРКоАП «Нарушение личного поручительства о явке обвиняемого (подозреваемого)»;
- ст. 519 КРКоАП «Нарушение обязательства об обеспечении явки несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого)»;
- ст. 521 КРКоАП «Уклонение от явки к прокурору, следователю и в орган дознания, судебному исполнителю, судебному приставу».

Санкция ст. 513 КРКоАП предусматривает наложение административного взыскания в виде административного штрафа либо ареста.

Санкции всех остальных перечисленных статей предусматривают наложение административного взыскания в виде административного штрафа.

Кроме этого, в ст. 160 УПК Республики Казахстан предусмотрено применение меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания в отношении потерпевшего, свидетеля, специалиста, переводчика, понятого, личных поручителей, родителей либо лиц, которым был отдан под присмотр несовершеннолетний, в случае неисполнения ими своих процессуальных обязанностей. Однако в этой же статье указано, что вопрос о наложении денежного взыскания решается в соответствии с законодательством Республики Казахстан об административных правонарушениях. Порядок наложения денежного взыскания и его размер в нормах УПК Республики Казахстан не оговариваются, за исключением размера денежного взыскания, налагаемого на поручителей, который составляет до 100 месячных расчетных показателей (далее – МРП) на одного поручителя.

Учитывая изложенные обстоятельства, можно сказать, что мера процессуального принуждения в виде денежного взыскания практически не отличается от административного штрафа, так как применяется эта мера только при наличии в действиях участников уголовного процесса состава административного правонарушения, а размер налагаемого денежного взыскания устанавливается соответствующими нормами КРКоАП.

Лица, участвующие в уголовном процессе, привлекаются к административной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей крайне редко, и соответственно производство по делам об административных правонарушениях в отношении них практически не осуществляется. В повседневной деятельности органов предварительного следствия и дознания данный вопрос решается по-другому: в случае неявки какого-либо участника уголовного процесса следователь направляет письменное поручение участковому инспектору полиции о производстве привода неявившегося лица. Участковый инспектор полиции, получив письменное поручение от следователя, осуществляет привод неявившегося. Если лицо не является к следователю во второй либо третий раз и более, он по-прежнему ограничивается производством привода, не привлекая при этом неявившегося к административной ответственности. В связи с этим участники уголовного процесса избегают административной ответственности за неисполнение своих процессуальных обязанностей. Такая

ситуация объясняется тем, что следователи и дознаватели в соответствии с законодательством Республики Казахстан об административных правонарушениях не уполномочены составлять протокола об административных правонарушениях, рассматривать административные дела и налагать административные взыскания.

В случае уклонения лица, участвующего в уголовном процессе, от выполнения своих процессуальных обязанностей следователь должен уведомить об этом участкового инспектора полиции и дать ему письменное указание о возбуждении административного производства в отношении вышеуказанного лица и направлении дела об административном правонарушении в суд для решения вопроса о наложении административного взыскания. И только после рассмотрения административного дела в суде лицо может быть привлечено к административной ответственности за неисполнение своих процессуальных обязанностей. Такая процедура привлечения лица к административной ответственности занимает немало времени, и зачастую следователь либо дознаватель ограничивается производством привода в целях своевременного производства следственных действий и направления уголовного дела в суд.

Необходимо также отметить, что нормами уголовно-процессуального и административного законодательства Республики Казахстан недостаточным образом урегулированы вопросы ответственности поручителей за нарушение ими своих процессуальных обязанностей. В соответствии со ст. 145, 160 УПК Республики Казахстан на одного поручителя может быть наложено денежное взыскание в размере до ста МРП. В ст. 518 КРКоАП указано, что за нарушение личного поручительства о явке обвиняемого (подозреваемого) к следователю, дознавателю либо в суд, на одного поручителя налагается административный штраф в размере до трех МРП. Анализ содержания указанных статей позволил сделать вывод о том, что за одно и то же деяние нормами УПК и КРКоАП предусмотрены две разные санкции. Несогласованность указанных норм создает достаточно сложную ситуацию при применении этих норм в практической деятельности. В соответствии со ст. 4 Закона Республики Казахстан от 24 марта 1998 г. № 213-І «О нормативно-правовых актах» УПК Республики Казахстан и КРКоАП обладают одинаковой юридической силой, и, соответственно, право выбора применения норм этих кодексов оста-

ется только за самим правоприменителем. При этом неизвестно, что будет являться правовой основой такого выбора.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современным законодательством Республики Казахстан об административных правонарушениях недостаточным образом урегулированы вопросы привлечения лиц, участвующих в уголовном процессе, к административной ответственности за нарушение ими своих процессуальных обязанностей в ходе предварительного расследования. В целях устранения данной проблемы необходимо законодательно наделить следователей и дознавателей органов внутренних дел полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. В связи с этим, необходимо исключить из первого абзаца части первой ст. 636 КРКоАП «Должностные лица, имеющие право составлять протокола об административных правонарушениях» формулировку «ст. 518, 521» и дополнить ч. 1 ст. 636 КРКоАП абзацем следующего содержания: «следователи и дознаватели органов внутренних дел (ст. 518, 519, 521)».

Также необходимо исключить двойственность санкций, применяемых к поручителям за неисполнение своих процессуальных обязанностей. Для этого нужно исключить из ч. 5 ст. 145 УПК Республики Казахстан размер денежного взыскания, налагаемого на поручителей, оставив лишь ссылку на ст. 160 данного кодекса и ст. 518, 519 КРКоАП.

Предложенные изменения законодательства значительно облегчат процедуру привлечения лиц, участвующих в уголовном процессе, к административной ответственности за неисполнение ими своих процессуальных обязанностей, что положительно повлияет на соблюдение установленной дисциплины этими лицами в ходе предварительного расследования.

Список использованной литературы

1. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://service.pravstat.kz>.

Информация об авторе

Смышляев Александр Сергеевич – майор полиции, докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсе-

нова, 100021, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермакова, 124.
E-mail: academy@kzi.kz.

Information about the author

Smyshljaev Aleksandr Sergeevich – police major, doctoral candidate, Karagandy Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan named after V. Beisenov, 124, Ermekov str., Karaganda, 100021. E-mail: academy@kzi.kz.

УДК 343.13

К.З. Токубаев

АНАЛИЗ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В работе рассматривается нормативная правовая база борьбы с организованной преступностью на уровне международного сотрудничества государств. В целях повышения эффективности международного сотрудничества в борьбе с преступностью автором высказывается ряд предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; нормы международного права; глобальная безопасность; организованная преступность; транснациональная преступность.

K.Z. Tokubaev

ANALYSIS OF NORMATIVE LEGAL BASE ON INTERNATIONAL COOPERATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME

This paper examines the normative legal framework for combating organized crime at the level of international cooperation. In order to im-

prove the effectiveness of international cooperation in the fight against crime the author makes some proposals for improving the regulatory framework in this area.

Keywords: international cooperation in the field of criminal justice; international law; global security; organized crime; and transnational crime.

В Послании Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» в числе приоритетных задач определено противодействие всем формам и проявлениям радикализма, экстремизма и терроризма [1]. Казахстан играет важную роль в деле укрепления глобальной безопасности, поддерживая мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков [2]. Таким образом, вопросы борьбы с организованной преступностью в целом, и ее различными формами, в частности, в последние годы представляют особую актуальность, включая научный интерес к данной проблеме.

Республика Казахстан придает важное значение международному сотрудничеству в борьбе с преступностью. Желание вести эффективную борьбу с такими формами проявления организованной преступности как терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконное перемещение через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов и иными видами преступлений подтверждается тем, что наше государство присоединилось к целому ряду международных соглашений по вопросам противодействия организованной преступности. К таким нормативным актам следует, отнести, например, Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2000 г. № 97-ІІ «О ратификации Договора между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан и Республикой Узбекистан о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности Сторон», Закон Республики Казахстан от 18 апреля 2002 г. № 316 «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», Закон Республики Казахстан от 4 июня 2008 г. № 40-ІV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности», Закон Республики Казахстан от 25 октября

2012 г. № 47-V «О ратификации Договора о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза». Особое место среди нормативных правовых актов, которыми руководствуются правоохранительные органы в борьбе с преступностью, занимают двусторонние договоры о взаимной правовой помощи по уголовным делам, заключенные Республикой Казахстан с другими государствами, и в первую очередь странами СНГ, а также постановления Правительства Республики Казахстан, Межгосударственные программы совместных мер борьбы с организованной преступностью и иными видами опасных преступлений на территории государств-участников Содружества Независимых Государств. Среди подобного рода нормативных актов можно отметить следующие: Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Республики Казахстан и Министерством внутренних дел Российской Федерации (г. Сочи, 23 октября 2008 г.), постановление Правительства Республики Казахстан от 19 октября 2000 г. № 1563, утверждающее Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Литовской Республики о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, терроризмом и иными видами преступлений, постановление Правительства Республики Казахстан от 30 января 2004 г. № 120 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Республики Болгария о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров и иными преступлениями», Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 февраля 2004 г. № 124 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Румынии о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, терроризмом и иными опасными преступлениями», постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2006 г. № 1147 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью» и другие.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в этих и иных нормативных правовых актах акцент делается на общих организационных вопросах:

- взаимный обмен розыскной, оперативной, справочной, криминалистической и архивной информацией;
- формирование единых баз данных, позволяющих целенаправленно вести борьбу с организованной преступностью;
- исполнение просьб и запросов о проведении отдельных следственных, оперативно-розыскных и иных мероприятий по уголовным делам;
- согласованное планирование и проведению совместных оперативных мероприятий по выявлению и задержанию участников организованных преступных формирований;
- обмен опытом работы, научными и техническими достижениями в области борьбы с преступностью.

Республика Казахстан, присоединившись к международным договорам и заключив двухсторонние соглашения со странами ближнего и дальнего зарубежья, взяла на себя обязательства по активному сотрудничеству в борьбе с транснациональными организованными преступными формированиями и оказанию помощи в выявлении, розыске и экстрадиции лиц из других стран, совершающих опасные, уголовно-наказуемые деяния на их территории. В свою очередь, заключение международных соглашений потребовало от Республики Казахстан приведения отечественного законодательства в соответствие с общими требованиями нормативных правовых актов, которыми должны руководствоваться стороны, договорившиеся о сотрудничестве.

Наряду с международными соглашениями в РК был издан ряд законов на национальном уровне, включающих положения, направленные на ужесточение борьбы с организованными формами преступной деятельности и так или иначе оказывающих непосредственное влияние на международное сотрудничество в данных вопросах. Среди таких нормативных правовых актов особое место занимает Уголовный кодекс, вступивший в силу 1 января 1998 г. Правоприменители, ведущие борьбу с криминальными проявлениями организованных преступных объединений, в первую очередь, должны руководствоваться уголовно-правовыми нормами, предусматривающими ответственность за отдельные виды преступлений, наиболее часто совершаемые организованными преступными формированиями (все виды хищений, взяточничество,

терроризм, захват заложников, бандитизм, сбыт оружия, наркотических средств и психотропных веществ и т. д.).

Состав преступления, предусмотренный ст. 235 УК РК «Создание и руководство организованной группой в целях совершения одного или нескольких преступлений, а равно участие в ней» является центральным и призван активизировать работу правоприменителей по выявлению и привлечению к уголовной ответственности, в первую очередь, организаторов и лидеров преступных сообществ, которые, зачастую непосредственно участия в конкретных преступлениях не принимают. В этих целях к уголовной ответственности согласно ст. 235 УК РК УК РК может быть привлечено лицо, создавшее либо руководящее деятельностью организованной преступной группы. Вместе с тем, ради справедливости, следует отметить, что, как показал проведенный анализ судебно-следственной практики, ст. 235 УК РК применяется крайне редко в связи со сложностями доказывания организаторской, руководящей роли виновного лица в преступной группе. При этом, как свидетельствует статистика, в совокупности с другими статьями Уголовного кодекса ст. 235 УК РК применяется лишь тогда, когда удается доказать участие создателя организованной группы в совершении конкретных фактов преступлений, что на наш взгляд, вызывает необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в целях усиления мер борьбы с организованной преступностью.

При осуществлении мер по борьбе с организованными формами преступной деятельности следует уделять особое внимание соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства, в частности, выполнению требований гл. 16 УПК РК, предусматривающей порядок сбора, закрепления, исследования и оценки доказательств. Необходимо признать, что в ряде случаев из-за халатного отношения либо отсутствия профессионализма у следователей и оперативных сотрудников собранные материалы утрачивают свое доказательственное значение, в связи с чем, возможность привлечь к уголовной ответственности виновных снижается.

Для правоохранительных органов, участвующих в борьбе с организованными формами преступности, важное значение имеет Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г., который закрепил не только задачи и принципы оперативно-розыскной деятельности, но и необходимые для борьбы с организованной преступностью оперативно-розыскные мероприятия.

Для борьбы с организованной преступностью не менее важное значение имело принятие в 2000 г. Закона «О государственной защите лиц, участвующих в уголовном процессе». Данный Закон направлен на создание соответствующих условий для защиты участников уголовного процесса, дающих разоблачающие показания в отношении организаторов, руководителей и участников организованных преступных групп и сообществ. Положительно оценивая принятие данного нормативного акта, следует отметить, что закрепленные в нем нормы не обеспечены, на наш взгляд, в достаточной степени материально-технической базой их осуществления.

Среди казахстанских законов, имеющих важное значение для предупреждения и раскрытия деяний, совершаемых организованными группами, следует отметить Закон РК «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» от 28 августа 2009 г. № 191-IV. Следует отметить, что особое внимание в этом Законе уделено международному сотрудничеству в сфере борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и с финансированием терроризма (ст. 19 Закона «Международное сотрудничество в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма»). Так, в соответствии со ст. 19 Закона сотрудничество уполномоченного органа и иных государственных органов Республики Казахстан с компетентными органами иностранных государств в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем, и финансированием терроризма, а также конфискации указанных доходов осуществляется в соответствии с законами Республики Казахстан и международными договорами Республики Казахстан. Наряду с этим, в статье Закреплены следующие положения:

– международное сотрудничество в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма между уполномоченным органом и компетентным органом иностранного государства может осуществляться путем запроса и обмена информацией;

– передача информации о легализации (отмывании) доходов, полученных незаконным путем, и финансировании терроризма осуществляется по запросу компетентного органа иностранного государ-

ства при условии, что она не будет использована в целях, не указанных в запросе, либо передана третьим лицам без предварительного согласия уполномоченного органа;

– передача компетентным органам иностранного государства информации о легализации (отмывании) доходов, полученных незаконным путем, и финансировании терроризма осуществляется в случае, если она не затрагивает конституционные права и свободы человека и гражданина и не наносит ущерба интересам национальной безопасности Республики Казахстан;

– уполномоченный орган в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма вправе запрашивать информацию и документы у компетентных органов иностранного государства, ответственных за противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма;

– уполномоченный орган вправе использовать полученные по запросу информацию и документы исключительно в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма;

– уполномоченный орган не вправе без предварительного согласия компетентных органов иностранного государства, ответственных за противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма, передавать третьей стороне или использовать информацию и документы с нарушением условий и ограничений, установленных компетентными органами иностранного государства, у которых они были запрошены.

Уполномоченный орган вправе отказать в удовлетворении запроса от компетентных органов иностранного государства в следующих случаях:

1) если уполномоченный орган считает приведенные в запросе факты и обстоятельства необходимости предоставления информации недостаточными для подозрения в легализации (отмывании) доходов, полученных незаконным путем, и финансировании терроризма;

2) если предоставление информации повлияет на ход уголовного судопроизводства в Республике Казахстан.

Уполномоченный орган уведомляет об отказе запрашивающий компетентный орган иностранного государства с указанием оснований для отказа.

Уполномоченный орган вправе устанавливать дополнительные условия и ограничения использования информации, предоставляемой компетентным органам иностранного государства, ответственным за противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма.

Кроме того, ряд положений, призванных способствовать повышению эффективности борьбы с организованными формами преступности, содержатся в Законе РК от 13 июля 1999 г. «О борьбе с терроризмом».

Правовую основу борьбы с организованной преступностью составляют также ведомственные нормативные акты, издаваемые министерствами и ведомствами правоохранительных органов по созданию организационных основ и проведению комплекса мероприятий по профилактике, предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями.

Рассматривая правовую основу борьбы с организованной преступностью нельзя не указать и на Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 21 июня 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие преступления, совершенные в соучастии». Несмотря на то, что в данном постановлении отдельные аспекты рассматриваемой проблемы находят отражение, полагаем, что на сегодняшний день назрела необходимость принятия специального нормативного акта «О борьбе с организованной преступностью». На наш взгляд, на уровне Закона необходимо закрепить следующие положения:

- определить понятие организованной группы, банды, преступной организации, преступного сообщества и дать четкое разграничение указанных преступных формирований;
- определить оптимальную расстановку сил и средств, ведущих борьбу с организованной преступностью;
- определить формы и методы взаимодействия, и комплексного использования сил и средств в борьбе с организованной преступностью, включая вопросы международного взаимодействия;
- указать основания и порядок проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по разобла-

чению организованных преступных групп, предупреждению, пресечению и раскрытию их преступной деятельности.

В заключении следует отметить, что, несмотря на множество нормативных правовых актов, законодательство, на наш взгляд, не обеспечивает в должной мере эффективность деятельности правоохранительных органов, в связи с чем нуждается в совершенствовании. Дальнейшее повышение эффективности деятельности правоохранительных органов требует, в первую очередь, систематизации правовых актов, регламентирующих борьбу с организованными формами преступности и издания новых законов, предусматривающих комплексные организационные меры по решению данной проблемы.

Список использованной литературы

1. Государственная программа по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2013–2017 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000648>.

2. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства: послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050>

Информация об авторе

Токубаев Куандык Зайруллаевич – капитан полиции, докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 100021, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермекова, 124. E-mail: academy@kzi.kz.

Information about the author

Tokubaev Kuandyk Zajrullaevich – police captain, doctoral candidate, Karagandy Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, 124, Ermekov Str., Karaganda, 100021. E-mail: academy@kzi.kz.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 336.14:353(57)

Х.А. Асатрян
С.Д. Такайшвили

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОПОЗНАНИЯ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

В статье представлены взгляды и опыт авторов на проблему опознания очевидцем (свидетелем) обвиняемого. В последнее время все чаще следователи и дознаватели отказываются от данного следственного действия, в виду того, что ошибочное опознание, в том числе, и по причине недостаточного технического оснащения, приводит к признанию доказательства недопустимым. Таким образом, данный вопрос является актуальным и требующим специального анализа.

Ключевые слова: очевидец; опознаваемый; эксперт; следственное действие; идентификация, опознание.

H.A. Asatryan
S.D. Takajshvili

IDENTIFICATION OF PRODUCTION PROBLEMS IN THE PRELIMINARY INVESTIGATION

This article presents the views and experiences of the authors at the problem identification eyewitness (witness) of the accused. In recent years, increasingly investigators refuse this investigation in view of the fact that the misidentification leads to the recognition of the evidence inadmissible. Thus, the issue is urgent and requires special analysis.

Key words: eyewitness; identifiable; expert; investigative action, identification; identification.

Предъявление для опознания является не только важным, но и довольно часто проводимым в рамках уголовного процесса следственным действием, обладающим ярко выраженными криминалистическими чертами. С одной стороны, опознание подозреваемого свидетелем является прямым доказательством, но, с другой стороны, ошибочная идентификация подозреваемого потерпевшим или свидетелем является главной причиной судебных ошибок. Рассмотрим более подробно понятие и процедуру опознания на предварительном следствии.

Как гласит Уголовно-процессуальный кодекс РФ, предъявление для опознания – это следственное действие, заключающееся в отождествлении опознающим лицом (свидетелем, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым) ранее воспринимавшегося объекта (человека, трупа человека, каких-либо вещей) по мысленному образу, запечатленному в памяти опознающего. По правилам, опознание человека производится визуальным способом по внешним признакам анатомической природы. Однако в некоторых следственных ситуациях допускается, что опознание может быть произведено и по функциональным признакам, например, по походке, голосу (тембр) и речи (темп, специфические слова и речевые обороты, различные дефекты – заикание, шепелявость) [5, с. 166].

Порядок производства предъявления для опознания регламентируется ст. 193 УПК РФ, а его ход и результаты, зафиксированные в соответствии со ст. 166 УПК РФ, являются доказательствами по уголовному делу.

В силу особого значения, придаваемого результатам предъявления для опознания человека (подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления), данное следственное действие в судебно-следственной практике получило наибольшее распространение. Вместе с тем, как отмечал А.Р. Ратинов в своей монографии «обилие следственных и судебных ошибок, связанных с добросовестным заблуждением опознающих, и ряд экспериментальных исследований давно уже привели к чрезвычайно критической оценке предъявления для опознания» [3, с. 314]. В этой связи следует согласиться с мнением А.А. Топоркова и В.А. Образцова об актуальности разработки средств, которые позволили бы свести к минимуму идентификационные ошибки, допускаемые в ходе предъявления для опознания [5, с. 171].

С нашей точки зрения, повышению эффективности предъявления для опознания, а также достоверности его результатов в опреде-

ленной степени может способствовать применению на предварительном допросе опознающего и на других этапах методик составления субъективных портретов и полученных с их помощью наглядных изображений.

Рассмотрим данное утверждение более подробно. Для начала необходимо определить, что основная цель предварительного допроса – выяснение обстоятельств, непосредственно предшествовавших восприятию объекта, который будет предъявляться для опознания; объективных факторов наблюдения, субъективных факторов восприятия; признаков, по которым будет опознаваться объект.

Выяснение признаков объекта, которые сохранились в памяти и могут использоваться при опознании, – довольно сложная задача, поскольку допрашиваемые нередко оказываются не в состоянии четко их воспроизвести, хотя уверенно заявляют о своей способности опознать объект. Это обусловлено тем, что для психики человека воспроизведение признаков является более сложным процессом, чем узнавание. Цельный образ объекта, хранящийся в памяти, дает допрашиваемому уверенность в опознании, но конкретизировать признаки ранее наблюдавшегося объекта, особенно человека, ему бывает сложно. Это происходит потому, что, во-первых, восприятие нередко происходило непреднамеренно (случайно) и в затрудненных условиях (плохая видимость); во-вторых, многие признаки внешнего облика человека, подлежащего опознанию, относятся к числу средних, «обычных», «нормальных» для той популяции, к которой принадлежит опознаваемый.

В данной ситуации предварительного допроса специалист может оказать помощь в получении более подробных и точных данных о признаках объектов, которые будут предъявляться для опознания. Для этой цели целесообразно использовать фотоальбомы, справочники, каталоги, базы данных в справочных системах, где имеются изображения и описания объектов, аналогичных тем, о которых рассказывает допрашиваемое лицо. При этом специалист должен не просто демонстрировать изображения, но и пояснять признаки, их индивидуализирующие, способствуя тем самым оживлению ассоциативной памяти допрашиваемого.

Привлечение специалиста для составления субъективного композиционного портрета в этом случае расширяет возможности получения информации об облике разыскиваемого и уточняет ее с пози-

ций криминалистических характеристик черт внешности. Например, при составлении субъективного портрета в процессе допроса могут быть выявлены дополнительные особенности внешности и обстоятельств дела, которые явились результатом ассоциативного мышления. Эта информация может стать впоследствии полезной при раскрытии и расследовании преступлений. Участие в допросе специалиста, который может помочь более грамотно и полно описать внешний облик, способствует использованию полученных данных при предъявлении для опознания, особенно в тех случаях, когда подозреваемый после совершения преступления изменяет свою внешность.

Составление субъективного композиционного портрета – это сложное и ответственное мероприятие, успех которого зависит от умения следователя и эксперта наладить психологический контакт и получить информацию о разыскиваемом лице. Важную роль играют профессиональные навыки эксперта и психологические особенности личности человека, который составляет субъективный портрет. Человек всегда воспринимает образ другого человека в целом, а не по элементам его внешности. Такой характер сохраняется и при восприятии демографических характеристик объекта, во многом ассоциативных.

Таким образом, полнота, достоверность и характер оценки одного человека другим определяются не только индивидуальностью процесса образования мысленного образа, но и особенностями сохранения и воспроизведения этого вида отображения у разных людей.

Основой любого субъективного портрета является мысленный образ искомого лица, сформировавшийся в сознании очевидца и сохранившийся в его памяти. Психологи считают, что мысленный образ сохраняется в среднем в течение месяца. Поэтому важно такое следственное действие, как допрос очевидца о чертах внешности подозреваемого, составление субъективного портрета со слов очевидца, не откладывать, а выполнять в максимально короткие сроки.

Использование субъективных портретов осуществляется в основном в ходе различных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на активный поиск преступников по горячим следам, а также для раскрытия ранее совершенных преступлений.

Субъективные портреты дают возможность визуализировать внешний облик лиц, не известных к началу розыска. Следует отметить, что субъективные портреты отображают внешность разыскиваемого не так полно и точно, как фотоснимки. Это обусловлено как

определенными закономерностями восприятия человека человеком, процессом сохранения полученной информации, так и особенностями воспроизведения мысленного образа. Однако полученные субъективные изображения позволяют участникам розыска получить визуальную информацию об особенностях внешнего облика разыскиваемого лица. То есть субъективные портреты имеют оперативно-розыскное значение и не могут использоваться в качестве судебного доказательства тождества личности.

При составлении субъективных портретов в них, прежде всего, должен быть воспроизведен антропологический тип, те или иные анатомические особенности разыскиваемого человека, т. е. отражена совокупность признаков, ориентирующая на выделение в общей массе людей группы, в которую могут входить представители данного типа.

Эта задача обычно решается при изготовлении портретов, в которых отображаются ориентирующие, хорошо заметные издали признаки, поскольку они меньше других зависят от условий наблюдения и позволяют выделить человека в массе других людей.

Если потерпевший (свидетель) не может составить субъективный портрет (малая длительность наблюдения, слабое освещение и др.), то составляется подробный словесный портрет либо субъективное изображение отдельных хорошо запомнившихся элементов внешности преступника.

В настоящее время в экспертно-криминалистических подразделениях России эксплуатируются автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС) «Портрет-поиск», «Каскад-поиск».

Поэтому важнейшей задачей в повышении эффективности расследования и раскрытия преступлений являются всестороннее применение и использование криминалистических средств и методов по всем направлениям следственной и экспертной практики в целом и по изложенному выше вопросу в частности.

При этом необходимо:

- 1) в ходе первоначального допроса потерпевших, очевидцев совершенного преступления привлекать специалиста в целях оказания квалифицированной помощи в осуществлении сбора и фиксации информации о внешнем облике разыскиваемого и составлении словесного портрета;

- 2) в кратчайшие сроки с момента составления словесного портрета выносить отдельное поручение оперативному уполномоченному

как инициатору изготовления субъективного портрета и обеспечивать контроль исполнения.

Невыполнение данных рекомендаций может привести к несоблюдению основных правил при описании внешности по методу словесного портрета (оптимальная полнота описания, употребление единой специальной терминологии, последовательность описания), что, в свою очередь, станет предпосылкой возникновения правовой ситуации, когда элементы внешности, изложенные в протоколе допроса, не будут соответствовать элементам внешности изготовленного субъективного портрета и возникнут условия ухода подозреваемого от ответственности.

Еще один аспект, на котором хотелось бы заострить внимание. Это вопрос, когда опознающий ранее неоднократно в ходе организационных мероприятий видел опознаваемого; при такой ситуации нарушается весь процессуальный смысл такого следственного действия. Нередким является и нарушение порядка предъявления лица для опознания, когда незадолго до начала проведения опознания опознающий замечает опознаваемого.

Также возможна следующая ситуация, когда сотрудник экспертно-криминалистического подразделения проводит предварительный опрос очевидца с целью установления общих примет подозреваемого. После чего предоставляет ему выборку лиц, подходящих по приметам. По результатам просмотра очевидцем фотоучетов сотрудник экспертно-криминалистического подразделения предоставляет для приобщения к материалу проверки или уголовного дела справку о результатах: отрицательная, неуверенная, уверенная.

В случае отрицательного результата, если очевидец хорошо запомнил подозреваемого сотрудник экспертно-криминалистического подразделения с использованием специальных технических средств или программного обеспечения составляет фоторобот подозреваемого.

В случае неуверенного или уверенного опознания лица по фотографии в рамках возбужденного уголовного дела следователь проводит опознание опознанного лица. При этом очевидец во время опознания может ошибочно указать на лицо, которое ранее было увидено во время просмотра фотоучетов, как на лицо совершившее преступление.

В случаях, когда имеется информация о том, что лицо могло совершить преступление и в процессе расследования уголовного дела требуется проведение опознания, считаем, что необходимо исклю-

чить возможность любого визуального контакта опознающего и опознаваемого, в том числе и по фотографии.

В других случаях, когда невозможно исключить предварительный визуальный контакт по фотографии, считаем, что необходимо сотрудникам оперативных подразделений, следователям и дознавателям проводить кропотливую работу с очевидцами с целью недопущения ошибочного опознания.

Данное утверждение обусловлено тем, что ошибки опознания обычно связаны с разными формами искажения воспоминаний опознающего и формированием предвзятости к задержанному. Независимо от причин изменения воспоминаний, результаты такого опознания всегда недостоверны, а иногда и целенаправленно искажены. Поэтому законодательство в этом отношении очень категорично: опознание, проводимое после любого рода вмешательств, способных исказить воспоминания опознающего, не имеет доказательственного значения [1, с. 52].

Следует отметить, что воздействие на опознающего возможно непосредственно в процессе проведения опознания и на этапах, предшествующих ему.

Особое место занимает необходимость сохранения непредвзятости опознающего по отношению к задержанному до проведения опознания. Достоверность узнавания напрямую зависит от неизменности той информации, которую получил опознающий непосредственно в процессе наблюдения лица (например, при совершении преступления). Эта информация не должна быть искажена или изменена до момента проведения опознания. Только тогда существует возможность ее процессуального закрепления.

На практике формирование у опознающего предвзятого отношения к задержанному достаточно распространено. Большой частью это бывает следствием неправильного проведения такого оперативно – розыскного мероприятия, как отождествление личности, или организационных ошибок (опознающий увидел задержанного в сопровождении сотрудников милиции, с надетыми наручниками и т. п.).

Следует отметить еще одну проблему, связанную с опознанием. Она заключается в том, что в ходе самого опознания опознаваемый или его защитник (а иногда и статисты) могут умышленно или ненамеренно совершить действия, прямо или косвенно выделяющие опознаваемого в группе предъявляемых для опознания лиц, и тем самым

обесценить результаты опознания. Считаем, что необходимо согласиться с авторами криминалистами, которые приводят некоторые рекомендации по предотвращению или ослаблению такого рода воздействия [4, с. 532; 2, с. 161], однако они нуждаются в законодательной регламентации.

Таким образом, опознание на предварительном следствии подозреваемого представляет собой достаточно сложное следственное действие, которое требует от следователя определенных навыков и опыта. Для достоверности проведения опознания считаем необходимым, привлекать экспертов специалистов, которые должны обеспечить помощь в составлении словесного портрета подозреваемого.

Список использованной литературы

1. Исаева Л. Предъявление лиц для опознания // Законность. 2002. № 10. С. 52–56.
2. Моисеев Н.А. Тактика предъявления лица для опознания в условиях противодействия расследованию // Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: материалы 51-х криминалистических чтений. Ч. 1. М., 2010. С. 161–168.
3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2001. 385 с.
4. Руководство по расследованию преступлений / под ред. А.В. Гриненко. М., 2002. 635 с.
5. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В.А. Образцова. М., 2001. 586 с.

Информация об авторе

Асатрян Хачатур Ашотович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: asatryanha@mail.ru.

Такайшвили Сергей Дмитриевич – магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: serega.td@mail.ru.

Information about the author

Asatryan Hachatur Ashotovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: asatryanha@mail.ru.

Takajshvili Sergey Dmitrievich – master student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: serega.td@mail.ru.

УДК 343.985.7

**Х.А. Асатрян
О.В. Войтович**

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И АЛГОРИТМ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье предложен алгоритм следственных мероприятий по типичным следственным ситуациям для обеспечения раскрытия преступлений против собственности. Преступления против собственности являются наиболее распространенными, они совершаются чаще всего, тем самым ущемляя интересы значительного числа лиц.

Ключевые слова: преступления против собственности; следственная ситуация; допрос; осмотр места происшествия; обыск; свидетель; подозреваемый; потерпевший.

**H.A. Asatryan
O.V. Vojtovich**

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND ALGORITHM INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY

This article proposes an algorithm of investigations on typical investigative situations to ensure disclosure of crimes against property. Crimes

against property are the most common, they are made more often, thereby hurting the interests of a significant number of individuals.

Keywords: crimes against property; investigating the situation; questioning; examination of the scene; a search warrant; witness; suspect; victim.

В судопроизводстве Российской Федерации находится большое количество дел, связанных с преступлениями против собственности. Данный вид преступления является самым распространенным и сотни людей становятся пострадавшими в результате преступных действий. Такой вид преступления тянет за собой ряд иных: причинение вреда здоровью, преступления против личности, нарушение неприкосновенности, убийства.

Глава 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) разъясняет, что к данному виду преступлений относятся действия граждан, направленные на посягательства любых видов собственности. Они представляют наибольшую опасность обществу. Данный вид преступления, в соответствии со ст. 158–168 гл. 21 УК РФ, рассматривается как деяние корыстное или некорыстное, умышленное, неправомерное, а также связанное с завладением имущества или не связанное с таковым¹.

Перед следователями стоят типичные следственные ситуации, возникающие при первоначальном этапе расследования, при правильном решении которых могут быть раскрыты преступления против собственности. А именно:

1. Неотложные следственные действия.
2. Очередность выполнения следственных действий.

Рассмотрим типичные следственные ситуации на начальном этапе расследования:

- 1) в исходной ситуации органы расследования имеют данные о совершенном преступлении, подозреваемый пойман с поличным;
- 2) в исходной ситуации задержан только один из соучастников преступления, остальные скрылись с места преступления;
- 3) в исходной ситуации есть информация о предполагаемом гражданине либо группе граждан, совершивших преступление против собственности, преступники не установлены и не задержаны;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ Рос. газ. 2010.

4) в исходной ситуации есть информация о признаках преступления, но данные о субъекте являются ограниченными.

Первая следственная ситуация. Самая благоприятная ситуация для начала расследования преступления. Потому как в этом случае может быть произведен допрос подозреваемого, потерпевшей стороны, свидетелей (при их наличии), может быть произведен осмотр места происшествия. Следственные действия могут совершаться в любой, удобной для органов расследования, последовательности.

Самым верным ситуационным подходом в расследовании преступления против собственности станет тот, в котором порядок следственных действий будет обусловлен логическим результатом предыдущего действия¹.

Таким образом, органы расследования должны придерживаться данной последовательности действий:

- 1) личный обыск;
- 2) освидетельствование;
- 3) осмотр одежды и вещей, изъятых у подозреваемого в ходе следственных действий;
- 4) допрос подозреваемого (при этом, подозреваемый не должен быть психологически готов к данному виду действий со стороны органов расследования во избежание лживости своих показаний);
- 5) допрос очевидцев-свидетелей (граждан, сообщивших о данном преступлении и принимавших участие в задержании подозреваемого);
- 6) допрос потерпевшего (помогает понять обстоятельства преступления и помогает задержать подозреваемого);
- 7) осмотр места происшествия, места задержания подозреваемого (при условии, что это различные места с целью получения вещественных доказательств, указывающих на причастность задержанного к преступлению) [4, с. 49].

После первоначального этапа расследования в соответствии с последовательностью, описанной выше, органы расследования применяют дальнейшие следственные мероприятия, такие как: дактилоскопия, проверка по криминалистическому учету, выявления адреса проживания (пребывания) задержанного и обыск, предъявление иму-

¹ Гармаев Ю.П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 42.

щества, украденного у потерпевшего для опознания, назначение судебной экспертизы и другие следственные мероприятия [5, с. 19].

Выводы, типичные для оперативно-розыскных мероприятий могут быть следующие:

- факт совершения преступления есть;
- задержанный совершил данное преступление;
- задержанный взял (приобрел) украденное имущество (мотив у задержанного только корыстный).

Вторая следственная ситуация. Является так же благоприятной, как и первая. Когда один из подозреваемых задержан, остальные члены группы скрылись с места преступления против собственности [2, с. 45].

Данный вид преступления, в котором задержан только один член группы, подразумевает следующие следственные мероприятия: сбор доказательств о причастности задержанного к преступлению; установление личностей остальных соучастников.

Выводы, типичные для оперативно-розыскных мероприятий могут быть следующие:

- преступление совершено группой лиц; у соучастников есть место, которое их объединяет;
- преступление совершено группой лиц; у соучастников нет общего места.

Третья следственная ситуация. Менее благоприятная ситуация, когда преступление совершено предполагаемым гражданином (группой граждан), личности которых установить на данном этапе невозможно.

Для органов расследования предполагаются следующие оперативно розыскные мероприятия и следственные действия: опрос (предполагаемых) свидетелей о внешности преступника (группы преступников), о предполагаемом направлении, в котором могли скрыться преступники; о ярких признаках похищенного имущества. Данный вид следственной работы подразумевает кратчайшие сроки. В дальнейшем должен быть проведен допрос потерпевшего, осмотр предполагаемого места преступления, назначение экспертизы, допрос свидетелей. Вся полученная в ходе расследования информация, должна быть тщательно проверена для дальнейшего использования в оперативно-розыскных мероприятиях.

Четвертая следственная ситуация. Данная ситуация является самой неблагоприятной для органов расследования, и, к сожалению, самая распространенная: есть явные признаки преступления, но нет (или ограничена) информация о субъекте преступления [1, с. 163].

В данной ситуации может быть применены следующие действия:

– осмотр места происшествия, допрос потерпевшего, допрос (предполагаемых) свидетелей;

– в случае подачи заявления после длительного промежутка времени с момента совершения преступления – допрос потерпевшего, допрос свидетелей. Осмотр места преступления может дать не точную или неполную информацию, так как, по истечению времени, сложно восстановить материальные следы преступления.

Каждое преступление оставляет материальные следы. И только совместное взаимодействие всех структур внутренних дел сможет обеспечить его раскрытие.

Список использованной литературы

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. 2-е изд.; доп. и испр. Воронеж: МОДЭК, 1995. 224 с.
2. Валова П.Р. Обнаружено хищение. Что делать? // Следователь. 2011. № 6. С. 45.
3. Гармаев Ю. П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства. М.: Волтерс Клувер, 2011. 180 с.
4. Гельманов А.Г., Кузнецов А.А. Особенности расследования корыстных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: учеб. пособие. Омск: Юрид. ин-т МВД России, 1996. 70 с.
5. Косарев В.Н., Макогон И.В. Причинный механизм формирования корыстного поведения // Рос. следователь. 2009. № 14. С. 18–20.

Информация об авторе

Асатрян Хачатур Ашотович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: asatryanha@mail.ru.

Войтович Ольга Владимировна – магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкаль-

ский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: olgasvirsk@mail.ru.

Information about the author

Asatryan Hachatur Ashotovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: asatryanha@mail.ru.

Vojtovich Olga Vladimirovna – master student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: olgasvirsk@mail.ru.

УДК 343.98

Б.К. Биржанов

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ ПО СПОСОБУ ОТРАЖЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В статье анализируются классификации источников, способствующих выяснению возможностей использования и разработке методов исследования источников криминалистической информации. Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно, как обычно. Деление источников криминалистической информации позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

Ключевые слова: общая криминалистическая теория; криминалистическая классификация; источники; криминалистическая информация.

B.K. Beerzhanov

CLASSIFICATION OF SOURCES OF INFORMATION BY WAY OF REFLECTING THE ACTUAL DATA

The article analyzes the classification of the sources contributing to the clarification of the use and development of research methods sources of forensic information. The methodological value of the classification is particularly significant in cases where the same material object can be examined and as a direct and as an indirect source of information, as well as in cases when the difference of the object and display it's not so clearly as usual. Division of forensic sources of information helps to identify the object (problem) of the study, methodology and techniques of research, as well as the conditions of use of the resulting research evidence.

Keywords: general criminological theory; criminological classification; sources of forensic information.

Широкое внедрение достижений науки, совершенствование научно-технических методов борьбы с преступностью повлекли значительное расширение круга источников криминалистической информации и способов их исследования. Увеличился объем таких источников информации, как фотографические снимки, слепки, механические копии, протокольные записи, чертежи. Появился ряд новых технических средств воспроизведения, преобразования и передачи информации, успешно используемых в деле борьбы с преступлениями. К их числу относится новая радио-, теле-, видео- и звукозаписывающая аппаратура, фотографические и электронно-оптические средства преобразования отображений, копировальные и счетно-решающие устройства, получение изображений с помощью токов высокой частоты, лазерная техника и т. д.

Средствами новой техники воспроизведения практически осуществляется передача на расстояние и точная фиксация звука и изображения, выявление непосредственно недоступных глазу, вследствие его ограниченной чувствительности, свойств объекта, изучение кратковременных процессов, решение ряда статистических, классификационных и логических задач.

Успешное развитие методов криминалистического исследования возможно только на базе широкого, активного использования совре-

менных достижений естественных, технических и гуманитарных наук, творчески переработанных в специальные познания. Наука и техника открывают новые возможности обнаружения, фиксации и исследования криминалистической информации. Вместе с тем следует учитывать, что современные научно-технические возможности в полной мере используются как средства совершения и сокрытия преступлений, что существенно осложняет задачи криминалистического исследования и доказывания.

Задача криминалистики состоит в том, чтобы осмыслить эти возможности и определить условия их реализации в процессе криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Первостепенное значение имеет в связи с этим разработка классификаций источников, способствующих выяснению возможностей использования и разработке методов исследования источников криминалистической информации.

Одной из таких классификаций является классификация источников по способу отражения информации.

В числе объектов исследования по указанному признаку следует различать две основные группы:

- а) объекты, собственные свойства которых имеют доказательственное значение (непосредственные источники информации);
- б) объекты, содержащие доказательственную информацию о свойствах других объектов (опосредствованные источники информации).

Понятие опосредствованного источника может быть сопоставлено с понятием следа. Под следами в широком смысле мы понимаем, как уже отмечалось выше, все изменения материальной обстановки, связанные с расследуемым событием. Сюда относят как следы конкретных лиц и предметов, например, следы рук, ног, транспорта, животных и т. п., так и любые изменения, отображающие обстоятельства расследуемого события. В этом смысле следами могут быть названы и сами предметы, частицы вещества и изменения в их состоянии. Например, одежду преступника, окурки, остатки пищи называют следами пребывания преступника; изменения в положении мебели на месте убийства – следами борьбы; насекомых, обнаруживаемых на трупе, и запахи – следами гниения трупа и т. д., и т. п.

К следам-отпечаткам события нередко относят и представления – образы этого события, сохранившиеся в сознании живых лиц. В указанном широком смысле под следами понимаются любые источ-

ники криминалистической информации о расследуемом событии, любые источники доказательств. «Следы расследуемого события, – пишет А.Н. Васильев, – его «отпечатки» – это в юридическом смысле доказательства» [1, с. 12]. А что касается доказательства, то «доказательством называется всякий факт, имеющий назначением вызвать убеждение в существовании или не существовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет исследования» [2, с. 133].

Понятие опосредствованного источника информации имеет более специализированное значение. Опосредствованные источники представляют собой лишь часть источников криминалистической информации, хотя и наиболее значительную его часть. Характерным для опосредствованного источника информации является то, что доказательственное значение имеют не собственные свойства источника, а свойства другого отображенного в нем объекта.

Так, например, след руки или ноги преступника как опосредствованный источник информации имеет значение лишь постольку, поскольку он отражает свойства оставившего их человека, позволяет найти и изобличить преступника. Представления, сохранившиеся в сознании очевидца, также важны не как собственные свойства личности свидетеля, а как отображения лиц, предметов и событий, связанных с преступлением.

Методическое значение деления источников криминалистической информации на непосредственные и опосредствованные состоит в том, что такое деление позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

В непосредственном источнике информации доказательственное значение имеют свойства самого источника. Задача исследования состоит в обнаружении и фиксации этих свойств. Она может быть решена путем непосредственного восприятия и исследования источника информации.

Так, при осмотре орудия преступления (ножа, огнестрельного оружия и т. п.) выясняются те свойства этих предметов, которые позволяют использовать их в качестве орудия нападения или защиты и обуславливают отнесение их к категории «холодное оружие», «огнестрельное оружие». К числу таких свойств относятся: длина клинка, устройство рукоятки, возможность производства выстрела и др.

При осмотре недоброкачественной продукции задача состоит в обнаружении тех ее свойств, которые характеризуют ее несоответствие стандартам и техническим условиям и, так или иначе, ограничивают возможности ее использования.

Существенно меняется предмет и задачи исследования при наличии опосредствованных источников информации. Непосредственное исследование фактических данных здесь невозможно, так как доказательственное значение имеют не свойства самого источника информации, а свойства отображенного в нем и постороннего ему объекта.

Данные о свойствах недоброкачественной продукции могут быть получены по фотоснимкам этой продукции, а данные об орудиях преступления – со слов потерпевшего или очевидца. Понятно, что для дела в этих случаях будут иметь значение не собственные свойства фотографического снимка или свидетеля, а свойства отображаемых ими объектов.

Вместе с предметом различаются условия и возможности исследования. Отображение воспроизводит лишь какую-то отдельную сторону оригинала, какую-то отдельную часть его свойств в определенном их состоянии. Поэтому исследование отображения значительно более ограничено по возможностям и сложнее по технике. Исследуя предмет по фотоснимку или описанию, следователь не всегда имеет возможность всесторонне осмотреть предмет, выполнить необходимые измерения, произвести с ним эксперименты, разобрать его и т. д., не говоря уже о том, что он принципиально не может установить те свойства предмета, которые не переданы в отображении (например, состав, вкус, запах предмета по его фотоснимку).

Специфика опосредствованного изучения источника информации состоит в необходимости исследования механизма отражения доказательственной информации. Отображение одного объекта в другом всегда связано с преобразованием отображаемых свойств. Свойства отображаемого объекта передаются в отображении в преобразованном виде, в форме естественного кода. Установление их требует специального исследования, «дешифровки» содержащихся в отображении данных. Такое исследование осуществляется только путем изучения механизма образования отображения. Выяснив механизм образования отображения, мы получаем ключ к «дешифровке» содержащихся в нем фактических данных.

Исследование механизма образования отображения представляет тем большие трудности, чем сильнее преобразован сигнал информации в отображении.

«Прочтение» следов давления проще, чем следов скольжения и трения; «дешифровка» обычного репродукционного снимка легче, чем снимка места происшествия в невидимых лучах, содержащего яркостные, цветовые и перспективные преобразования; еще сложнее оценка показаний малолетнего свидетеля, подверженного внушению и склонного к восполнению пробелов восприятия деятельностью фантазии.

Помимо преобразований, сигнал информации в отображении подвергается еще влиянию помех, которые могут привести к искажению сигнала, его ослаблению или потере. Так, неблагоприятные условия фотографического процесса могут привести к его вуалированию или появлению дефектов эмульсионного слоя; болезнь свидетеля и его заинтересованность в деле могут повлечь искажение истинной картины наблюдавшегося им события.

В случаях многоступенчатого отражения исследуется механизм образования отображений всех степеней. Так, установление свойств объекта по следу на месте преступления требует изучения механизма образования этого следа. Решение тех же вопросов по фотоснимку следа, найденного на месте преступления, связано, кроме того, с оценкой условий фотографического процесса (вид и качество фотоматериалов, условий съемки, негативного и позитивного процессов). Свидетельские показания из четвертых рук требуют для их правильной оценки выяснения условий восприятия и воспроизведения факта в каждой из четырех степеней воспроизведения.

Проблема механизма образования отображения является, таким образом, центральной проблемой исследования любых опосредствованных источников информации,

В трасологии, например, центральное место занимает классификация следов в зависимости от условий их образования (статические, динамические, объемные, поверхностные, наслоения, отслоения и т. д.) и экспериментальное изучение самих условий следообразования.

При использовании показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, центральным вопросом является механизм психического отражения факта. Эта проблема, в силу своей важности, является предметом особой отрасли судебной психологии – психологии показаний свидетелей и обвиняемых, даваемых на следствии и в

суде. Особенно детально разрабатываются процессы восприятия, формирования представлений, механизм памяти и воспроизведения воспринятого.

Отнесение источника информации к числу непосредственных или опосредствованных прямо связано с определением методики и техники его исследования. В связи с этим, рассматриваемое деление имеет прямое практическое приложение в сфере исследования источников криминалистической информации.

Формулируя основные принципы криминалистической идентификации, С.М. Потапов на первое место поставил разграничение идентифицируемых и идентифицирующих объектов [3, с. 19], имея в виду существенное различие методики исследования объектов и их отображений. Указанный общий принцип нашел отражение во всех конкретных отраслях криминалистической техники. Так, в области трасологии, ему соответствует деление объектов на образующие и воспринимающие [4, с. 13].

Принцип деления объектов и отображений действует не только в собственно криминалистических, но и других судебных идентификационных исследованиях.

Различные методики и техники исследования непосредственных и опосредствованных источников информации легко проследить на любых объектах и задачах криминалистического исследования.

Сравним хотя бы непосредственный осмотр трупа на месте происшествия и его изучение по протоколу осмотра; непосредственный осмотр орудия взлома и его изучение по фотоснимку; непосредственный осмотр похищенных вещей и их изучение по показаниям потерпевших. Нетрудно убедиться, что методика и техника исследования источников информации в приведенных и подобных им случаях существенно различаются.

Сравним далее методику непосредственных измерений, применяемую при осмотре места происшествия, с фотограмметрическими измерениями, производимыми по фотоснимкам места происшествия; технику визуальной оценки цвета – ее оценкой по цветным и черно-белым фотоснимкам; исследование рельефа следа при обычном осмотре и по полученным механическим или оптическим путем профилограммам.

Очевидные и существенные различия, наблюдаемые в приведенных и подобных случаях, делают разграничение непосредствен-

ных и опосредствованных источников информации принципиальным положением методики всякого криминалистического исследования.

Методическое значение рассматриваемой классификации особенно значительно в тех случаях, когда один и тот же материальный объект может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, а также в тех случаях, когда различие объекта и отображения выражено не столь явно, как обычно. Здесь отнесение объекта к числу непосредственных или опосредствованных источников информации прямо связано с определением задач и методов исследования.

Рассмотрим несколько таких случаев. Поврежденный в результате преступления предмет, например, строение или вещь домашнего обихода, может исследоваться и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации. Если такой предмет рассматривается, положим с целью определения ущерба, нанесенного преступлением, он выступает как непосредственный источник. При этом существенное значение имеют собственные свойства предмета, которые определяют его целевое (хозяйственное, художественное и т. п.) назначение.

Если же такой предмет исследуется, положим, с целью установления лиц, совершивших взлом, и использованных технических средств, он выступает как отображение. При этом доказательственное значение имеют не собственные свойства поврежденного предмета, а свойства постороннего предмета или лица, отображенного в следах. Из свойств же самого поврежденного предмета имеют значение лишь те свойства, которые формируют отображение и определяют качество следа (плотность, твердость, гладкость, зерновая структура, наличие наслоения и т. д.).

Понятно, что методика и техника исследования, а также характер и объем необходимых для этого знаний, будут совершенно различными. Так, в первом случае для осмотра должен быть привлечен в качестве специалиста товаровед, а во втором – специалист в области криминалистической техники (трасолог).

Фотографический снимок также может быть непосредственным или опосредствованным источником информации. В первом случае имеют значение собственные свойства фотографического изображения, т. е. его содержание, форма, техника исполнения, делающие его предметом искусства, вещью домашнего обихода, порнографическим изделием и т. д. Во втором случае снимок выступает как отображение

предметов и лиц, по которому эти предметы и лица могут быть установлены и идентифицированы.

Отображение может иметь форму объекта, оставаясь в то же время опосредствованным источником информации. Так, скульптурные портреты или посмертные маски, выполненные с помощью той или иной технической методики с умерших лиц, представляют вещественное воспроизведение головы человека и внешне выглядят как объекты, хотя по существу являются отображениями. Методика их исследования полностью соответствует методике исследования опосредствованных источников информации. Это обстоятельство следует иметь в виду при классификации некоторых сложных объектов исследования.

Предметы массового стандартного производства (например, обувь, пуговицы, сигареты, лезвия и т. д.) могут исследоваться и как непосредственные источники информации, и как опосредствованные источники – отображения. Когда исследуются свойства самой продукции, ее качество, комплектность, стандартность и т. д., она выступает как непосредственный источник информации. Возможен, однако, и другой аспект исследования. Так, при необходимости установить предприятие, которым выпущена продукция, явившаяся предметом спекуляции, в предметах исследуются те свойства, которые отражают особенности конкретного производства, специфику его технологического процесса. Изделие, таким образом, выступает как отображение, опосредствованный источник информации.

Аналогичное положение имеет место и при исследовании материалов и веществ. Так, отравляющее вещество (яд), обнаруженное у лица, обвиняемого в убийстве, также может исследоваться и как объект, и как отображение, хотя их различие в этом случае выглядит не столь явно, как в предыдущих примерах. В первом случае как существенные рассматриваются те свойства обнаруженного у обвиняемого вещества, которые указывают на его назначение и характеризуют его отравляющее действие (состав, концентрация, летальная доза, характер действия и т. д.) Всякого рода случайные безвредные примеси рассматриваются при этом как несущественные. Во втором случае, положим, при сравнении этого вещества с веществом, добавленным к пище потерпевшего, относительное значение обнаруженных признаков будет иным. Собственно, фармакологические свойства яда будут иметь значение лишь как родовые свойства исследуемого вещества. Особо же существенными будут признаки, характеризующие специ-

фичность, происхождение вещества из определенного источника (например, случайные примеси, содержащиеся в той же коробке, где обвиняемый хранил отравляющее вещество). Как видно, и в этом случае методика исследования будет различной. В первом случае налицо распознавание – фармакологическое или судебно-химическое исследование вещества с целью определения его природы, происхождения и назначения. Во втором – сравнительное идентификационное исследование вещества с целью установления источника происхождения сравниваемых объектов.

Как видно из сказанного, разграничение непосредственных и опосредствованных источников информации имеет существенное методическое значение. Оно позволяет правильно определить предмет и задачи исследования выбрать наиболее соответствующую методику и технику исследования.

В случаях, когда один и тот же объект выступает и как непосредственный, и как опосредствованный источник информации, рассматриваемое деление указывает на различие задач и методов исследования одного и того же объекта, обеспечивает всестороннее выявление всех существенных для дела фактических данных.

Использование опосредствованных источников информации в процессе криминалистической деятельности стало предметом прямого законодательного регулирования. Это обязывает ученых вести дальнейшую интенсивную разработку проблемы опосредствованных источников криминалистической информации.

Деление источников информации на непосредственные и опосредствованные нельзя смешивать с делением источников на первоначальные и производные. Последнее имеет в основе не способ отражения факта источником информации, а способ формирования источника и его удаленность от первоисточника сведений о факте.

Как отмечалось выше, рассматриваемые деления нередко отождествляются и терминологически, и по существу. Между тем налицо два самостоятельных деления, осуществляемые по различным логическим основаниям. Первоначальные источники информации далеко не всегда являются непосредственными.

Очевидцы преступления, следы преступника, следы транспорта, следы орудий, следы животных всякого рода и иные отображения, обнаруженные на месте преступления, – все это примеры опосредст-

вованных источников информации, которые являются вместе с тем первоначальными источниками сведений о фактах.

Потерпевший или подозреваемый, как объекты освидетельствования, являются непосредственными источниками информации. В случаях же допроса указанных лиц и изучения их показаний, они являются опосредствованными источниками информации. Вместе с тем и в первом, и во втором случае они выступают как первоначальные источники информации. След, найденный на месте преступления, и фотоснимок с него – опосредствованные источники информации. Вместе с тем первый является первоначальным, а второй – производным.

Как было показано выше, содержанием производного источника информации является всегда тот же факт, что и факт, содержащийся в первоначальном источнике информации, различается лишь полнота и точность воспроизведения.

Содержанием же опосредствованного источника может быть и по существу новый факт по сравнению с фактическим составом непосредственного источника информации.

Фотографические снимки, выявляющие удаленный преступником и невидимый при обычном осмотре текст документа, признаки подделки или иные существенные для дела фактические данные являются, наряду с заключением эксперта, первоисточниками фактических данных, ибо в деле в принципе не может быть других первоначальных источников информации, содержащих те же фактические данные. Вместе с тем указанные фотографические снимки, а также заключение эксперта следует считать опосредствованными источниками информации. Такие фотографические снимки и заключения являются для расследования не сами по себе, а как отображения, передающие свойства других объектов: один – в форме фотографического изображения, другой – в форме логического вывода (представляющего психический образ действительности) [5, с. 61].

Из сказанного видно, что рассматриваемые деления имеют различные логические основания. Вместе с тем различается также назначение и роль этих классификаций.

Как было показано выше, смысл деления источников информации на первоначальные и производные состоит в реализации принципа непосредственности исследования. Служебная роль этого деления сводится к тому, чтобы облегчить следователю и суду разрешение

вопроса о сравнительной информационной ценности имеющихся или потенциальных источников информации.

Иной смысл имеет деление источников информации на непосредственные и опосредственные. Значение его состоит в том, чтобы на основе анализа способа отражения факта источником информации определить способ его исследования. В этом случае решается вопрос уже не о выборе источника информации и его допустимости, а о выборе метода криминалистического исследования.

В их числе снимки, полученные в результате цветоделения, снимки люминесценции, снимки в ультрафиолетовых, инфракрасных и рентгеновских лучах, снимки в лучах радиоактивных изотопов. Аналогичную природу имеют также снимки изображений с экранов электронно-оптических преобразователей.

Производные источники информации играют роль процессуальных заместителей источников и используются лишь при невозможности использования последних.

Опосредствованные источники информации используются не вместо, а наряду с непосредственными источниками, являясь средством фиксации и исследования содержащихся в них фактических данных. Использование опосредствованных источников в этом качестве позволяет избрать любой технический прием передачи и воспроизведения информации, который является наиболее удобным для разрешения конкретных задач исследования.

Так, при исследовании отображений широко используются приемы преобразования отображений по форме, цвету, яркости, рельефу, контрастности и т. д., и т. п. Так, фотоснимки дактилограмм, для сравнения с отпечатками на следокопировальной пленке, могут быть преобразованы по форме (в зеркальные) и цвету (из позитивного в негативные); в других случаях целесообразно провести преобразование рельефа, например, изучить особенности следа бойка ударника на стреляной гильзе по его полимерным слепкам; с целью выявления недоступных обычному зрению особенностей документа, проводятся его фотографические преобразования по цветному или яркостному контрасту и т. д. В ряде случаев оказывается, что методически, при наличии непосредственных источников информации, исследование целесообразнее проводить по отображениям.

Так, при дактилоскопической экспертизе след пальца, изъятый с места преступления, сравнивается не непосредственно с пальцами за-

держанного, а с изготовленными дактилограммами; при идентификации пистолета по пуле, изъятой из трупа, последняя сравнивается не непосредственно с пистолетом, а со следами канала ствола пистолета на экспериментальных пулях и т. п.

Этот факт, совершенно не объяснимый с позиции деления источников информации на первоначальные и производные, вполне понятен и естественен, если его рассматривать в плане деления источников информации на непосредственные и опосредствованные.

Принципы использования опосредствованных источников информации должны служить основой для активного вмешательства следователя и судьи в процесс передачи, воспроизведения и исследования доказательственной информации. Эти принципы обосновывают использование всех допустимых законом технических средств и приемов исследования фактических данных.

Таким образом, разработка классификаций источников, способствующих выяснению возможностей использования и разработке методов исследования источников криминалистической информации, имеет важное значение. Деление источников криминалистической информации позволяет правильно определить предмет (задачи) исследования, методику и технику исследования, а также условия использования полученных в результате исследования фактических данных.

Список использованной литературы

1. Васильев А.Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960. 31 с.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
3. Потапов С.М. Введение в криминалистику. М., 1946. 213 с.
4. Шевченко Б.И. Научные основы современной трасологии. М.: МЮИ, 1947. 54 с.
5. Колдин А.В. Процессуально-криминалистические проблемы исследования источников информации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 203 с.

Информация об авторе

Биржанов Бейбит Кайратович – капитан полиции, докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бей-

сенова, 100021, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермакова, 124. E-mail: b_b_k@mail.ru.

Information about the author

Beerzhanov Bejbeet Kajratovich – police captain, doctoral candidate, Karagandy Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan named after V. Beisenov, 124, Ermekov Str., Karaganda, 100021. E-mail: b_b_k@mail.ru.

УДК 343.85

Д.Г. Гайков

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ*

В статье рассматривается проблема подростковой преступности, в частности, совершение подростками половых преступлений. По мнению авторов, одной из причин таких преступлений является влекущая безнаказанность виновных проблема государственного реагирования на данную преступность в связи с недостижением ими возраста уголовной ответственности. Делается вывод о необходимости снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, поскольку общественная опасность данных видов преступлений является очевидной для лиц этого возраста.

Ключевые слова: преступления сексуального характера; несовершеннолетние; ответственность; криминализация.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

D.G. Gajkov

TO THE QUESTION ABOUT THE RESPONSIBILITY OF JUVENILES FOR VIOLENT SEX CRIMES

The article considers juvenile delinquency problems, in particular, committing sexual crimes by minors. The author considers that one of the reasons of such crimes is the problem of government's reaction to such criminality due to being under age of criminal discretion that is an attractive impunity of culprits. It concludes the necessity to reduce the age of criminal discretion up to 12 for committing crimes against sexual immunity and individual sexual freedom, as long as social danger of given types of crimes is evident to persons of this age.

Keywords: sex crimes; minor; liability; criminalization.

Уголовная ответственность по российскому уголовному законодательству наступает с 16 лет, т. е. быть субъектом преступления могут только вменяемые физические лица, достигшие к моменту совершения преступления указанного возраста. Тем не менее законодателем установлен пониженный, по отношению к общему, возраст уголовной ответственности за двадцать тяжких и особо тяжких составов преступлений. Преступления, предусмотренные в ч. 2 ст. 20 УК РФ, носят такой характер общественной опасности, который является очевидным и должен осознаваться лицами, достигшими к моменту их совершения четырнадцатилетнего возраста.

Статистический анализ показывает, что число несовершеннолетних преступников за последние годы стремительно увеличивается, в то время как численность подросткового населения постоянно снижается. Криминологами отмечается, что преступность несовершеннолетних растет в 3,5 раза быстрее, чем численность самих несовершеннолетних. Это говорит о том, что данная социальная категория сегодня обладает наибольшей криминогенной активностью [6, с. 243; 15, с. 268; 11, с. 3–4].

Кроме этого, в последние годы отмечается стабильный рост числа малолетних преступников: если в 2011 г. их было 19,6 % от общего числа несовершеннолетних, совершивших противоправные поступки, то в 2012 г. – доля детей, младше 14 лет составила уже 21,8 %. Всего же в 2012 г. при участии 59,4 тыс. несовершеннолетних

совершено более 64 тыс. преступлений, причем, 13 тыс. подростков совершили преступления повторно [3]. В немалой степени криминализации несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, способствует безнаказанность: практически каждый из малолетних преступников знает, что ему за совершенные действия, преступность которых он прекрасно осознает, ничего не грозит.

Детская преступность становится одной из самых тревожных и серьезных проблем нашего общества. При этом на наш взгляд, наибольшую тревогу должны вызывать далеко не единичные факты совершения несовершеннолетними насильственных действий сексуального характера. Так, 10 апреля 2013 г. в правоохранительные органы города Вихоревка Братского района Иркутской области поступила информация о том, что 13-летний мальчик стал жертвой сексуального насилия со стороны своих ровесников. Сотрудники правоохранительных органов установили и задержали причастных к совершению данного преступления лиц. Ими оказались трое несовершеннолетних в возрасте 13 и 14 лет. Угрожая потерпевшему ножом, они совершили в отношении него насильственные действия сексуального характера¹.

В городе Уфа днем после уроков 6 февраля 2013 г. двое ровесников обманом заманили 14-летнюю школьницу в подвал одного из домов Калининского района, где семеро подростков, одному из которых 15 лет, остальные в возрасте от 12 до 14 лет, на протяжении 4 часов насильствовали девушку и совершали с ней насильственные действия сексуального характера².

В Томской области 19 января 2012 г. двое несовершеннолетних в возрасте 14 и 10 лет, предварительно договорившись о совершении насильственных действий сексуального характера в отношении 10-летнего знакомого, угрожая избиением, завели его в подъезд многоквартирного жилого дома, где совершили в отношении него насильственные действия сексуального характера. В результате их действий

¹ В Иркутской области подросток подозревается в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетнего // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru/news/368392.html> (дата обращения 10.01.2014).

² В Республике Башкортостан семь несовершеннолетних жителей города Уфа подозреваются в совершении сексуального насилия над несовершеннолетней // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru/news/279972.html> (дата обращения 10.01.2014).

у потерпевшего развилось психическое расстройство, что квалифицируется как причинение тяжкого вреда здоровью¹.

Разумеется, в соответствии с законом в каждом случае к уголовной ответственности возможно привлечение только лиц, достигших 14-летнего возраста. В отношении же других участников применимы лишь «иные меры правового реагирования», несмотря на то, что в момент совершения преступлений злоумышленники прекрасно осознавали, что делают. Между тем бесспорным представляется основанное на обобщении опыта убеждение о том, что любое наказание, которое «не наказывает», только провоцирует новое совершение противоправных поступков.

Сексуальное насилие всегда обладает максимально отрицательным восприятием общества, несет в себе повышенное осуждение и крайне низкую возможность оправдания, особенно с позиции родителей пострадавших детей. Более того, безнаказанность малолетних преступников провоцирует самосуд над ними, что, напротив, находит в глазах общественного мнения и оправдание, и поддержку. Если с точки зрения близких потерпевшему людей, правоохранительные органы бездействуют либо не имеют адекватных, на их взгляд, мер реагирования и пресечения подобных преступлений, они сами находят способы «справедливого» возмездия виновному. Принцип эквивалентности во взаимоотношениях и поведении во все времена был важнейшим регулирующим фактором общественных отношений [7, с. 49], т. е. с точки зрения общественного мнения наказание справедливо лишь тогда, когда соответствует совершенному деянию.

Хорошо известно, что совершение преступления было бы невозможным, как минимум, если бы наказанию не было альтернативы. И, как максимум, если бы у человека было сформировано самоценностное отношение к другому человеку и себе, т. е. социальное значение «человек самоценен» имело бы личностный смысл у каждого члена общества и выступало его объединяющим фактором [1, с. 57].

Безусловно, если речь идет о подростках, не достигших четырнадцатилетнего возраста, то говорить о том, что у них уже должно быть сформировано представление о ценности жизни другого челове-

¹ В Томской области подросток предстанет перед судом по обвинению в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении малолетнего // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sledcom.ru/367722.html> (дата обращения 10.01.2014).

ка преждевременно. Тем не менее еще до поступления в школу детям известны основные нормы поведения в обществе, границы дозволенного, допустимого поведения. Они хорошо знают значение таких понятий, как боль, страдание, обида, стыд, жестокость; понимают сущность устанавливаемых обществом элементарных запретов – нельзя унижать, применять насилие, причинять боль. Они на личном опыте уже имеют предварительное представление о так называемом золотом правиле нравственности: «Не поступай по отношению к другому так, как ты не хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе», поэтому способны увидеть разницу между хорошим поступком и плохим, предпочесть один другому, воздержаться от дурного. В 8–12 лет ребенок вполне самостоятелен и способен отдавать себе отчет в своих действиях и их последствиях. По данным психологов, заметное развитие в этот период приобретают волевые черты характера – настойчивость, упорство в достижении цели, умение преодолевать препятствия и трудности. В отличие от младшего школьника, подросток способен не только к отдельным волевым действиям, но и к волевой деятельности. Он часто уже сам ставит перед собой цели, сам планирует их осуществление [13, с. 304]. Поэтому, если речь идет о совершении подростком насильственных действий сексуального характера, общественная опасность которых очевидна, то, по меньшей мере, наивно полагать, что он «не ведает, что творит».

В свою очередь, если говорить о первом из указанных выше условий недопущения преступных действий, служащем главным препятствием на пути к правонарушению – безальтернативности наказания за совершенное, то в отношении малолетних преступников этот механизм социальной регуляции жизни общества, согласно действующему уголовному закону, неприменим. Налицо парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, человек вполне созрел для совершения тяжкого преступления, но, с другой – еще не дорос до наказания за него. Между тем подростки, чувствуя свою безнаказанность и будучи уверенными в снисходительности к их возрасту, совершают все новые и все более тяжкие преступления.

В юридической литературе отмечается также высокая латентность половых преступлений, причины которых ученые связывают, в частности, с несовершенством современного уголовного правосудия, проблемами современной морали, боязнью преступника, боязнью «позорящей огласки», а также с имеющими место отказами сотру-

ников правоохранительных органов в возбуждении уголовных дел такой категории [14, с. 3; 2, с. 3; 8, с. 18; 10, с. 3]. При этом, если речь идет о совершении данных преступлений малолетними, не обращение законных представителей потерпевших в правоохранительные органы часто обусловлено не только их нежеланием предавать широкой огласке факт совершенного над их ребенком сексуального насилия, но и бесперспективностью этого мероприятия, поскольку малолетние преступники не подлежат уголовной ответственности, а, значит, результатом такого обращения будет всего лишь то, что правоохранительным органам станет известно о совершенном преступлении. Поэтому нельзя не согласиться с выводами авторитетных криминологов, что уголовная и судебная статистика в значительной мере отражает не саму преступность, а практику реагирования потерпевших, а также правоохранительных органов на преступления [12, с. 3–5].

Кроме этого, как верно отмечает Е. Ю. Мощицкая, сексуальное насилие, совершенное несовершеннолетним и оставшееся латентным, в значительной степени формирует его личностные деформации, реализация которых во взрослой жизни будет иметь для него самые неблагоприятные последствия [10, с. 4]. С этой точки зрения, сам несовершеннолетний становится жертвой совершенного им преступления. Поэтому, несмотря на общую тенденцию к минимизации мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, следует согласиться с выводом А. Н. Игнатова о том, что за отдельные виды преступлений возраст наступления уголовной ответственности должен быть снижен до 12 лет. Ученый справедливо отмечает, что в последний период участились случаи совершения тяжких и особо тяжких насильственных преступлений лицами, не достигшими 14-летнего возраста. Такие лица, совершая особо опасные преступления, прекрасно сознают их общественную опасность и потому с субъективной стороны отвечают всем признакам субъекта преступления [5, с. 23].

За привлечение к ответственности с 12 лет выступает и Следственный комитет, и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Кому, как не представителям данных ведомств, знать реальную картину детской преступности и понимать острейшую необходимость принятия решительных шагов для изменения ситуации?

Общественной Палатой Российской Федерации разработан и вынесен на обсуждение проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, п. 7 которого предусматривает оптими-

зацию и приведение в соответствие с криминологической ситуацией содержание Уголовного кодекса Российской Федерации, повышение эффективности механизма уголовно-правового регулирования¹. Представляется, что понижение возраста уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступления до 12 лет, безусловно, будет способствовать повышению эффективности механизма уголовно-правового регулирования в этой сфере.

Следует напомнить, что до принятия Основ 1958 г. возраст, по достижении которого была возможна уголовная ответственность за все преступления, согласно действовавшему в то время законодательству, равнялся 14 годам. За некоторые преступления в соответствии с законом от 7 апреля 1935 г. привлечение к ответственности было возможно по достижении двенадцатилетнего возраста. Учеными в связи с этим отмечалось, что на практике привлечение к уголовной ответственности в возрасте двенадцати-четырнадцати лет было крайне редким явлением [9, с. 44].

Хотелось бы надеяться, что такое положение повторится. Тем не менее, на наш взгляд, лишь предусмотренная уголовным законом перспектива понести реальное наказание за совершение тяжкого преступления будет являться несомненным сдерживающим фактором детской преступности. При этом важна не столько кара сама по себе, сколько реальная возможность понести ее, неотвратимость наказания. В противном случае в общей картине преступности в России подростковая преступность останется самой активной и опасной ее частью.

Как известно, несовершеннолетние – носитель генофонда нации, ее потенциал; их нравственным и физическим здоровьем напрямую определяются возможности прогрессивного развития общества. Охрана детей является отражением естественной функции самосохранения общества [4, с. 3–4]. В связи с этим задачей государства является обеспечение защиты не только детей, потерпевших от преступления, но и детей, их совершивших, в данном случае – от них самих и тех условий, которые способствовали совершению преступления. Такая защита будет возможной лишь при наличии адекватных мер реагирования правоохранительных органов на совершение преступлений ма-

¹ Проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1> (дата обращения 13.01.2014).

лолетними, а также такой системы исполнения наказания, которая предполагает не только наказание виновного, но и его исправление, воспитание и обучение.

Список использованной литературы

1. Алексеева Л. В. Юридическая психология. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2001. 240 с.
2. Брусенцева В.А. Методика расследования ненасильственных сексуальных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
3. Брынцева Г. МВД России предложило меры по борьбе с детской преступностью // Рос. газ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/01/04/prest-site-anons.html> (дата обращения 13.01.2014).
4. Гоноченко О.А. Уголовно-правовые средства защиты несовершеннолетних от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 30 с.
5. Игнатов А.Н. Проблемы криминализации и декриминализации // Современные проблемы уголовного права и криминологии: Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б.С. Волкова, 22 фев. 2007 г. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 18–24.
6. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.
7. Корнакова С.В. Основы этики. Профессиональная этика юриста: учебник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. 308 с.
8. Корягина С.А. Анализ практики назначения наказания несовершеннолетним осужденным в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 1. С. 16–21.
9. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 128 с.
10. Мощицкая Е.Ю. Виктимологическая характеристика сексуального насилия несовершеннолетних: по материалам Иркутской области: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 24 с.
11. Подсухина Т.В. Преступность несовершеннолетних: социальные детерминанты и проблемы профилактики: дис. ... канд. социол. наук. Иваново, 2003. 184 с.

12. Преступность в России и проблемы борьбы с ней / под ред. проф. А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. 244 с.

13. Семенюк Л.М. Хрестоматия по возрастной психологии: учебное пособие для студентов / под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд., доп. М.: Ин-т практ. психологии, 1996. 304 с.

14. Тыдыкова Н.В. Насильственные половые преступления: Обоснованность криминализации и квалификация по объективным признакам: автореф. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. 23 с.

15. Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Юристъ, 2000. 511 с.

Информация об авторе

Гайков Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dgaykov@yandex.ru.

Научный руководитель: *Протасевич Александр Алексеевич* – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, декан Судебно-следственного факультета, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dekssf@isea.ru.

Information about the author

Gajkov Dmitriy Gennadjevich – Post-graduated student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: dgaykov@yandex.ru.

Academic advisor: *Protasevich Aleksandr Alekseevich* – Doctor of Law, Professor, Head of Judicial-Investigation Faculty, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: dekssf@isea.ru.

УДК 343.98

В.Н. Китаева

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ*

На основе обобщения материалов судебной практики сформулирована структура криминалистической характеристики жестокого обращения с животными. Дано описание таких элементов криминалистической характеристики жестокого обращения с животными, как предмет преступления; способ совершения преступления; орудия совершения преступления; место совершения преступления; личность преступника; мотивы совершения преступления.

Ключевые слова: жестокое обращение с животными; криминалистическая характеристика преступлений; способ жестокого обращения с животными; мотив жестокого обращения с животными; предмет жестокого обращения с животными.

V.N. Kitaeva

CRIMINALISTICAL CHARACTERISTICS OF CRUELTY TOWARDS ANIMALS

Drawing upon the analysis of judicial practice the article presents the structure of animal cruelty's criminalistical characteristics. The article describes such elements of criminalistical characteristics as the subject of animal cruelty; methods employed by perpetrators; instruments of crime; place of crime; identity of the offender; motives for crime.

Keywords: animal cruelty; criminalistical characteristics of crimes; type of animal cruelty; motive for animal cruelty; subject of animal cruelty.

Криминалистическая характеристика преступлений, по-прежнему, является первоначальным элементом современных част-

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

ных методик расследования отдельных видов (групп) преступлений. При этом система элементов и познавательные возможности данной теоретико-прикладной конструкции остаются наиболее дискуссионными [2, с. 51].

По мнению сторонников криминалистической характеристики преступлений, ее значение заключается в том, что для следователей и дознавателей она является особым банком данных, содержащих несколько видов ценной справочной криминалистической информации, необходимой для успешной организации и планирования раскрытия, расследования и предупреждения уголовно наказуемых деяний [1, с. 302; 4, с. 256].

Однако даже приверженцы данной криминалистической категории отмечают, что со временем пришлось отказаться от неоправданно больших ожиданий в части ее практического использования [6, с. 347].

Если практическая ценность криминалистических характеристик видов (групп) преступлений остается под вопросом, то ее важное дидактическое значение, по мнению проф. А.Г. Филиппова, умалять не стоит. «Криминалистические характеристики видов и групп преступлений, – пишет А.Г. Филиппов, – дают возможность в очень сжатом изложении, на одной–двух страницах текста, показать криминалистическую сущность того или иного вида или группы преступлений. При изучении криминалистики такие сведения необходимы, и заменить типовую криминалистическую характеристику в этом отношении нечем» [6, с. 347].

Структура и содержание криминалистической характеристики одного и того же вида преступлений у разных авторов зачастую отличается, что заставляет исследователей снова и снова возвращаться к решению вопроса об элементном составе криминалистической характеристики определенного вида преступлений.

При формировании элементного состава видовых криминалистических характеристик преступлений рекомендуется выбирать элементы, которые бы работали на осуществление основной функции криминалистической характеристики, т. е. были бы значимыми для разработки методики раскрытия и расследования данного вида преступлений; содержали в себе сведения, криминалистически значимые для расследования большинства преступлений данного вида, т. е. отвечали требованиям типичности и содержали сведения о признаках

преступлений [3, с. 97; 5, с. 63]. Как правило, разработчики видовых криминалистических характеристик преступлений опираются на типовую криминалистическую характеристику преступлений какого-либо ученого-криминалиста, порой аргументируя целесообразность включения в криминалистическую характеристику преступлений того или иного ее элемента.

Методика расследования жестокого обращения с животными пока не сформирована. Соответственно, возникает вопрос о создании криминалистической характеристики данного вида преступлений.

Анализ материалов отечественной судебной практики позволил выделить структурные элементы криминалистической характеристики жестокого обращения с животными и дать им характеристику. Остановимся на каждом из них.

Предмет преступления. Изучение 257 материалов уголовных дел о жестоком обращении с животными, рассмотренных судами 23 субъектов РФ, по которым осуждено 300 человек¹, показало, что предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, стали: собака (щенок) – 61,5 %, кот (кошка, котенок) – 21,5 %, корова (теленоч) – 2 %, коза – 0,8 %, лошадь – 0,8 %, свинья – 0,6 %, кролик – 0,3 %, морская свинка – 0,3 %, декоративные крысы – 7 %, гусь – 0,3 %, курица – 0,3 %, попугай – 0,3 %, аквариумные рыбки – 4,2 %.

При этом 88,5 % животных находились в чьей-либо собственности, а 11,5 % животных не имели хозяина. Нередко предметом преступного посягательства становилось сразу несколько животных. В 85,5 % случаев в результате жестокого обращения животные погибли, а в 14,5 % случаев получили увечье.

Способ совершения преступления. В зависимости от того, с помощью какого орудия совершалось преступление, способы жестокого обращения можно подразделить на механические, химические, с применением электрического тока, с использованием огня, комбинированные.

¹ Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Республика Хакасия, Ставропольский край, Пермский край, Алтайский край, Брянская область, Воронежская область, Курская область, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, Мурманская область, Самарская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Челябинская область, Свердловская область, Омская область, Новосибирская область, Иркутская область, Камчатская область, Магаданская область, Амурская область.

К механическому способу жестокого обращения с животными относятся асфиксия, нанесение механических повреждений.

Исследование показало, что как способ жестокого обращения с животными, асфиксия осуществлялась тремя путями: перекрытием верхних дыхательных путей животного руками, удавкой, петлей, утоплением в воде, закапыванием заживо.

Чаще всего асфиксия осуществлялась путем сдавливания петлей, руками, через повешение животного (8,4 % случаев).

В двух случаях асфиксия наступила у животного в результате утопления, а в одном случае – в результате закапывания животного заживо. В одном случае причиной асфиксии у животного стало механическое сдавливание легких.

Наиболее распространенным способом жестокого обращения с животными, влекущим гибель, является нанесение механических повреждений в жизненно важные органы животного тупыми, колюще-режущими, рубящими, колющими, режущими орудиями (63,7 % случаев) и из огнестрельного оружия (5,6 % случаев).

В 7,4 % случаев смерть животных последовала после того, как их, взяв за хвост или задние конечности, с силой ударяли один или несколько раз о различные поверхности.

В 3,7 % случаев гибель животных наступила в результате сбрасывания их с высоты.

В двух случаях жестокое обращение с животными было совершено с использованием животных. Так, Шумилов натравил свою собаку на кота, который от полученных ранений умер¹. Несовершеннолетний конюх Н. по предварительному сговору с малолетним Р. и П. связал электрическими проводами лапы бездомной собаки, затем они сели верхом на лошадей, таскали собаку за собой, наезжали на нее копытами лошадей, в результате чего собака получила увечье. На следующий день в присутствии малолетнего Я. Н. и П. снова наезжали копытами лошадей на собаку, которая от полученных травм и удушения погибла².

Химический способ жестокого обращения с животными использовался в двух случаях. Так, Мурадянц отравил собаку сарделькой,

¹ Уголовное дело № 1-387/98 // Архив Ржевского городского суда Свердловской области.

² Приговор в отношении Н. от 18 августа 1998 г. // Архив Кочубеевского районного суда Ставропольского края.

начиненной порошком для травли животных¹, а Глазырин пустил струю освежителя воздуха на попугая и поджег ее, попугай погиб².

Электрический ток как самостоятельный способ жестокого обращения с животными использовался в одном случае. В конце 1997 г. Меркулов приобрел щенка. В феврале 1998 г. в своей квартире в г. Лысьва Меркулов с помощью тока убил этого щенка, а мясо употребил в пищу³.

В одном случае жестокое обращение было совершено путем доведения животного до физического перенапряжения (загнанная лошадь)⁴.

К комбинированному способу жестокого обращения с животными, повлекшему гибель (11,6 % случаев), относятся следующие способы: а) удушение животного и нанесение механических повреждений; б) удушение животного и использование электрического тока; в) нанесение травм животному электрическим током и утопление его в воде.

Увечье животному в ходе жестокого обращения причинялось следующими способами: нанесение механических повреждений вышеуказанными орудиями (76 %), причинение огнестрельных повреждений (13,5 %), сбрасывание с высоты (11 %).

В 25 % случаев жестокое обращение с животными совершено с применением садистских методов.

Орудия совершения преступления. Для причинения гибели животному в процессе жестокого обращения в 69 % случаев использовалось одно орудие преступления, а в 31 % случаев – два и более орудия.

Наиболее часто для причинения гибели животному использовались различного рода тупые орудия: деревянная палка, доска, штакетная рейка – 9,7 % случаев; земля, асфальт, бетонная дорожка, каменный бордюр, пол, стены, косяки, печка, батарея отопления, по-

¹ Приговор в отношении Мурадянц от 20 ноября 2001 г. // Архив Кировского районного суда Ставропольского края.

² Уголовное дело № 1-202/98 // Архив Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан.

³ Уголовное дело № 1-621/98 // Архив Лысьвенского городского суда Пермской области.

⁴ Уголовное дело № 1-92/00 // Архив Коссинского районного суда Пермской области.

ленница дров, столб, дерево и т. п. (на них бросали или об них ударяли с силой животное) – 14,8 % случаев; ноги – 6 % случаев; металлическая труба – 3,7 % случаев; молоток – 3,2 % случаев; металлический прут – 3,2 % случаев; металлические предметы – 2,8 % случаев; кирпич, камень – 1,4 % случаев.

Колюще-режущие орудия – ножи – использовались в 30,7 % случаев для причинения смерти животному в процессе жестокого обращения.

В 18,5 % случаев гибель животных наступала от травм, причиненных рубящими орудиями: топором (15,3 %), лопатой (3,2 %).

В 4,2 % случаев жестокого обращения с животными, повлекших гибель, преступники использовали колющие орудия: вилы, ломы, гвоздодер, отвертку, иные металлические предметы.

В двух случаях для причинения гибели животному применялись режущие орудия – пилы.

В 5,6 % случаев жестокое обращение с животными, повлекшее гибель, совершено из огнестрельного оружия (охотничьи ружья, обрез охотничьего ружья, карабин, однозарядная нарезная винтовка).

В 13 % случаев для причинения смерти животному в процессе жестокого обращения использовались веревки, бинты, ремни, цепи, проволока и т. п., а в 9,7 % случаев использовались руки. Иногда эти орудия применялись в сочетании с колюще-режущими, тупыми, рубящими, колющими орудиями, электрическим током при комбинированном способе жестокого обращения с животными.

В 5,6 % случаев для причинения гибели животному использовались иные орудия (электрический ток, огонь, вода, химические вещества, другие животные, капкан).

Для причинения увечий в процессе жестокого обращения с животными использовались те же группы орудий, за исключением, режущих и иных.

При этом чаще всего применялись тупые орудия (48,6 %), затем колюще-режущие (24,3 %), потом рубящие орудия (13,5 %), руки, веревки (13,5 %), колющие орудия (10,8 %), огнестрельное оружие (10,8 %).

Место совершения преступления. В 57 % случаев жестокое обращение с животными совершается в городе, а в 43 % – в сельской местности. В 40 % случаев место преступления находилось в поме-

щении (квартира, дом, сарай и др.), а в 60 % случаев – на участке местности (двор, улица, поле, берег реки и др.).

Личность преступника. Большинство преступников (96 %) составляют мужчины. Возраст лиц, жестоко обращающихся с животными, колеблется в пределах (16–62 года): 16–17 лет – 6 %; 18–24 лет – 31 %; 25–29 лет – 18 %; 30–39 лет – 25, 4 %; 40–49 лет – 15,3 %; 50 лет и старше – 4,3 %.

Большинство лиц совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения (57,6 %), будучи не судимыми (63 %).

Образовательный уровень лиц, совершивших жестокое обращение с животными, следующий. Начальное образование имеют 2,2 %. Основное общее образование – 34 %. Среднее (полное) общее образование – 46,4 %. Среднее специальное образование – 15, 6 %. Незаконченное высшее – 1,4 %. Высшее образование встретилось только у одного человека.

Большинство лиц, жестоко обращавшихся с животными, нигде не работали (60 %).

В 72 % случаев жестокое обращение с животными было совершенно единолично, в 5 % случаев – группой лиц, в 23 % случаев – группой лиц по предварительному сговору. Фактов совершения жестокого обращения с животными организованной группой не выявлено.

Мотивы совершения преступлений. На наличие в действиях виновного состава преступления при отсутствии таких признаков объективной стороны, как «в присутствии малолетних» или «с применением садистских методов», влияет *мотив преступления – хулиганский или корыстный.*

В 51 % случаев жестокое обращение с животными совершается из хулиганских побуждений, в 31,1 % случаев имеет место корыстная мотивация, а в остальных (17,9 %) случаях – иная.

Полагаем, что настоящее исследование может быть полезным для тех, кто интересуется криминалистическими аспектами ст. 245 УК РФ.

Список использованной литературы

1. Возгрин И.А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 475 с.

2. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2011. № 1. С. 51–64.

3. Лекции по криминалистике / рук. авт. кол. и отв. ред. В.П. Лавров. М., 1992. 129 с.

4. Мухин Г.Н. О прикладном значении некоторых дискуссионных понятий в теории криминалистики // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы межд. науч.-практ. интернет-конф., Иркутск, 16–30 апр. 2012 г. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 252–258.

5. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений: генезис, понятие, проблемы / под ред. И.А. Возгина. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД России, 2002. 174 с.

6. Филиппов А.Г. Заметки на полях (о статьях Г.К. Захарова и С.Н. Чурилова) // Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М., 2007. С. 343–349.

Информация об авторе

Китаева Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kivanic@mail.ru.

Information about the author

Kitaeva Valentina Nikolaevna – Candidate of Law, Associate Professor of Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kivanic@mail.ru.

УДК 343.137

С.В. Корнакова
Д.Г. Гайков

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ*

При расследовании дел о насильственных сексуальных преступлениях, особенно совершенных в отношении несовершеннолетних, возникает необходимость в оценке беспомощного состояния потерпевших. В статье аргументируется мнение о целесообразности назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетних потерпевших, что обусловлено их возрастом и сложностью установления причин беспомощного состояния, и требует совместных усилий психологов и психиатров. Обращается внимание на условия информационной эффективности результатов судебных экспертиз, которые в немалой степени зависят от правильности постановки вопросов на разрешение экспертов. Делается вывод о необходимости постоянного взаимодействия экспертных и следственных подразделений, выражающегося во взаимном обсуждении проблем, касающихся совместной деятельности обеих сторон.

Ключевые слова: насильственные сексуальные преступления; судебная экспертиза; оценка беспомощного состояния; несовершеннолетние потерпевшие от сексуальных преступлений.

S.V. Kornakova
D.G. Gaikov

FEATURES THE PURPOSE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN RELATION TO MINORS WHO WERE VICTIMS OF VIOLENT SEXUAL ASSAULT

When investigating cases of violent sex crimes, especially those committed against minors, there is a need to assess the helpless condition of the

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

victims. The article reasoned opinion on the advisability of a comprehensive psychological and psychiatric examination juvenile victims due to their age and the difficulty of identifying the causes of a helpless condition, which requires the joint efforts of psychologists and psychiatrists. Attention is drawn to the conditions of the informational efficiency of the results of forensic examinations, which are largely dependent on the correctness of questions on the resolution experts. The conclusion about the necessity of constant interaction between expert and investigative units, expressed in mutual discussion of problems relating to the joint activities of both parties.

Keywords: violent sexual crimes; forensic examination; evaluation of a helpless condition; minor victims of sexual crimes.

Смысл использования специальных познаний при расследовании преступлений состоит в обнаружении, интерпретации и оценке признаков, несущих информацию об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. Назначение судебных экспертиз в расследовании насильственных сексуальных преступлений, совершенных несовершеннолетними в отношении несовершеннолетних, имеет особое значение, поскольку с их помощью возможно получение не только ориентирующей информации, но и информации, имеющей доказательственное значение.

Следует отметить, что назначение и результаты экспертных исследований имеют не только доказательственное значение, но и способны оказать сильное психологическое воздействие на дающего ложные показания подозреваемого, нередко способствуют изменению его позиции и даче правдивых показаний. Для этого следователю необходимо разъяснять подозреваемому не только причину назначения определенного вида экспертизы, но и содержание экспертного исследования, а также доказательственную силу заключения эксперта.

При расследовании дел, квалифицируемых по ст. ст. 131,132 УК РФ, особенно совершенных в отношении несовершеннолетних, возникает необходимость в оценке способности потерпевших понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление. Отсутствие такой способности расценивается как беспомощное состояние потерпевших.

Юридический критерий беспомощного состояния состоит из двух компонентов: 1) невозможность понимать характер и значение совершаемых действий – интеллектуальный компонент и 2) невозможность

оказывать сопротивление – волевой компонент. Исходя из того, что в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» между этими компонентами использован союз «или» в соединительно-разделительном смысле (слабая дизъюнкция), это позволяет считать их самостоятельными. Наличие любого из этих компонентов является достаточным для вынесения заключения о наличии беспомощного состояния потерпевшего, которое может иметь как физическую, так и психическую природу. При этом наличие психической беспомощности однозначно предполагает и наличие физической беспомощности. Поэтому особое внимание при проведении экспертизы должно быть фиксировано на таких категориях, как понимание характера сексуальных действий и понимание их значения [7, с. 51].

Как верно в связи с этим отмечает В.А. Полянская, если потерпевший не мог осознавать значение совершаемых с ним действий, очевидно, что он не мог и оказывать сопротивление виновному, поскольку не понимал их криминального смысла. Способность потерпевшего оказывать сопротивление означает осознание смысла совершаемых в отношении него преступных действий. Поэтому судебно-экспертное заключение о неспособности потерпевших понимать характер и значение совершаемых с ними действий является, можно сказать, априори показателем неспособности оказывать сопротивление, поскольку сопротивление как целенаправленное действие всегда является осознанным [6, с. 106, 108].

Так, в отношении несовершеннолетнего подсудимого В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, суд пришел к выводу, что В., осознанно использовал малолетний возраст потерпевшей как способ совершения преступления. Согласно заключению психолого-психиатрической экспертизы, малолетняя потерпевшая в силу своей естественной возрастной незрелости и психического развития была не в состоянии понимать характер и значение совершаемых с нею действий и оказывать им сопротивление, обладала ограниченной способностью к правильному восприятию событий и обстоятельств. Потерпевшая могла понимать лишь внешнюю сторону совершаемых с нею действий (место произошедшего, внешность, последовательность совершаемых с нею

действий)¹, что расценено судом как наличие беспомощного состояния потерпевшей.

Ю.Л. Метелица отмечает, что беспомощное состояние имеет непосредственное отношение к возрастным аспектам развития человека, поскольку понимание потерпевшим характера действий виновного предполагает правильное отражение в сознании их содержательной стороны, которое может быть основано не иначе, как на информированности в вопросах пола (в существе сексуальных отношений между полами, формах их проявления и др.). Ученым выделяется четыре уровня осознания и понимания потерпевшими характера и значения совершаемых с ними действий:

- 1) внешней стороны криминальных событий;
- 2) их фактической стороны;
- 3) их социального значения;
- 4) социального значения юридически значимых событий на уровне личностного смысла.

При этом Ю.Л. Метелица указывает, что для констатации наличия беспомощного состояния потерпевшего достаточно нарушения понимания на любом из выделенных уровней [5, с. 58]. Выработка стратегий сопротивления сексуальному насилию зависит от способности потенциальной жертвы определить признаки угрозы уже на ранних этапах посягательства, прогнозировать действия преступника и в соответствии с этим регулировать свое поведение. Выяснение того, насколько несовершеннолетние потерпевшие понимали характер и значение действий виновного, должно включать в себя определение как осведомленности, так и способности к оценке криминальных действий [1, с. 379–380].

В практике судебной экспертизы нередко встречаются случаи, когда подэкспертные при сохранности у них способности к полноценному пониманию сущности действий преступника, тем не менее, не могли оказать сопротивление. Подавление воли у потерпевших может возникнуть как в силу личностных особенностей, например, внушаемости, конформности, подчиняемости, так и эмоциональных состояний, например, аффекта страха, ведущего к снижению способности осознания содержания ситуации и понимания сущности поступков других людей и собственных действий. Данного установлен-

¹ Уголовное дело 80731/2013. Архив Верховного Суда Республики Бурятия.

ного экспертизой факта достаточно для определения их состояния как беспомощного, даже при наличии осознанности ситуации и действий виновного.

Констатация беспомощного состояния относится исключительно к компетенции суда, для его установления в зависимости от обстоятельств уголовного дела может назначаться, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, судебно-психологическая или комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

В ряде случаев вопрос о наличии беспомощного состояния потерпевших суд и следствие решают самостоятельно. Так, совершение насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних потерпевших, согласно уголовному законодательству, должно квалифицироваться как насильственное преступление (п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК), поскольку лицо, не достигшее возраста 12 лет, находится в беспомощном состоянии. В подобных случаях нет необходимости для назначения судебной экспертизы для установления способности малолетнего понимать характер и значение совершаемых с ним действий, поскольку вполне очевидно, что гомосексуальный контакт, например, с 7–8-летним ребенком нельзя ни при каких условиях считать с его стороны добровольным. Кроме этого, согласно п. 4 ст. 196 УПК РФ, назначение судебной экспертизы психического и физического состояния потерпевшего обязательно лишь в случаях, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства.

Предметом судебно-медицинской экспертизы является физическая беспомощность, которая может быть вызвана наличием физических недостатков, рядом соматических заболеваний, бессознательным состоянием и т. п. Психическая беспомощность является чаще всего предметом комплексной психолого-психиатрической экспертизы. В свою очередь, оценка беспомощного состояния, вызванного психическим расстройством входит в компетенцию эксперта-психиатра, и в этом случае может быть назначена психиатрическая экспертиза. Психологические факторы, не относящиеся к психической патологии, обусловившие беспомощное состояние входят в компетенцию эксперта-психолога. В таких случаях судебно-следственные органы могут назначить однородную судебно-психологическую экспертизу.

В юридической литературе встречаются различные точки зрения ученых по поводу выбора вида экспертизы. Вместе с тем учеными от-

мечается, что чаще всего на практике встречается неясность генеза психической беспомощности, в связи с этим требуются совместные усилия эксперта-психиатра и эксперта-психолога. При этом обоснованием целесообразности комплексной психолого-психиатрической экспертизы при решении вопроса о беспомощном состоянии, является широкая область пограничных психических расстройств, которые требуют установления соотношения нарушенных и сохраненных сторон психики у потерпевших с психическими расстройствами, определения характера взаимного влияния стрессового и психопатологического факторов в юридически значимых ситуациях. В детском и подростковом возрасте даже при наличии психических расстройств важно оценить уровень психического развития, личностные особенности ребенка. Все это обуславливает необходимость междисциплинарного подхода в экспертной оценке беспомощного состояния и значит комплексирования знаний смежных дисциплин (психиатрии и психологии) [6, с. 108].

Как подчеркивает И.А. Кудрявцев, перечень признаков, конкретизирующих психическое состояние и лежащих в основе беспомощности, является открытым. В связи с этим, к предмету комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы должно быть отнесено выявление таких качеств психических расстройств и сопутствующих психологических особенностей и обстоятельств (возрастных, личностных, эмоциональных и др.), совокупный дизрегулятивный эффект которых определяет невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному [3, с. 333]. Из этого следует, что речь идет не только о психических расстройствах, но и об особенностях психики, не носящих характер патологии, поэтому для установления беспомощного состояния потерпевшего целесообразным представляется назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Следует отметить также, что, несмотря на то, что психолого-психиатрическая экспертиза по делам о половых преступлениях назначается с целью установления наличия у потерпевшего беспомощного состояния и иногда даже именуется как экспертиза по определению беспомощного состояния, тем не менее, постановка на разрешение эксперта вопроса в форме: «находилось ли лицо в момент совершения преступления в беспомощном состоянии?» является неверной. Так, например, А.С. Еремин считает, что на разрешение судебно-медицинской экспертизы могут предъявляться вопросы, касающиеся реальности бес-

помощного состояния потерпевшего [2, с. 144]. Но установление наличия, отсутствия или реальности беспомощного состояния как такового не входит в компетенцию экспертов. Поэтому основное значение должен иметь вопрос: «Способно ли потерпевшее лицо с учетом его психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление?».

Таким образом, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по определению беспомощного состояния потерпевших устанавливает способность или неспособность потерпевших к осознанию характера и значения действий виновного и оказанию сопротивления, но не выносит заключение о наличии или отсутствии беспомощного состояния. Квалификация же беспомощного состояния, как уже отмечалось, является исключительно прерогативой суда.

Судебные эксперты отвечают также на вопрос о наличии психического расстройства у потерпевшего, связи этого расстройства с психической травмой, причиненной половым преступлением и о прогнозе болезненного расстройства.

Изложенные аргументы определяют предпочтительность назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, преимущество которой, по справедливому мнению И.А. Кудрявцева, заключается в том, что она не просто суммирует возможности судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз по отдельности, но и позволяет установить системные свойства изучаемого объекта: выявить результаты взаимодействия комплекса психологических и патопсихологических случаев. По мнению ученого, назначение комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы – методологически верный, единственно правильный путь к решению экспертных задач – установлению отставания в психическом развитии и его причин, когда получение достоверного ответа гарантируется только одновременной оценкой [4, с. 7].

Качество судебных экспертиз, сроки их исполнения, эффективность экспертных выводов зависят не только от эксперта исполнителя, но и в не меньшей степени от следователя, назначившего экспертизу.

Как известно, неправильная постановка вопросов снижает информационные возможности экспертного заключения. Так, например, Е. Цымбал отмечает, что круг вопросов, которые ставятся на разрешение экспертов при назначении судебно-психологических или пси-

хиатрических экспертиз нередко носит случайный характер. В постановлениях о назначении экспертизы, с одной стороны, ставятся вопросы об обстоятельствах, которые не имеют юридического значения или выходят за пределы компетенции экспертов, с другой – не задаются вопросы, без ответов на которые трудно либо невозможно принять законное и обоснованное решение по уголовному делу. В вопросах нередко используются формулировки некорректные как с юридической точки зрения, так и с позиций юридической психологии и судебной психиатрии [8, с. 104].

Чтобы вопросы, сформулированные следователем в постановлении о назначении экспертизы, были четкими и ясными для эксперта, целесообразно при их подготовке привлекать для консультации специалиста в данной области или даже эксперта, который будет проводить экспертизу. Однако не стоит забывать, что ответственность за правильность формулировок всегда лежит на следователе.

Кроме того, следователь должен уметь анализировать и оценивать заключения экспертов. Для выполнения всех перечисленных требований должно осуществляться постоянное взаимодействие экспертных и следственных подразделений, которое выражается в проведении консультаций; взаимном обсуждении проблем, взаимообмене опытом по вопросам, касающимся совместной деятельности обеих сторон, а также в участии судебных медиков, психологов, психиатров в служебной подготовке следователей.

Список использованной литературы

1. Горинов В.В., Дмитриева Т.Б., Печерникова Т. П., Шостакович Б.В. Судебная психиатрия: учебник / под ред. Б.В. Шостаковича. М.: Зерцало, 1997. 385 с.
2. Еремин А.С. Первоначальный этап расследования изнасилования, сопряженного с причинением вреда здоровью: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 202 с.
3. Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (науч.-прак. рук.). М.: Изд-во МГУ, 1999. 497 с.
4. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юрид. лит., 1988. 224 с.

5. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.: Юрид. лит., 1990. 208 с.

6. Полянская Е.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза способности потерпевших по делам о половых преступлениях понимать значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление // Сибирский юрид. вестн. 2009. № 1 (44). 106–109.

7. Терещенко А.Г., Бубнова И.С. Диагностика индивидуально-психологических особенностей потерпевших по делам о половых преступлениях в судебно-психологической экспертизе // Психология в экономике и управлении. 2013. № 2. С. 49–52.

8. Цымбал Е. Вопросы, подлежащие постановке перед экспертами при возникновении сомнений во вменяемости обвиняемого // Уголовное право. 2010. № 4. С. 104–108.

Информация об авторах

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: svetlana-kornakova@yandex.ru.

Гайков Дмитрий Геннадьевич – аспирант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dgaykov@yandex.ru.

Information about the authors

Kornakova Svetlana Victorovna – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: svetlana-kornakova@yandex.ru.

Gajkov Dmitriy Gennadjevich – Post-graduated student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: dgaykov@yandex.ru.

УДК 343.985.7

Д.Ш. Кусайнов

СПОСОБЫ ПРОТИВОПРАВНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

В статье рассмотрены наиболее распространенные способы противоправного отчуждения прав собственности на жилые помещения, раскрывается значение определения способов совершения квартирных мошенничеств для теоретической и практической значимости. Приводятся наглядные примеры практической деятельности по делам, связанных с хищением недвижимого имущества.

Ключевые слова: недвижимость; мошенничество; хищение прав собственности на квартиру; квартирное мошенничество; способ совершения.

D.S. Kussainov

METHODS WRONGFUL ALIENATION OF OWNERSHIP OF RESIDENTIAL POMEZHENIE

The article describes the most common methods of illegal alienation of property rights to residential premises, reveals the importance of identifying ways to commit fraud apartment for theoretical and practical significance. Provides illustrative examples of practice in cases involving theft of property.

Keywords: property; fraud; theft of property rights to the apartment; house fraud; modus.

Среди преступлений против собственности наиболее распространенными и представляющими повышенную общественную опасность являются хищения. Уголовное законодательство четко дифференцирует ответственность за хищения в зависимости от способа совершения преступления, выделяя и нормативно закрепляя в соответствующих статьях УК РК следующие формы хищения: кражу, присвоение или растрату вверенного чужого имущества, мошенничество, грабеж или разбой. Общий анализ группы общественных отношений, связанных с мошенничеством, наталкивают на вывод о криминологической обусловленно-

сти уголовной ответственности за мошенничество [1]. При этом процент раскрываемости совершенных мошенничеств (не говоря уже о проценте направления уголовных дел в суд) на протяжении последних 10–5 лет не велик. И эта проблема тянется еще с 90-х гг. прошлого столетия, исходной точкой отсчета которой, условно можно назвать процесс массовой приватизации недвижимости. Высокая стоимость жилых помещений (недвижимости), правовая неграмотность большей части населения, несовершенство законодательства – это лишь небольшой перечень причин, способствовавших зарождению и процветанию мошенничества с недвижимостью вторичного жилья.

В практической деятельности и научном мире различают два вида мошенничества: экономическое и общеуголовное [2, с. 10]. Следует согласиться с мнением Б.А. Бегалиева который утверждает, что в целях предупреждения мошеннических действий необходимо проводить специальные программы акиматами городов и областей. К сожалению, как показывает практика, правоохранительные органы не уделяют должного внимания подобным исследованиям [2, с. 16]. В настоящее время мошенники оперативно реагируют на изменения в социально-экономической сфере жизни, и им приходится изобретать новые виды своей преступной деятельности, способы совершения мошенничества.

Способ совершения мошенничества имеет важное значение для практики применения уголовно-правовых норм, не говоря уже о науке уголовного права [3, с. 105]. Относительно понятия способа совершения мошенничества среди криминалистов единое мнение отсутствует. Одни авторы под способами мошенничества понимают многочисленные приемы его совершения [4, с. 166; 5, с. 131–136; 6, с. 18–27], основывая свою позицию на толковом словаре С.И. Ожегова, в котором способ определяется как прием, действие, метод, применяемый при исполнении какой-либо работы, при осуществлении какой-нибудь деятельности [7, с. 755]. Другие авторы под способом совершения мошенничества понимают образ действия, определенную последовательность действий [8, с. 11; 9, с. 257; 10, с. 98]. На основе изучения мнений ученых и обобщения материалов судебной следственной практики Р.Б. Осокин формулирует обоснованный вывод о том, что под способом совершения мошенничества следует понимать определенную последовательность и образ действий, проявляющихся в приемах, методах, совокупности средств, используемых для совершения общественно опасного деяния [3, с. 62]. В отличие от

преступлений, которым присущ физический (операционный) способ, при мошенничестве способ действий преступника носит информационный характер либо строится на особых доверительных отношениях, сложившихся между виновным и потерпевшим [11, с. 243].

Анализ уголовных дел, расследуемых в практической деятельности по делам связанных с незаконным отчуждением права собственности на жилые помещения, позволил выделить наиболее распространенные способы совершения преступлений данного вида.

Схема совершения данных преступлений выглядит следующим образом. Преступники находят подходящую квартиру. Это может быть квартира брошенная (когда собственник переехал на ПМЖ за пределы города, области или государства, не оформив должным образом передачу права собственности на квартиру), либо собственник квартиры числится без вести пропавшим, или собственник скончался, а наследственное дело еще не открыто. В качестве примера можно привести уголовное дело, возбужденное по факту противоправных действий в отношении гр. Л.И.К., который при допросе пояснил, что «...по адресу г. Караганда мкр. Степной – 2, д. 6/2(60), кв. 8 с 1992 г. проживали его родители. После смерти матери в 2005 г. отец гр. Л.К.С. в данной квартире стал проживать один и скончался 2010 г. в силу преклонного возраста». По причине утери правоустанавливающих документов, потерпевший гр. Л.И.К. долгое время не мог оформить наследство и сам в квартире не проживал. Таким образом, у злоумышленников сложилось впечатление о том, что законные претенденты на право собственности на данную квартиру отсутствуют и объект недвижимости находится в бесхозном состоянии. Позже было установлено, что посредством подделки правоустанавливающих документов данная квартира противоправно была оформлена на третьих лиц [12]. И это без рассмотрения преступных схем, совершаемых так называемыми «черными риелторами».

На следующем этапе приобретается или изготавливается поддельный правоустанавливающий документ, в единичных случаях на имя самого преступника, чаще на подставное лицо. В следственной практике данное подставное лицо прозвали условно «Чебурашкой». При этом правоустанавливающим документом может выступать договор приватизации, решение о легализации, доверенность, договор купли-продажи, завещание или архивная справка одного из перечисленных документов. В качестве примера можно привести уголовное дело,

возбужденное по заявлению гр. К.А.В., где правоустанавливающим документом выступил поддельный договор приватизации за № 1/215 от 28.06.2009 г. на имя гр. А.Р.Б. выданный от имени руководства ГУ «Отдела ЖКХ, пассажирского транспорта и автомобильных работ города Караганды» в лице начальника Отдела гр. М.Н.А. [13]. По другому уголовному делу, возбужденного по факту противоправных действий с объектом недвижимости по адресу г. Караганда, ул. Пичугина, д. 251/1, кв. 58, в качестве правоустанавливающего документа выступило поддельное «Решение № 2055/5 комиссии по предоставлению легализации недвижимого имущества, находящегося на территории Республики Казахстан, права на которые не оформлены в соответствии с законодательством Республики Казахстан» от 04.06.2007 г., выданное на имя гр. Р.Д.А. [14]. Поддельная архивная копия за № А/н-45 от 23.04.2007 г. договора купли-продажи, заключенного между гр. Я.В.Я. и гр. А.К.Р., была использована по факту мошеннических действий в отношении АО «Жилстройсбербанк» для получения незаконного кредита под залог квартиры, на основании предоставления поддельного документа права собственности на объект недвижимости [15]. Другой пример можно привести по уголовному делу, возбужденному по факту поступившего в органы внутренних дел заявления частного нотариуса гр. К.Н.А., которая пояснила, что 5 мая 2010 г. к ней поступил запрос с Департамента юстиции о подтверждении факта заверения договора купли-продажи за № 2590 от 22.04.2010 г. квартиры по адресу г. Караганда ул. Сатыбалдина д.25 кв.43 заключенный между гр. М.Ж.К. и гр. К.Е.В. В последствии выяснилось, что указанный договор купли-продажи частным нотариусом гр. К.Н.А. не заверялся. Таким образом был использован поддельный договор купли-продажи квартиры [16].

После регистрации поддельного правоустанавливающего документа в соответствующем государственном органе (Департамент юстиции), преступники имеют реальную возможность перейти к отчуждению права собственности на данную квартиру. С этой целью подается объявление в средства массовой информации о реализации квартиры. Либо, посредством имеющихся знакомств и связей в среде риелторов, находится покупатель на квартиру.

Заключительный этап – это когда под видом вполне законной сделки у нотариуса заключается договор купли-продажи и не о чем не подозревающий добросовестный приобретатель передает денежные

средства преступникам. После новый собственник регистрирует свое приобретение в Департаменте юстиции. В качестве одного из таких приобретателей выступила гр. В.Н.А. по уголовному делу, возбужденному по ст. 177 ч. 3 УК РК в отношении гр. К.О.В., где опять же в качестве поддельного правоустанавливающего документа был договор приватизации за № 1/103 от 14.03.2008 г., выданный на имя самой обвиняемой по данному уголовному делу гр. К.О.В. от имени руководства ГУ «Отдела ЖКХ, пассажирского транспорта и автомобильных работ города Караганды» в лице начальника Отдела гр. М.Н.А. [17].

Таким образом выглядит классическая схема «квартирного мошенничества» в практической деятельности на данный момент. Выявление типовых видов обмана представляет теоретический интерес, а также имеет практическое значение и важно для правильной оценки содеянного и степени его общественной опасности.

Список использованной литературы

1. Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере (способы совершения и проблемы квалификации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 21 с.
2. Бегалиев Б.А. Проблемы борьбы с мошенничеством. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 158 с.
3. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 184 с.
4. Советское уголовное право: часть общая. М., 1977. 432 с.
5. Соловьев И.Н. Мошенничество в сфере налогообложения // Налоговый вестник. 2001. № 7. 198 с.
6. Сальникова В.П. Выявление и раскрытие мошенничества: учебное пособие. СПб.: Лань, 2000. 64 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
8. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.
9. Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М., Борзенков Г.Н., Комисаров В.С. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении. М.: Зерцало, 2002. Т. 1. 624 с.

10. Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. М.: Экзамен, 2004. 352 с.

11. Ветров Н.И., Ляпунов Ю.И. Уголовное право. Особенная часть. М.: Новый Юрист, 1998.

12. Материалы уголовного дела № 11351003100054 за 2011 г. // Архив УВД г. Караганды.

13. Материалы уголовного дела № 10351003100008 за 2010 г. // Архив УВД г. Караганды.

14. Материалы уголовного дела № 10351003100071 за 2010 г. // Архив Михайловского ОП г. Караганды.

15. Материалы уголовного дела № 11351003100034 за 2011 г. // Архив Центрального ОП г. Караганды.

16. Материалы уголовного дела № 10350003100312 за 2010 г. // Архив Михайловского ОП г. Караганды.

17. Материалы уголовного дела № 11351003100067 за 2011 г. // Архив УВД г. Караганды.

Информация об авторе

Кусаинов Дархан Шыныбекович – капитан полиции, докторант Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 100021, Республика Казахстан, г. Караганда, ул. Ермекова, 124. E-mail: kussainovd@mail.ru.

Information about the author

Kussainov Darkhan Shinibekovich – police captain, doctoral candidate, Karagandy Academy of MIA of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, 124, Ermekov Str., Karaganda, 100021. E-mail: kussainovd@mail.ru.

УДК 343.98

А.В. Галкина

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

В статье рассматривается криминалистическая характеристика серийных убийств, дается определение понятия и выделяются ее элементы, а также классификация. Рассматриваются особенности производства розыска лиц на первоначальном этапе расследования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений; серийные убийства; мотив.

A.V. Galkina

CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF SERIAL MURDERS

The article discusses the criminalistic characteristic of serial murders, defining the concept and its elements are allocated, and classification. Discusses features of the production of search of persons at the initial stage of the investigation.

Keywords: criminalistical characteristic of crimes; mass murder; motive.

Серийные убийства представляют собой определенную разновидность умышленного причинения смерти другому человеку, а точнее – совокупность этих преступлений, последовательно и с определенным разрывом во времени совершенных одним и тем же лицом при совпадении мотива, цели, способа их совершения [1, с. 121].

Определение понятия серийных убийств в отечественной криминалистической литературе появилось в 1991 г. Данное понятие сформулировал Ю.М. Самойлов, обозначив им совершение лицом

или группой лиц нескольких преступлений этого вида, которые имеют логическую связь: одинаковый мотив, один и тот же объект посягательства, способ, место совершения преступления [2, с. 11].

При первоначальном формулировании понятия «серийных убийств» в его криминалистическом содержании необходимо учитывать количество совершенных убийств. Большинство лиц, осужденные за совершение двух убийств последовательно и с определенным временным разрывом между ними, не смогли совершить большего количества таких преступлений потому, что были своевременно обезврежены уполномоченными органами. Совершения двух преступлений достаточно для квалификации серии, поскольку уже во втором деянии отчетливо проявляются признаки специфического почерка виновного, серийного убийцы. Минимальное количество (две) жертв серийного убийцы не является показателем его меньшей общественной опасности по сравнению с теми преступниками, кто совершил шесть или восемь убийств, а в некоторых случаях и намного больше.

Особенности начально этапа расследования по делам данной категории в первую очередь обусловлены такими ситуационным фактором, как наличие либо отсутствие сведений о личности преступника в момент возбуждения уголовного дела. Если указанные сведения имеются, расследование идет по линии проверки версии о возможной причастности данного конкретного лица к совершению раскрываемого преступления. В случае же отсутствия информации о личности преступника, усилия оперативных сотрудников органов дознания и следователей концентрируются вокруг задач выявления носителей информации о признаках устанавливаемого преступника, получение и использование полезной, с точки зрения, информации для «выхода» на преступника [3, с. 12]. При производстве розыска такого лица, он должен вестись со всей тщательностью и предполагать задействование адекватных сил и средств. В то же время сам факт лишения жизни одним лицом двоих человек не всегда является доказательством стремления виновного продолжать такую же преступную деятельность, и каждый такой факт требует взвешенной оценки. Одним из основных средств выявления совпадающих признаков в обстоятельствах группы преступлений является исследование их криминалистических характеристик с последующим выделением поддающихся сравнительному анализу известных элементов. Как правило, серийные убийцы действуют на протяжении довольно долгого времени, на

их счету может быть большое количество жертв, а задержание может произойти, как правило случайно. Одним из главных критериев криминалистической характеристики серийных убийств является определение мотива совершаемых преступлений. Чем быстрее удастся определить мотив, тем большая вероятность «напасть» на след преступника. Если проводить сравнительный анализ серийных убийств, например, с «бытовыми убийствами», где мотив чаще всего простой и узкий круг подозреваемых, жертва и маньяк, как правило не знакомы и их ничего не связывает. Как пишет Т.Н. Шамонова и Е.В. Александренко, «есть лишь маньяк и его больная фантазия, в связи с которой он и выбирает себе жертву». [4, с. 12].

Теперь более подробно остановимся на классификации убийств данной категории, по мотивам их совершения. Классификация серийных убийств по мотивам их совершения представляет собой первоначальный этап их дифференциации, целью которого является отнесение этих преступлений к определенным группам по наличию уголовно-правовых признаков, зафиксированных в материалах уголовных дел. Мотивы совершенного преступления рассматриваются как побуждения, которые управляли преступником в момент совершения деяния, и в этом смысле также имеют определенное значение для выбора правильного направления расследования. Как правило, таковые в подавляющем большинстве случаев усматриваются если не при первоначальном осмотре места происшествия и трупа, то не позднее проведения комплекса неотложных следственных действий. В частности, на сексуальный мотив убийства может указывать поза трупа жертвы, в момент ее обнаружения, состояние одежды, наличие спермы в половых путях и на одежде жертвы, признаки посмертных манипуляций с трупом. Криминалистическая характеристика в значительной степени определяет методику расследования преступлений конкретных видов. В общем виде она представляет собой совокупность процессуальных, оперативных и иных сведений об обстоятельствах конкретного расследуемого преступления, определяющих выбор оптимального направления работы по установлению виновного лица (индивидуальная криминалистическая характеристика).

Криминалистическая характеристика серийных убийств является специфической криминалистической категорией. Она представляет собой совокупность сведений об обстоятельствах его совершения, содержащихся в материалах предварительного расследования, опера-

тивно-розыскной деятельности и в иных источниках информации [5, с. 95]. Состоит, как правило из двух групп элементов. В первую группу элементов входят общие признаки, характеризующие место, время, механизм совершения и данные о личности преступника по каждому входящему в серию эпизоду убийства. Во-вторую группу признаков, свойственных лишь отдельным эпизодам составляющих серию убийств, но дополняющих общие признаки и также имеющих значение для раскрытия данной серии. Ей в определенной степени присущи черты, свойственные видовой криминалистической характеристике, однако содержание последней носит более общий характер. Общий состав характеристики серий убийств отличается повышенной степенью конкретности. Он более информативно воссоздает картину преступлений, совершенных одними и теми же лицами, и позволяет более точно выделить индивидуализирующие этих лиц признаки, способствовать их розыску и изобличению. Выше названные свойства элементов криминалистической характеристики серийных убийств позволяют нам правильно организовать работу по выявлению указанных преступлений, т. е. она является более эффективным инструментом познания расследуемых преступлений, нежели типовая характеристика убийств соответствующего вида. Перспектива и эффективность ее использования зависят от того, насколько полно установлены упомянутые элементы и существует ли возможность восполнить их дефицит по тем уголовным делам, в которых необходимые сведения отсутствуют. Без этого осложняется принятие решения о соединении в одном производстве уголовных дел о группе убийств с нечетко проявившимися и представляющими сложность в процессуальном подтверждении сходными признаками. Однако это не отвергает возможности использования типовых криминалистических характеристик разновидностей убийств, характер которых аналогичен составляющим расследуемую серию.

Список использованной литературы

1. Антонян Ю.М. Криминология. М.: Юрайт, 2013. 522 с.
2. Дворкин А.И. Расследование похищения человека: учеб. пособие. М.: Норма, 2008. 112 с.
3. Протасевич А.А. Серийные преступления, сопряженные с насилием, как объект криминалистики. Иркутск: Листок, 1999. 334 с.

4. Шамонова Т.Н., Александренко Е.В. Основные трудности расследования сексуальных серийных убийств // Юрид. наука. 2013. № 12. С. 11–16.

5. Волохова О.В., Егоров Н.Н., Жижина М.В. и др. Криминалистика. М.: Проспект, 2011. 348 с.

Информация об авторе

Галкина Анна Викторовна – заведующий криминалистической лабораторией Судебно-следственного факультета, магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: Anna-161291@mail.ru.

Научный руководитель: *Протасевич Александр Алексеевич* – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, декан Судебно-следственного факультета, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: dekssf@isea.ru.

Information about the author

Galkina Anna Viktorovna – Head of The Forensic Laboratory of The Judicial-Investigation Faculty, master student, Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: Anna-161291@mail.ru.

Academic advisor: *Protasevich Aleksandr Alekseevich* – Doctor of Law, Professor, Head of Judicial-Investigation Faculty, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: dekssf@isea.ru.

УДК 343.1

Ю.С. Заводских

**ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО) ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ
В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ***

В статье раскрывается суть дознания в сокращенной форме, выделяется ряд проблем в виде потенциальных угроз обеспечению прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого) при данной форме предварительного расследования.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; права и законные интересы; подозреваемый; обвиняемый.

Y.S. Zavodskikh

**PROBLEMS OF OBSERVANCE OF RIGHTS
FOR THE INQUEST SUSPECTED (DEFENDANT)
AT PRODUCTION ARE IN BRIEF FORM**

In the article we explain the meaning of inquest in short form, single out the problems in the form of potential threats for guaranting the rights and legal interests of a suspect (defendant).

Keywords: inquest in short form; rights and legal interests; suspect; defendant.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ) в целом воплотил в себе заложенные в Конституции Российской Федерации идеи приоритета прав личности, состязательности и равенства сторон, роли и объема полномочий суда в правоохранительной системе, конкретизировав их применительно к условиям уголовного судопроизводства.

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

Вместе с тем, высоко оценивая в этом, общеюридическом, смысле действующий УПК РФ, в нем в силу превалирующей роли в его разработке одной группы авторов, были заложены определенные недостатки. Они за время, прошедшее с момента принятия и вступления в силу УПК РФ, неоднократно себя проявляли и приводили законодателя к необходимости внесения в него изменений и дополнений.

Соответствующие новшества коснулись и стадии предварительного расследования. Данная категория правовых новелл вызывает определенный интерес, особенно в связи с введением Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в действующий УПК РФ новой гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме».

Представляется, что дознание в сокращенной форме, подчиненное идее процессуальной экономии и сокращения сроков уголовного судопроизводства, должно выступать упрощенной формой расследования. Но при производстве дознания в сокращенной форме существуют проблемы обеспечения прав его участников. В связи с этим, акцентируем внимание на вопросе соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого) при производстве дознания в сокращенной форме.

Приступая к изучению данного вопроса, следует отметить, что суть дознания в сокращенной форме заключается не только в уменьшении сроков, но и в упрощении доказывания, которое в значительной мере зависит от усмотрения дознавателя. Так, ст. 226.5 УПК РФ, установила, что доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей. Но оценка объема (достаточности) доказательств – категория достаточно субъективная. Кому-то собранных доказательств для вывода о виновности лица в совершении данного преступления достаточно, кому-то – нет, о чем красноречиво свидетельствуют и многочисленные факты возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования, и оправдательные приговоры судов, и прекращение судами уголовных дел по реабилитирующим основаниям [6, с. 6].

Более того, из смысла данной статьи следует, что дознаватель в процессе расследования освобождается от установления обстоя-

тельств, исключаящих преступность деяния, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность. Резонно возникает вопрос: почему названные законом обстоятельства не следует устанавливать при производстве сокращенного дознания? Одновременно можно отметить тот факт, что в обвинительном постановлении дознаватель должен указать обстоятельства, перечисленные в пп. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ (ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ). А п. 7 ст. 225 УПК РФ требует указать «обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание», п. 4 обязывает указать мотивы и цели совершенного преступления. Так как же дознавателю выполнить названные предписания закона, если при проведении дознания в сокращенной форме от дознавателя не требуется их устанавливать? Даже при имевшей место в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. протокольной форме досудебной подготовке материалов в 10-дневный срок закон не предусматривал изъятия для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В.И. Басков писал: «Правила, содержащиеся в ст. 68 УПК РСФСР о предмете и пределах доказывания, распространяются и на производство досудебной подготовки материалов по протокольной форме» [1, с. 53].

По мнению И.С. Дикарева, с которым сложно не согласиться, толковать положения уголовно-процессуального закона необходимо в соответствии с положениями ст. 2 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ, с которыми несовместим отказ от исследования по каждому уголовному делу тех обстоятельств, которые обеспечивают защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Нельзя допустить и мысль о том, что в ходе сокращенного дознания не требуется выяснять иные перечисленные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства предмета доказывания [3, с. 27]. Таким образом, перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве дознания в сокращенной форме, не может быть сужен по воли дознавателя, иначе об эффективной защите прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе не может быть и речи.

Часть 2 ст. 226.5 УПК РФ предписывает дознавателю произвести только те следственные и иные процессуальные действия, не производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. Совершенно очевидно, что при сокращенном сроке дознания дознаватель практически в на-

чальном периоде расследования должен определить, производство каких именно следственных и иных процессуальных действий может повлечь указанные последствия. Между тем сделать адекватный вывод по данному вопросу иногда сложно даже по истечении нескольких месяцев предварительного расследования, поскольку это зависит от множества факторов, которые могут возникнуть в любой момент расследования. И если в условиях временного дефицита при сокращенном дознании дознаватель ошибется, то не поможет и последующее возвращение прокурором или судом уголовного дела для производства дознания в общем порядке [6, с. 7].

Согласно п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Здесь видится противоречие по отношению к общим нормам УПК РФ, устанавливающим правила доказывания, так как объяснения не включены в перечень доказательств (ст. 74 УПК РФ) и соответственно не могут использоваться в их качестве исходя из требований ст. 75 УПК РФ. Между тем в качестве доказательств допускаются «показания» некоторых участников процесса, под которыми предусматриваются сведения, сообщенные ими при производстве допроса, однако дознавателю дано право «не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения». Даже с учетом изменений, введенных Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» и расширивших круг процессуальных средств проверки сообщений о преступлении, нет гарантий того, что полученные в ее ходе сведения будут достоверны и достаточны для использования их в качестве доказательств при производстве предварительного расследования без соответствующей проверки [2, с. 20].

Представляется абсолютно бессмысленной формулировка п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, позволяющая не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Это положение закона может стать

потенциальной возможностью подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего в любой момент отказаться от сокращенного дознания.

Вместе с тем нельзя полностью исключить возможность злоупотребления со стороны обвинения. Не лишним было бы указание на то, что проведение дознания в сокращенной форме возможно только при наличии достаточных доказательств, дающих основание для подозрения против конкретного лица. По крайней мере, это бы ориентировало сотрудников правоохранительных органов на собирание иных доказательств, а не только на «выбивание» признательных показаний, как это, к сожалению, иногда имеет место быть на практике.

Следует согласиться с Н. Полуяктовой, по мнению которой дознание в сокращенной форме направлено на обеспечение быстрого доступа граждан к правосудию, сокращение сроков производства, экономию сил и денежных средств. При этом она отмечает: «Ко всему прочему опасение у многих вызывает то, что признание в данном сокращенном производстве может стать царицей доказательств, а это недопустимо» [5, с. 21]. При наличии квалифицированного адвоката такие дела начнут разваливаться в судах, и это в лучшем случае, поскольку вопрос о виновности лица не будет проверяться ни на дознании, ни в суде, то очень скоро возникнет коррупционная составляющая. В худшем же случае возможен самоговор подозреваемого (обвиняемого), ведь причин для него не мало: уговоры, ложные обещания, угрозы и другие незаконные действия, а также возможное «давление» со стороны обвинения. К причинам самоговора, по мнению А.П. Кругликова, следует отнести и возможность назначения подсудимому, если он признает себя виновным в совершении определенного преступления, наказания, не превышающего одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 6 ст. 226.9 УПК РФ) [4, с. 72].

Таким образом, даже беглый анализ гл. 32.1 УПК РФ показывает наличие ряда проблем в виде потенциальных угроз объективному установлению обстоятельств преступления, а также обеспечению прав и законных интересов подозреваемого (обвиняемого). Такой подход представляется недопустимым и не может быть признан эффективным или оправдан, даже несмотря на возможный эффект процессуальной экономии.

Список использованной литературы

1. Басков В.И. Протокольная форма досудебной подготовки материалов. Изд-во: М.: Юрид. лит., 1989. 169 с.
2. Глебов В.Г. К вопросу об эффективности сокращенных форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2013. С. 15–21.
3. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2013. С. 22–34.
4. Кругликов А.П. Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. ст. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2013. С. 58-73.
5. Попов И.А. Дознание в сокращенной форме: достоинства, недостатки и первые результаты // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 19–22.
6. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–9.

Информация об авторе

Заводских Юлия Сергеевна – студент, судебно-следственный факультет, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kupik@isea.ru.

Научный руководитель: *Смирнова Ирина Георгиевна* – доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the author

Zavodskikh Yuliya Sergeevna – student, Judicial-Investigation Faculty, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kupik@isea.ru.

Academic advisor: *Smirnova Irina Georgievna* – Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: smirnova-ig@mail.ru.

УДК 343.98.067

И.Р. Косолапов

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ
ПРЕДЕЛОВ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
ЛИЧНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ
ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ***

Рассматривается зарубежный опыт борьбы с организованной преступностью, обосновывается необходимость расширения пределов ограничения прав граждан в целях борьбы с организованными преступными формированиями, рассматриваются способы борьбы с материальной базой организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность; ОРД; ограничение конституционных прав.

I.R. Kosolapov

**TO THE QUESTION ABOUT THE NECESSITY
OF EXPANSION OF LIMITS OF LIMITATION
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS FOR PERSONALITY
AT INVESTIGATION OF THE CRIMES ACCOMPLISHED
BY THE ORGANIZED CRIMINAL GROUPS**

Foreign experience of fight is examined against the organized crime, the necessity of expansion of limits of limitation of rights for citizens is

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (номер задания 29.1247.2014/К).

grounded for a fight against the organized criminal forming, the methods of fight are examined against the material base of the organized crime.

Keywords: the organized crime; operatively-search activity; limitation of constitutional rights.

Успешная борьба с преступностью является одним из важнейших факторов, способствующих становлению и развитию гражданского общества в любом государстве, так как позволяет гражданам чувствовать себя защищенными, снимает многие общественные противоречия, социальную напряженность, способствует нормальному функционированию общества и более полной реализации государством своих функций. Наиболее актуальным в современном мире вектором борьбы с преступностью является борьба с организованной преступностью. Организованная преступность является качественно новым этапом развития преступных формирований, она существует почти во всех странах мира и все чаще носит транснациональный характер. Организованные преступные формирования становятся все более разнообразными и динамичными структурами, увеличивается степень профессионализма преступников, растет степень их специализации. Организованные преступные группы могут оказывать влияние на членов общества, деловых партнеров, государственных служащих, сотрудников различных коммерческих и государственных структур, дестабилизируя состояние общества, нередко в качестве метода давления используя насилие, тем самым подрывая основные устои гражданского общества (такие как уважение и защита прав и законных интересов личности, защита частной собственности и т. д.).

Одними из основных признаков гражданского общества являются: развитая демократия, правовая защищенность граждан, наиболее полное обеспечение прав и свобод граждан, наличие в обществе частной собственности и ее охрана. Как становится понятным, функционирование организованной преступности в обществе не только не совместимо с гражданским обществом, но и ведет к его разложению. Однако, с развитием институтов гражданского общества организованные преступные группы «открыли новые горизонты» для своей преступной деятельности. Многие организованные преступные формирования, например, используют легальные коммерческие структуры не только для сокрытия следов преступления, но и получения

прибыли (стоит отметить, что получение «сверхприбыли» является основной целью деятельности ОПГ).

На сегодняшний день накоплен достаточный отечественный и зарубежный опыт борьбы с организованной преступностью, и успешная борьба с организованной преступностью невозможна без изучения опыта стран, достигших на этом поприще наибольших успехов [4, с. 61].

Так, показательным и эффективным оказался опыт США (в частности, законны RICO) и Италии. В указанных странах существует такой феномен, как бремя доказывания «от обратного» [3, с. 23]. Суть данного феномена заключается в том, что лицо, подозреваемое в участии в ОПГ или ОПС, должно доказать легальность происхождения своих активов и имущества, в противном случае его имущество конфискуется. В определенных случаях, имущество конфискуется даже если подозреваемому не вынесен обвинительный приговор. Такая ситуация возможна, если подозреваемый молчит на обвинение и не может указать на происхождение имущества.

Подтверждения легальности, согласно законам RICO (1970 г.), требовали трансакции на сумму свыше 10 000 дол. США. По мнению ФБР, это явилось действенным способом в борьбе с «отмыванием денег», так как любая более крупная денежная трансакция входит в противоречие с заявленной суммой [5, с. 12].

Указанные подходы доказали свою эффективность в борьбе с организованной преступностью, увеличив возможности правоохранительных органов в подрыве финансового могущества организованных преступных сообществ и их отдельных лидеров. Внедрение указанного опыта в правоприменительную и законодательную практику РФ, на мой взгляд, могло бы существенно повысить эффективность противодействия организованной преступности.

Эффективным методом борьбы с финансовым могуществом организованной преступности могло бы стать и применение административных мер воздействия на коммерческие структуры, подконтрольные организованным преступным формированиям (ОПГ и ОПС) [4, с. 63]. Опыт применения подобных мер имел место в Италии в 1982 г., в рамках специального закона о борьбе с мафиозными ассоциациями: наряду с административными ограничениями деятельности коммерческих организаций предусматривалась возможность ареста всего имущества, если контрольный пакет принадлежал члену мафиозной структуры.

При расследовании преступлений, связанных с деятельностью организованных преступных групп и сообществ, особое значение приобретают результаты оперативно-розыскной деятельности. Конституция РФ высшей ценностью объявила права и свободы личности, однако, ряд оперативно-розыскных мероприятий, которые обладают высокой информативностью – прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых и иных отправлений, снятие информации с технических каналов связи, нарушают такое основополагающее право, как право на неприкосновенность частной жизни. Безусловно, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 8 предусматривает возможность ограничения конституционных прав граждан путем судебного санкционирования проведения оперативно-розыскных мероприятий, но, в то же время, указанная процедура, во-первых, может привести к «утечке» информации (учитывая коррупционную составляющую организованной преступности), во-вторых, способна свести на нет своевременность проведения оперативных мероприятий.

Учеными и практиками неоднократно предлагалось в рамках противодействия организованной преступности либерализовать процедуру проведения указанных оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи, показательным является опыт ФРГ. В уголовном судопроизводстве Германии распространена концепция умеренного применения тайной звукозаписи. Используется концепция так называемого превосходящего интереса, согласно которой, производство тайной звукозаписи, фотосъемки и их использование как доказательства считается допустимым, если взвешивание блага и вреда приводит к выводу о наличии превосходящего интереса. Эта идея и положена в основу разъяснения Федерального конституционного суда, который указал, что тайная звукозапись не допустима только тогда, когда нарушает частную сферу граждан и ее использование в качестве доказательств не оправдано превосходящим интересом общества. Указанная концепция могла быть заимствована и применяться в российской правовой действительности, избавив оперативные службы от лишней бюрократизации и повысив возможности своевременного производства соответствующих действий негласного характера. Аналогичным образом полагаем возможным распространение данной концепции на контроль почтовых, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи.

Так же охрана неприкосновенности частной жизни граждан тесно связана с понятием профессиональных тайн. Анализ нормативно-правовой базы, касающейся профессиональных тайн, позволяет сделать вывод о том, что законодатель предусмотрел три варианта обеспечения сохранности составляющих их сведений:

1) запрет на ознакомление с информацией, составляющей профессиональную тайну, для любых органов и должностных лиц (адвокатская тайна, тайна исповеди);

2) разрешение на ознакомление с информацией для правоохранительных органов по уголовным, гражданским и арбитражным делам, находящимся в их производстве (тайна нотариального действия, врачебная тайна);

3) разрешение на ознакомление с информацией для оперативных подразделений, осуществляющих борьбу с налоговыми преступлениями (банковская тайна) [1, с. 65].

Применительно к адвокатской тайне и тайне исповеди полагается обоснованным установление запрета на ознакомление с указанной информацией. В отношении иных упомянутых профессиональных тайн с точки зрения достижения целей и задач правоохранительной деятельности полагаем необоснованным законодательно установленный режим ознакомления с указанными сведениями, так как в большинстве случаев правоохранители получают доступ к указанным сведениям после возбуждения уголовного дела, что лишает те же оперативные подразделения возможности своевременного получения необходимой и значимой информации в рамках разработки членов организованной преступной группы или сообщества вне рамок возбужденного уголовного дела. В данном случае, применительно к борьбе с организованной преступностью, считается оправданным предложение о распространении в указанной ситуации судебного санкционирования на такое оперативно-розыскное мероприятие как «наведение справок».

С одной стороны – это повысит эффективность борьбы с организованной преступностью, позволив оперативным подразделениям накопить большой массив информации до возбуждения уголовного дела и соответственно произвести более глубокую «разработку» участников организованной преступной деятельности, а с другой стороны – посредством судебного контроля обеспечит правомерность доступа оперативных подразделений к указанным профессиональным тайнам (опять же за исключением адвокатской тайны и тайны исповеди) [2, с. 50].

Таким образом, для успешной борьбы с организованной преступностью в современной России назрела необходимость принятия специального федерального закона по борьбе с организованной преступностью, в рамках которого было бы дано легальное определение понятий «организованная преступность», «ассоциация организованных преступных групп». Так же в рамках данного закона следует предусмотреть расширение полномочий правоохранительных органов, в том числе и упрощение порядка, по ограничению конституционных прав и свобод граждан, подозреваемых (обвиняемых) в причастности к организованной преступной деятельности, расширить возможности по экономическому, административному давлению на коммерческие структуры, подконтрольные организованным преступным формированиям. Издание подобного законодательного акта потребует внесения соответствующих изменений в УПК РФ и нормативно-правовые акты, регулирующие оперативно-розыскную деятельность.

Однако, указанные изменения должны касаться расследования и раскрытия только преступлений, связанных с деятельностью организованных преступных сообществ, т. е. должна быть создана нормативная база, выделяющая указанные преступления в «особую» группу. В то же время, во избежание «перегибов» и злоупотреблений со стороны правоохранительных структур необходимо предусмотреть систему взаимодействия с институтами гражданского общества и разработать меры эффективного контроля за деятельностью правоохранительных органов, в том числе путем усиления прокурорского надзора и судебного контроля.

Список использованной литературы

1. Акулова М.Ю., Попов А.Н. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность частной жизни. Красноярск, 2004. С. 63–68.
2. Железняк И.Н. О возможности оперативно-розыскного ограничения права граждан на неприкосновенность частной жизни // Право. 2007. № 3. С. 47–53.
3. Овчинский С.В. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: сб. док. М., 2004. С. 20–28.
4. Пырчев С.В. Международный опыт противодействия лидерам организованной преступности и возможность его применения в Рос-

сийской Федерации // Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 60–68.

5. Свирский-Бургер И. Краткий обзор федеральных законов по БОП в Соединенных Штатах Америки: док. для Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2005. С. 15.

Информация об авторе

Косолапов Иван Рудольфович – студент, судебно-следственный факультет, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: Mr.Sever1993@mail.ru.

Научный руководитель: *Смирнова Ирина Георгиевна* – доктор юридических наук, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the author

Kosolapov Ivan Rudolfovich – student, Judicial-Investigation Faculty, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: Mr.Sever1993@mail.ru.

Academic advisor: *Smirnova Irina Georgievna* – Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: smirnova-ig@mail.ru.

УДК 343.137

Ч.Ю. Куулар

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье проанализированы основные проблемы осуществления особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; досудебное соглашение о сотрудничестве; уголовно-процессуальное законодательство.

H.Y. Cooler

SOME PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF A SPECIAL PROCEDURE FOR THE TRIAL IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

In the article there is analyzing the main problems of the existence of a special procedure for judicial decision at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation.

Keywords: a special procedure for the trial; pre-trial agreement on cooperation; criminal procedure legislation.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) вступил в силу с 1 июля 2002 г. С этого момента в российском уголовном процессе впервые появился особый порядок судебного разбирательства, закрепленный в разделе 10 УПК РФ, которая содержит две главы, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). В специализированной литературе указанные формы принято называть упрощенными.

Проявление данного института в российском уголовном процессе является результатом более последовательной реализации принципа состязательности (нет спора – нет и «состязания») а также расширения элементов диспозитивности (свободного распоряжения сторонами своими материальными и процессуальными правами) в процессе [1, с. 432]. Основной целью подобного регулирования, на наш взгляд, является ускорение судебной процедуры и в конечном итоге снижение неоправданных затрат, а также нагрузки на судей.

Не секрет, что в России преступность сохраняется на достаточно высоком уровне. В 2013 г. только по Иркутской области зарегистрировано 57 098 преступлений. Наиболее высокий уровень преступности по тяжким и особо тяжким составам: по Иркутской области 59,0 преступления на 10 тыс. населения; по России – 37,9; по СФО – 48,3.

В Иркутской области совершено 409 убийств; 1 271 факта умышленного причинения здоровью, в том числе со смертельным исходом – 250 [2, с. 2–3].

Необходимо отметить, что проблема снижения количества преступлений остро стоит в любом государстве, в связи с чем ведется разработка и поиск способов, направленных на остановку роста преступности. Одним из способов является разработка и внедрение в уголовный процесс различных уголовно-процессуальных институтов, позволяющих привлекать к сотрудничеству лиц, которые состояли или состоят в преступных организациях и группах. Содействие указанных лиц в раскрытии и расследовании преступлений должно быть направлено не только на установление соучастников и иной информации, значимой для дела, но и являться способом исправления лица, виновного в совершении противоправного деяния. Несомненно, такое сотрудничество должно быть взаимовыгодным. Оказанную органам расследования помощь необходимо компенсировать снижением срока и размера наказания виновному.

В соответствии с п. 61 ст. 5 УПК РФ под досудебным соглашением о сотрудничестве понимается письменно оформленное соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Сущность досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в заключении двустороннего уголовно процессуального договора между сторонами обвинения и защиты, предметом которого выступают обязательства выполнения подозреваемым (обвиняемым) определенных действий, способствующих раскрытию и расследованию противоправных деяний, на условиях применения особого порядка судебного разбирательства, а также сокращения уголовного наказания и обеспечения мер государственно-правовой защиты как для подозреваемого (обвиняемого), так и для его близких родственников. Невыполнение обязательств подозреваемым (обвиняемым) влечет одностороннее расторжение договора, результатом чего является рассмотрение уголовного дела и назначение наказания за совершенное преступление в общем порядке либо пересмотр и отмена вступившего в законную силу приговора суда.

Появление института особого порядка судебного разбирательства, а также введение новой гл. 40.1 в УПК РФ вызвало оживленные диспуты, а также выдвижение противоречивых мнений в научной сфере. На сегодняшний день стабильная практика использования досудебного соглашения о сотрудничестве не сложилась, отсутствует официальная статистика.

Наряду с этим, в настоящее время, возможно, выделить проблемы, которые, на наш взгляд, в процессе дальнейшего применения указанной главы будут только возрастать.

Первая проблема, заслуживающая внимания, заключается в том, что зачастую лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в целях сокрытия взаимодействия с сотрудниками полиции, а также для личной безопасности в ходе предварительного расследования не предпринимает никаких активных действий для раскрытия и расследования преступления, либо активно проявляет себя до возбуждения уголовного дела, что непременно не может быть оценено в рамках действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В то же время считается, что в процессе раскрытия и расследования преступления им оказана необходимая, значимая для этого помощь.

Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства лицу, заключившему досудебное соглашение, необходимо предоставить подлинные сведения о неправомερных действиях лиц, принимавших участие в совершении преступления, а также иную информацию, имеющую существенное значение для принятия процессуальных решений. Кроме того, в соответствии со ст. 317.8 УПК РФ в случае, если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом XV УПК РФ. Однако стоит отметить, что в действующем законодательстве отсутствуют положения, указывающие, какие сведения являются существенными и имеющими решающее значение, в результате чего могут быть интерпретированы по-разному как стороной защиты, так и стороной обвинения.

Анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также норм оперативно-розыскной деятельности показывает, что далеко не любая информация имеет значение в рамках досудебного соглашения. В этой связи, мы солидарны с мнением А.П. Тенишева, который утверждает, что существенной информацией о разрабатываемой

преступной группе, количеству участников, распределению ролей, преступлениях, которые совершили члены преступной группы, так как именно эта информация позволяет принять решение о выполнении договоренностей соглашения о сотрудничестве [3, с. 136].

Представляется, что информация должна содержать сведения не о любых противоправных деяниях, а лишь о преступлениях, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких.

Законодателем не был определен четкий перечень преступлений по уголовным делам, по которым может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Исходя из содержания ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ следует, что ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть заявлено с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Следовательно, закон ограничивает возможность заключения соглашения при производстве уголовных дел, по которым расследование ведется в форме предварительного следствия. Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве указано, что положения гл. 40.1 УПК РФ не применяются в случае, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в совершении преступления. Из этого следует, что досудебное соглашение может быть заключено исключительно по уголовным делам, совершенным в соучастии.

Другой проблемой является информационная незащищенность лица, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве. К примеру, при передаче уголовного дела одним следователем другому количество лиц, имеющих доступ к негласной информации, возрастает в случае, если прокурор (помощник прокурора), осуществляющий судебную поддержку стороны обвинения, не вынес постановление о заключении досудебного соглашения, либо если при производстве по уголовному делу участвует переводчик, эксперт и т. д.

Стоит обратить внимание на то, что в гл. 40.1 УПК РФ отсутствуют права потерпевшего и гражданского истца. В соответствии с гл. 40 УПК РФ для вынесения судебного решения в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением требуется согласие потерпевшего, а отсутствие такого согласия является основанием для рассмотрения дела в общем порядке. Однако при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в действующем законодательстве не упоминается. Кроме того, потерпевшего нет в числе

субъектов, располагающих правом обжалования факта заключения соглашения. По нашему мнению, в данном случае будут нарушены права потерпевшего, что не соответствует требованиям справедливости правосудия.

Таким образом, введение в уголовное судопроизводство досудебного соглашения о сотрудничестве представляется интересной и перспективной формой особого порядка судебного разбирательства, требующей дальнейшего изучения. В представленной работе мы отразили небольшую часть проблем, требующих своего анализа и решения.

Список использованной литературы

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.Л. Петрухин. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013. 1032 с.
2. Материалы коллегии МВД России по Иркутской области по итогам работы за 2013 год // Архив ГУ МВД России по Иркутской области. 2014.
3. Тенишев А.П. Особый порядок судебного разбирательства как элемент системы упрощенных судебных производств // Вестн. Акад. права и управления. 2011. № 22. С. 131–139.

Информация об авторе

Куулар Чингис Юрьевич – магистрант, кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kuular17@mail.ru.

Научный руководитель: *Мазюк Роман Васильевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Cooler Genghis Yuryevich – master student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11 Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kuular17@mail.ru.

Academic advisor: *Maziuk Roman Vasilievich* – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.139

Е.А. Лунёва

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются актуальные проблемы и ряд особенностей роли государственного обвинителя, которую он играет в судопроизводстве с участием присяжных заседателей в Российской Федерации. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что названный субъект (прокурор) имеет важное процессуальное значение в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: государственный обвинитель; суд присяжных; прокурорская проверка; судебное следствие.

E.A. Lunyeva

THE ROLE OF THE PUBLIC PROSECUTOR IN COURT WITH PARTICIPATION OF JURORS

The article deals with actual problems and a number of features of the role of the public prosecutor in court proceedings with the participation of jurors in the Russian Federation. During the research the author comes to the conclusion that the named subject (the prosecutor) has an important procedural issue in court with participation of jurors.

Keywords: the public prosecutor; jury; investigation; judicial investigation.

В настоящее время в Российской Федерации укрепляет свои позиции такой уголовно-процессуальный институт, как суд присяжных, в связи с чем особо актуальным становится изучение роли

лиц, принимающих в нем участие, в том числе роли государственного обвинителя.

В силу действия ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) решение о рассмотрении уголовного дела в суде присяжных принимается на основании ходатайства обвиняемого. В последующем ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела в суде присяжных, как и отказ от ранее заявленного ходатайства, не принимаются, в связи с чем у прокурора может возникнуть определенная сложность, когда по делу проходит несколько обвиняемых.

В соответствии с п. 5 ст. 217 УПК РФ дело с несколькими обвиняемыми может быть рассмотрено только в тех случаях, когда все обвиняемые согласны на рассмотрение уголовного дела в суде присяжных. При наличии возражений прокурор должен выделить дело возражающих в самостоятельное производство, однако удовлетворить это требование крайне сложно, а иногда даже невозможно.

Важно отметить, что прокурор должен принимать участие в предварительном слушании дела, поскольку именно на этой стадии окончательно решается вопрос о форме судопроизводства по делу. Государственный обвинитель оглашает резолютивную часть обвинительного заключения, высказывает свое мнение относительно ходатайств, заявленных другой стороной, сам заявляет в необходимых случаях ходатайство. Иногда прокурор на данной стадии осуществляет оценку допустимости доказательств, а также он вправе отказаться от обвинения (как частично, так и полностью). В этом случае судья прекращает дело полностью или в соответствующей части. Так как на предварительном слушании ведется протокол заседания, то прокурор в случаях несогласия с его содержанием, может делать замечания (ст. 260, 353 УПК РФ).

Особо важна роль государственного обвинителя в отборе присяжных заседателей, поскольку он должен с максимальным вниманием выяснить все вопросы, касающиеся личности присяжных заседателей, могущие тем или иным образом повлиять на объективность их решения по делу. [2, с. 608]. С этой целью он может подготовить и передать в письменном виде вопросы к конкретным присяжным заседателям, чтобы в дальнейшем председательствующий решил вопрос об отводе присяжного заседателя. Прокурор сам может заявить отвод (ст. 328 УПК РФ). Прокурор в процессе отбора присяжных заседателей имеет право на два немотивированных отвода, а также после

формирования председательствующим суда коллегии присяжных заседателей прокурор имеет право, если придет к такому выводу, заявить, что вследствие особенностей рассматриваемого дела этот состав коллегии присяжных заседателей в целом может оказаться неспособным вынести объективный вердикт (ст. 330 УПК РФ). В случае, если такое заявление председательствующим будет признано обоснованным, он может распустить коллегию присяжных заседателей. Активное использование рассмотренного выше права в отборе присяжных заседателей является существенной гарантией законности их последующего решения по делу.

Главенствующее место в деятельности государственного обвинителя в суде присяжных занимает судебное следствие, особенностью которого является то, что прокурор сам зачитывает резолютивную часть обвинительного заключения (ст. 335 УПК РФ). При этом выступлении он не имеет права упоминать о фактах судимости подсудимого и фактах признания его опасным рецидивистом в прошлом, хроническим алкоголиком или наркоманом, если эти факты не имеют значения для установления признаков состава преступления. После этого государственный обвинитель предлагает порядок исследования представленных им доказательств: допрос подсудимого, допрос свидетелей, экспертов и других лиц, вызванных в судебное заседание.

В процессе судебного следствия прокурором и другими участниками процесса исследуются доказательства, допущенные на предварительном слушании дела. В случае необходимости государственный обвинитель может ходатайствовать об исследовании доказательств, исключенных ранее судьей из разбирательства, а также высказывать свое мнение о необходимости их исследования, если об этом заявит ходатайство другая сторона. Важно подчеркнуть, что бремя доказывания вины подсудимых в суде присяжных лежит на государственном обвинителе. Поэтому исход дела, достижение цели уголовного преследования зависит от профессиональной подготовленности и активности прокурора. Допрашивая подсудимых, свидетелей, других участников процесса, исследуя доказательства по делу, прокурор должен постоянно иметь в виду необходимость убеждения присяжных заседателей в виновности подсудимых. При этом он должен учитывать их юридическую неподготовленность к восприятию доказательств, неосведомленность в правовых, процессуальных, криминалистических вопросах, хорошо известных профессиональным

юристам, и с учетом этого строить тактику участия в судебном следствии [3, с. 375].

Еще в большей степени это требование относится к выступлению государственного обвинителя в судебных прениях. Его речь должна быть профессиональна и в то же время понятна для восприятия непрофессионалов. В своем выступлении прокурор должен изложить все доказательства вины подсудимых и убедить присяжных заседателей в виновности подсудимых, для чего необходимо учитывать особенности рассматриваемого преступления, его восприятия и отношения к нему присяжных заседателей, уровень их образования, профессию, образ жизни и многие другие факторы, определяющие характер социальной психологии этой группы граждан, уровень их правосознания, а следовательно, и отношение к преступлению и лицам, его совершившим [3, с. 376].

Если государственный обвинитель придет к выводу о полной или частичной невиновности подсудимых, он обязан отказаться от обвинения, и при отсутствии возражений со стороны потерпевшего судья прекращает дело полностью или в соответствующей части.

Государственный обвинитель может на любом этапе разбирательства дела вплоть до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта изменить обвинение в сторону смягчения.

Хотелось бы также отметить такую особенность участия государственного обвинителя в разбирательстве дел судом присяжных, как его участие в постановке и формулировании вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей.

В связи с напутственным словом председательствующего присяжным заседателям государственный обвинитель вправе заявить в судебном процессе возражения по поводу нарушения принципа объективности. Если такие возражения своевременно заявлены не были, то в последующем прокурор не имеет права ссылаться на нарушение объективности председательствующего при последующем пересмотре этого дела вышестоящим судом.

Существенное значение имеет деятельность прокурора в суде после вынесения вердикта присяжных заседателей. Согласно ст. 347 УПК РФ государственный обвинитель с участием представителей сторон, но уже в отсутствие присяжных заседателей может исследовать доказательства, не подлежащие исследованию с участием при-

сяжных заседателей, выступать по вопросам, связанным с юридическими последствиями вынесенного вердикта, включая вопросы квалификации содеянного подсудимым, назначения ему наказания и разрешения гражданского иска [2, с. 629].

При этом в своих выступлениях прокурор не имеет права ставить под сомнение правильность вынесенного присяжными заседателями вердикта.

Таким образом, необходимо отметить особую роль государственного обвинителя, которую он играет в судебном процессе с участием присяжных заседателей. В настоящее время присяжные заседатели все чаще вершат судьбы правонарушителей, и для того чтобы не возникало такого негативного правового явления, как злоупотребление правом с их стороны, крайне важно уделять вниманием механизму сдержек и противовесов, огромное значение в котором занимает именно государственный обвинитель.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 249.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. М., 2015. 736 с.
3. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М., 2013. 511 с.

Информация об авторе

Лунёва Екатерина Алексеевна – магистрант, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Иркутский Юридический Институт (филиал) Российской Правовой Академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. E-mail: eka187@bk.ru.

Научный руководитель: *Мазюк Роман Васильевич* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Иркутский Юридический Институт (филиал) Российской Правовой Академии Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. E-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Lunyeva Ekaterina Alekseevna – master student, Criminal Procedure and Criminalistics Department, The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, 4, Nekrasov str., Irkutsk, 664011. E-mail: ekal87@bk.ru.

Academic advisor: *Maziuk Roman Vasilyevich* – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department, The Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, 4, Nekrasov str., Irkutsk, 664011. E-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.1(470)

Е.И. Хичибеева

ОСМОТР В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовно-процессуальный закон четко определяет круг следственных действий, содержанием которых является специфический комплекс познавательных и удостоверительных методов, приемов и операций, облаченных в особую процессуальную форму и приспособленных для установления доказательственной информации конкретного вида и характера, которая составляет основу формирования выводов о подлежащих доказыванию по уголовному делу юридически значимых обстоятельств и принятия в итоге различных процессуальных решений.

Ключевые слова: осмотр; следственные действия; уголовное судопроизводство.

E.I. Hichibeeva

INSPECTION IN THE INVESTIGATION IDENTITIES IN THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

The article discusses that the Criminal Procedure Law clearly defines the range of investigative actions, the content of which is a specific complex cognitive and of identification methods, techniques and operations,

dressed in a special procedural form and adapted to establish a particular type of evidentiary information and character, which is the basis of formation of conclusions to be proved in a criminal case of legally significant circumstances and making the result of various procedural decisions.

Keywords: examination; investigation; criminal proceedings.

Следственные действия – важнейший элемент процессуальной деятельности органов предварительного расследования, которые они проводят регулярно в ходе уголовного судопроизводства.

В научной литературе имеется много определений понятия осмотра. Так, И.Н. Якимов под осмотром понимает следственное действие, направленное к установлению материальных данных, имеющих значение для раскрытия преступления и изобличения [1, с. 176]. Но нередко осмотр производится и для того, чтобы установить отсутствие преступления. Однако по-иному определяет осмотр М.С. Строгович. Он отметил, что осмотр есть процессуальное действие, состоящее в обнаружении, закреплении, признаков и состояний различных предметов для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Но в этом определении недостаточно отражена специфика осмотра, отличающая его от других следственных действий, посредством которых тоже возможно обнаружение и закрепление признаков и состояний объектов [3, с. 450].

Процессуальный закон использует термин «осмотр» (ст. 176–178 УПК РФ), что свидетельствует о преимущественном применении метода визуального наблюдения. Однако при осмотре объекты воспринимаются всеми органами чувств. Так, в протоколе могут быть зафиксированы результаты прослушивания звукозаписи, температура объекта, наличие резкого запаха и т. п. [3, с. 450].

К следственным действиям УПК РФ относит действия следователя (дознавателя), прокурора, а также суда по собиранию доказательств, а именно: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК РФ), обыск, выемку, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров (гл. 25 УПК РФ), получение информации между абонентами и (или) абонентскими устройствами, допрос, очную ставку, предъявление для опознания, проверку показаний на месте (гл. 26 УПК РФ).

Общее правило состоит в том, что следственные действия производятся только по возбужденному уголовному делу, за исключени-

ем осмотра места происшествия, документов и предметов, осмотра трупа, освидетельствования, которые могут быть произведены до возбуждения уголовного дела. При этом следователь самостоятелен как в выборе следственных действий, так и в определении момента их производства. Следственное действие может быть произведено в любой момент расследования, сразу же после появления оснований к этому, что нередко имеет первостепенное значение для его эффективности [4, с. 4].

К общим правилам производства следственных действий, установленным ст. 164 УПК РФ, можно отнести: 1) наличие предусмотренного УПК РФ процессуального решения, разрешающего производство следственных действий; 2) запрет на производство следственных действий в ночное время, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ; 3) запрет на применение угроз, насилия и др.; 4) обязанность следователя разъяснить участникам СД их права, обязанности, ответственность, порядок производства следственных действий; 5) право следователя на применение при производстве следственных действий технических средств и его обязанность заранее предупредить об этом участников следственных действий; 6) право следователя допустить к участию в следственных действиях должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, и обязанность следователя сделать об этом соответствующую отметку в протоколе следственного действия; 7) обязательное ведение протокола следственного действия. [2, с. 279].

Также рассмотрены общие правила проведения осмотра. Процессуальный порядок производства осмотра предусмотрен ст. 29, 164–170, 176, 177, 180, 287 УПК РФ. Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Осмотр места происшествия, документов и предметов, а также осмотр трупа может быть произведен до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 УПК РФ, ч. 4 ст. 178 УПК РФ). [7, с. 348].

Осмотр места происшествия является отправной точкой не только на первоначальном этапе расследования, но и на протяжении всего предварительного следствия. Из протокола осмотра места происшествия можно получить максимальное количество информации – розыскной, характеризующей совершение преступления и личность преступника, доказывающей вину преступника. Информацию эту

можно получить, если относиться к проведению этого следственного действия с особой тщательностью и вниманием, а не проводить его формально [6, с. 375].

В заключении хочется сказать, что «следственные действия» есть юридическое последствие преступления, соизмеряемое с его внутренней и внешней стороной и определяемое в установленном для того порядке судебными органами государственной власти. Изложенное позволяет резюмировать, что от своевременного и качественного производства следственных действий зависит в целом реализация целей уголовного судопроизводства, в частности – раскрытие преступлений, наказание виновных, обеспечение безопасности лиц, ставших участниками процесса по данному уголовному делу, предупреждение совершения преступления как лицом, совершившим данное преступление, так и другими лицами [5, с. 456].

Таким образом, на основании всего вышеперечисленного можно сделать вывод: следственные действия являются самостоятельным особым сложным институтом уголовного процесса. И осмотр, занимает очень важное место в системе следственных действий в российском уголовном процессе. Такая тема как «Осмотр в системе следственных действий в российском уголовном процессе» будет актуальной и через несколько десятков и даже сотен лет, пока существует такой институт как государство [1, с. 256].

Список использованной литературы

2. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса: учебник. В., 1980. 256 с.
3. Кубицкий Ю.М. Следственный осмотр: учебник. М., 1938. 279 с.
4. Строгович М.С Курс советского уголовного процесса: учебник. М., 1958. 450 с.
5. Терзиев Н.В. Некоторые вопросы следственного осмотра места преступления // Законность. 1955. № 5. С. 4–5.
6. Уголовный процесс: учебник / под ред. В. П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. 456 с.
7. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 375 с.
8. Уголовный процесс: учебник / под ред. М.А. Чельцова. М., 1948. 348 с.

Информация об авторе

Хичибеева Елена Ильинична – магистрант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: Nichibeeva.lena@mail.ru.

Научный руководитель: *Лукошкина Светлана Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: lukoskina@list.ru.

Information about the author

Nichibeeva Elena Ilinichna – master student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: Nichibeeva.lena@mail.ru.

Academic advisor: *Lukoshkina Svetlana Valerievna* – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: lukoskina@list.ru.

УДК 347.9

Ю.В. Хромых

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА

В статье рассматриваются понятие и виды свидетельского иммунитета. Приводятся мнения различных авторов по поводу содержания свидетельского иммунитета. Анализируется право отказа свидетеля от дачи показаний, а также запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей.

Ключевые слова: свидетель; свидетельский иммунитет.

Y.V. Khromykh

CONCEPT AND TYPES OF WITNESS IMMUNITY

The article discusses the concept and types of witness immunity. Reflect the views of the authors about the content of witness immunity. Analyzed the right refusal of witness from testifying, and prohibition on the examination of several persons as a witness.

Keywords: witness; witness immunity.

В переводе с латинского языка термин «иммунитет» означает «освобождение от чего-либо» [14, с. 230]. В юридическом значении иммунитет трактуется как исключительное право не подчиняться некоторым правилам [4, с. 48].

Институт свидетельского иммунитета представляет собой одну из процессуальных гарантий, направленных на обеспечение прав и законных интересов граждан в уголовном судопроизводстве.

В Конституции РФ установлено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также, что федеральным законом могут устанавливаться иные случаи освобождения от обязанности давать свидетельские показания (ст. 51).

В развитие конституционных положений впервые в УПК РФ было дано определение понятия свидетельский иммунитет, под которым понимается право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ (п. 40 ст. 5) [9].

К лицам, обладающим свидетельским иммунитетом УПК РФ относит: судью, присяжного заседателя; адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого; священнослужителя; члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы (ч. 3 ст. 56).

Конституционное право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников воспроизведено в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ.

Термин «свидетельский иммунитет» давно введен в научный оборот и широко используется в юридической литературе, однако отношение к нему было и остается неоднозначным.

Ф.А. Агаев и В.Н. Галузо под иммунитетом понимают «особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства, выражающий-

ся в установлении изъятий из общего порядка судопроизводства и особых юридических преимуществ для отдельных категорий российских и иностранных граждан» [1, с. 106]. Такие изъятия следуют из особого юридического статуса этих лиц.

Несмотря на значительный интерес, проявляемый юристами к проблеме свидетельского иммунитета, до сих пор нет единства мнений по поводу его содержания. В.Г. Даев считает, что свидетельский иммунитет охватывает и запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей и право отказаться от дачи показаний [4, с. 32]. Аналогичной позиции придерживается Н.Ю. Волосова, которая полагает, что свидетельский иммунитет «комплекс правовых норм, регламентирующих право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (-ги) и близких родственников, круг которых определен действующим законодательством; запрет на допрос предусмотренных в законе лиц об определенных обстоятельствах и обеспечивающих реализацию данных положений» [3, с. 16].

По мнению М.М. Шейфер, свидетельский иммунитет – это право свидетеля отказаться от дачи показаний [15, с. 114–126], полагая, что свидетельский иммунитет – это исключение из правил, но, ни в коем случае не категорический запрет на дачу показаний [2, с. 110].

Другие авторы, обосновывая широкое содержание свидетельского иммунитета, понимают под ним совокупность правил об абсолютном или ограниченном освобождении некоторых групп граждан от обязанности давать свидетельские показания [6, с. 48–50; 11, с. 49; 13, с. 113–114].

Полагаю, что позиция ученых процессуалистов, придерживающихся широкой трактовки свидетельского иммунитета, наиболее предпочтительна, поскольку содержание свидетельского иммунитета охватывает два аспекта: с одной стороны, речь идет о запрете допрашивать определенных лиц в качестве свидетелей; с другой, – определение в законе круга лиц, имеющих право не давать показания в качестве свидетелей или отказаться отвечать на некоторые вопросы.

Вполне обоснованным является мнение В.В. Молчанова о том, что определение свидетельского иммунитета и как права отказаться от дачи показаний в качестве свидетеля и как запрет на допрос некоторых лиц в качестве свидетелей следует из лексического значения слова «иммунитет» – освобождение от чего-либо [8, с. 112–113].

Думается, аргументированным является определение свидетельского иммунитета, сформулированное Е.П. Гришиной и С.А. Саушкиным: «совокупность нормативно закрепленных правил, освобождающих некоторые категории свидетелей от предусмотренной законом обязанности давать показания по уголовному делу, а также освобождающих любого допрашиваемого от обязанности свидетельствовать против самого себя» [12, с. 28].

Представляет интерес определение Е.Н. Петуховым понятия «свидетельский иммунитет». Автор выделяет два разных понятия: «иммунитет» и «привилегия». Согласно его мнению, свидетельская привилегия – это льгота, право выбора свидетельствовать или не свидетельствовать, тогда как в понятие «свидетельский иммунитет» входят положения, носящие императивный характер и запрещающие проводить допрос в качестве свидетелей указанных в них лиц. Соответственно, в первом случае показания могут быть признаны доказательствами, во втором – они признаются недопустимыми [10, с. 82]. Думается, что понятием «свидетельский иммунитет» охватывается и понятие «привилегия», и означает, с одной стороны, освобождение от процессуального статуса свидетеля, с другой, – освобождение от обязанности свидетельствовать.

В теории уголовно-процессуального права в зависимости от волеизъявления лица, наделенного свидетельским иммунитетом, выделяются два вида свидетельского иммунитета: императивный (абсолютный, безусловный) и диспозитивный (относительный, условный) [13, с. 116]. Данная классификация является наиболее распространенной, однако некоторые авторы предлагают другой подход к систематизации видов свидетельского иммунитета. Так, В.Н. Лопатин и А.В. Федоров выделяют общий свидетельский иммунитет и специальный. Общий свидетельский иммунитет представляет собой право каждого (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или любого другого лица) не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Специальный вид свидетельского иммунитета авторы определяют как свидетельский иммунитет отдельных категорий граждан, которые освобождены федеральными законами от обязанности давать свидетельские показания, данный иммунитет распространяется только на лиц, имеющих процессуальный статус свидетеля [7, с. 52]. Вместе с тем авторами не рассматривается в качестве вида свидетельского иммунитета запрет на допрос

некоторых лиц в качестве свидетелей (ч. 3 ст. 56 УПК РФ), что, несомненно, сужает содержание такого института, как свидетельский иммунитет. Итак, думается первая классификация свидетельского иммунитета является наиболее полной и точной, поскольку ей охватываются все виды свидетельского иммунитета.

Императивный (абсолютный, безусловный) иммунитет сформулирован в запрете допрашивать некоторых лиц в качестве свидетелей. Им обладают лица, которые должны хранить в тайне сведения, полученные ими при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей. Абсолютным свидетельским иммунитетом наделены: судья, присяжный заседатель; адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого; священнослужитель (пп. 1–4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Диспозитивный (относительный, условный) иммунитет выражается в праве свидетеля отказаться от дачи показаний. Разновидностью диспозитивного иммунитета является право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга (супруги) и других близких родственников (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ). Также диспозитивным свидетельским иммунитетом наделены Член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, они не могут быть допрошены в качестве свидетелей без их согласия об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

Таким образом, свидетельский иммунитет – это совокупность правил, освобождающих определенные группы свидетелей от обязанности давать показания по уголовному делу, а также освобождают любого допрашиваемого от обязанности свидетелей против себя самого. В связи с этим свидетельский иммунитет подразделяется на два вида императивный (абсолютный, безусловный) и диспозитивный (относительный, условный).

Список использованной литературы

1. Агаев Ф.А., Галузо В.Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. – М.: ТЕИС, 1998. 135 с.
2. Алиев Н.А. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Известия вузов: Правоведение. 2005. № 6. С. 110.
3. Волосова Н.Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. М., 2015. 62 с.

4. Даев В.Г. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов: Правоведение. 1992. № 3. С. 48–52.
5. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юристъ, 1996. 128 с.
6. Конев В., Громов Н., Николайченко В. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе // Рос. юст. 1997. № 9. С. 48–50.
7. Лопатин В.Н., Федоров А.В. Свидетельский иммунитет // Государство и право. 2004. № 6. С. 49–57.
8. Молчанов В.В. Свидетельский иммунитет в гражданском процессуальном праве // Известия вузов: Правоведение. 2006. № 2. С. 112–113.
9. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2027.
10. Петухов Е.Н. Противоречия в новом УПК России // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: материалы науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 1. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 79–85.
11. Петуховский А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института // Рос. юст. 2003. № 9. С. 49–50.
12. Саушкин С.А., Гришина Е.П. Правовое обеспечение свидетельского иммунитета: современное состояние и вопросы развития // Адвокатская практика. 2002. № 5. С. 28–30.
13. Смолькова И.В. Актуальные проблемы охраняемых федеральным законом тайн в российском уголовном судопроизводстве. М: Юрлитинформ, 2014. 352 с.
14. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.
15. Шейфер М.М. Право свидетеля на иммунитет: история возникновения и проблемы реализации в уголовном процессе РФ // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. В 2 вып. Вып. 2. С. 114–126.

Информация об авторе

Хромых Юлия Владимировна – магистрант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный

университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, E-mail: goldtree79@mail.ru.

Научный руководитель: *Смолькова Ираида Вячеславовна* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Khromykh Yulia Vladimirovna – master student, Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: goldtree79@mail.ru

Academic advisor: *Smolkova Iraida Vyacheslavovna* – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, The Head of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: kupik@isia.ru.

УДК 343.163

М.Е. Чадов

К ВОПРОСУ О НАДЗОРНОЙ ФУНКЦИИ ПРОКУРАТУРЫ

В настоящей статье проводится анализ норм законодательства, регламентирующие осуществление прокурорского надзора, а также изучение научных работ, посвященных полномочиям прокурора после проведения реформы органов прокуратуры в 2007–2011 гг.

Ключевые слова: прокурорский надзор; следственный комитет; предварительное следствие; следственный судья; судебный следователь; функции прокуратуры.

M.E. Chadov

THE QUESTION OF PROSECUTION SUPERVISORY FUNCTIONS

In this paper, an analysis of the legislation governing the exercise of prosecutorial supervision, as well as the study of scientific papers dealing with the powers of the prosecutor after the reform.

Keywords: public prosecutor's supervision; the investigating committee; the preliminary investigation; the investigating judge; the coroner; the prosecution function.

Прокурор есть живое
напоминание закона.
А.Ф. Кони

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-Процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в системе органов прокуратуры образована новая структура – Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации. 1 августа 2007 г. Президентом Российской Федерации подписан Указ № 1004 «Вопросы Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации», регламентирующий порядок создания и функционирования нового органа государства.

Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации сформирован и начал свою деятельность с 7 сентября 2007 г. С этого времени начинает свою историю новый следственный орган государства, в обязанности которого входит осуществление предварительного расследования по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, преступлениях, имеющих повышенную общественную значимость, например, коррупционной направленности.

Окончательное отделение следствия от прокуратуры произошло 15 января 2011 г. С этого времени вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», а Президентом РФ подписан Указ от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации».

В соответствии с данными документами, Следственный комитет Российской Федерации является самостоятельным федеральным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства, однако мнения ученых-процессуалистов, по поводу отделения полномочий на предварительном следствии у прокуратуры, неоднозначны.

Внесенные законодателем изменения в УПК РФ, начиная с 2007 г. и по настоящее время, принципиально изменили полномочия прокурора на предварительном следствии. Тем не менее закон определил в ст. 37 УПК РФ, что деятельность прокурора направлена на процессуальную деятельность органов дознания и органов предварительного следствия. Например, по мнению процессуалиста О.М. Тарасовой прокурор осуществляет не только надзор за деятельностью следователя, но и процессуальное руководство им [7, с. 105]. Стоит согласиться с данной точкой зрения, поскольку практически все основные действия и акты следователя в ходе предварительного следствия, начиная с возбуждения уголовного дела, и до принятия по делу окончательного решения, отнесены под непосредственный надзор прокурора.

Получается, несмотря на старания законодателя сделать следователя более самостоятельным, последнее слово остается за прокурором. Надзор прокурора за предварительным следствием соотносится с ведомственным контролем, осуществляемым руководителем следственного органа. Эти виды контроля во многом совпадают по целям и содержанию, однако каждый из них представляет разные направления государственной деятельности со своими процессуальными средствами.

В продолжение темы уголовного процесса и уголовно-процессуального законодательства, по мнению многих ученых, ошибочным явилось решение о лишении прокурора властных полномочий при осуществлении надзора за законностью предварительного следствия [2, с. 10]. Заслуживают быть отмечены выводы российского процессуалиста Ю.К. Якимовича, в которых говорится, что наличие четырех следственных аппаратов (Следственный комитет, МВД, ФСБ, ФСКН) при отсутствии единого руководителя и координатора (кем ранее, до 2007 г., в России всегда был прокурор) в скором времени приведет к разобщенности следственных органов, умалению роли Уголовно-процессуального кодекса и появлению в каждом из следственных ведомств своего «УПК» на основе принимаемых ими ведомственных инструкций [8, с. 84].

Раскрывая вопрос о правильности включения в одну функцию прокуратуры (надзорную отрасль) одновременно надзора за соблюдением законов органами, осуществляющими ОРД, и органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, другие ученые также выдвигают свои точки зрения.

Так, например, И.Л. Петрухин предлагает не просто расширить сферу судебного контроля за предварительным следствием, но и полностью ликвидировать прокурорский надзор в этой сфере [4, с. 45]. Его мнение поддерживает кандидат юридических наук А.З. Бецуков в том, что судебный контроль является более надежным гарантом прав личности на предварительном следствии, чем прокурорский надзор. Суд не связан ведомственными интересами, независим, не несет ответственности за раскрытие преступлений. На предварительном следствии нет смысла иметь двойной заслон от ошибок и злоупотреблений и нет необходимости в том, чтобы одни и те же контрольные функции выполняли разные органы. При хорошо поставленном судебном контроле прокурорский надзор становится излишним [1, с. 11].

В исследуемой проблематике В.Н. Осипкин полагает, что законодатель поступил нецелесообразно, включив надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, составной частью надзора за исполнением законов указанными органами, следствием и дознанием. Подобное положение влечет дискриминацию прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, исключает его из состава приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры, тем самым дезориентируя уполномоченного прокурора. По мнению автора, следует выделить прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора [3, с. 26].

Весьма полезными оказались результаты исследований известного российского ученого процессуалиста А.В. Смирнова в которых говорится, что образование отдельного следственного комитета вряд ли сможет дать толчок активизации состязательного процесса в самом суде, поскольку ключ к решению проблемы лежит не в укрупнении следственного ведомства, а в преодолении инквизиционного характера его деятельности, что связано в первую очередь с недостаточным выполнением на стадии предварительного расследования конституционного требования (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской

Федерации) состязательного построения всего уголовного процесса, прежде всего касающегося разделения процессуальных функций.

Как и многие другие ученые, А.В. Смирнов придерживается позиции, что вопрос о разделении процессуальных функций на досудебных стадиях уголовного процесса может быть удовлетворительно решен лишь тогда, когда между уголовным преследователем и стороной защиты на предварительном следствии будет поставлен подлинно независимый орган юстиции – по сути, следственный судья. В этом смысле прокурору и следователю в перспективе следовало бы поменяться местами: прокурору – вернуться к естественной для него роли руководителя уголовного преследования (полицейского дознания) по всем уголовным делам, имея в своем полном процессуальном подчинении органы дознания, осуществляющие поиск и собирание доказательственной информации (ибо вести следствие, лишённое оперативной поддержки, достаточно сложно). Судебный же следователь (или следственный судья) может производить – в основном по требованию сторон – следственные действия по легализации в качестве судебных доказательств материалов, представленных сторонами, а также судебный контроль над мерами процессуального принуждения и соблюдением органами уголовного преследования конституционных прав и свобод граждан [6, с. 134].

Актуальность данного нововведения подкрепляется и тем, что Президент России Владимир Путин рекомендовал Верховному суду РФ до 15 марта 2015 г. изучить вопрос о возможности введения института следственных судей. По мнению председателя Конституционного суда В.Д. Зорькина, воссоздание корпуса следственных судей может помочь решить системные проблемы уголовного процесса. Это он подчеркнул в своей статье «Конституция живет в законах» для полноты состязательности уголовного процесса [5, с. 9].

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что дознаватель, следователь и прокурор не могут являться участниками со стороны обвинения. Дознаватель и следователь выполняют функцию вовсе не обвинения, а объективного, полного и всестороннего расследования, а прокурор – функцию надзора за соблюдением закона при производстве предварительного расследования.

Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в исследование полномочий прокурора в области надзора, однако по-прежнему актуальной является проблема распределения этих самых

полномочий. В сложном процессе укрепления Российского государства прокуратура Российской Федерации занимает особое место. Значение надзорной функции прокуратуры в последнее время усилилось, что требует осмысления, анализа, изучения, научного обоснования. Анализ причин, препятствующих эффективной реализации потенциала прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по предупреждению правонарушений будет способствовать созданию необходимых предпосылок к более рациональному осуществлению прокуратурой надзорной функции.

Список использованной литературы

1. Бецуков А.З. Процессуальная самостоятельность следователя и судебный контроль за предварительным расследованием // Науч. журн. КубГАУ. 2014. № 103. С. 1–15.
2. Гуськова А.П., Емельянов В.А., Славгородских А.А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России // Рос. судья. 2008. № 4. С. 9–11.
3. Осипкин В.Н. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью (понятие, организация, методика): учеб. пособие. СПб., 2003. 200 с.
4. Петрухин И.Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. 348 с.
5. Смирнов А.В. Докажите, ваша честь // Рос. газ. 2015. № 6573 (2). 13 янв.
6. Смирнов А.В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и процесса в свете положений российской конституции и международного права // Рос. юрид. журн. 2011. № 2. С. 132–139.
7. Тарасова О.М. Взаимоотношения следователя с субъектами уголовного судопроизводства, осуществляющими контроль за его деятельностью // Наука и практика. 2014. № 3. С. 104–107.
8. Якимович Ю.К. Уголовная политика и уголовно-процессуальное законодательство // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Право». 2014. № 3. С. 84–88.

Информация об авторе

Чадов Михаил Евгеньевич – студент, судебно-следственный факультет, Байкальский государственный университет экономики и

права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: reaktiv.promo@gmail.com.

Научный руководитель: *Лукошкина Светлана Валерьевна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. E-mail: lukoskina@list.ru.

Information about the author

Chadov Michael Evgenyevich – student, Judicial-Investigation Faculty, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: reaktiv.promo@gmail.com.

Academic advisor: *Lukoshkina Svetlana Valerievna* – Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department. Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003. E-mail: lukoskina@list.ru.

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИИ

25–26 сентября 2014 г. в г. Иркутске состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства», что следует признать заметным в научной жизни шагом в направлении признания необходимости сохранения, поддержания и дальнейшего укрепления комплексных научных исследований [1].

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НА ТЕМУ «УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»*

25–26 сентября 2014 г.

г. Иркутск

1. Принимая во внимание достижения в сфере обеспечения национальной безопасности государства, под которой следует понимать в соответствии с утвержденной Указом Президента РФ «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства, участники конференции, признавая значимость уголовного судопроизвод-

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014–2015 годы (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

ства для достижения указанных целей, рассматривают его эффективность в следующих аспектах:

– *экономическая* эффективность уголовного судопроизводства как оптимальное (т. е. реализация социального назначения уголовного судопроизводства при минимальных затратах на его организацию) соотношение затраченных на организацию уголовного судопроизводства средств и достижение поставленных перед уголовным судопроизводством задач;

– *социальная* эффективность уголовного судопроизводства как достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. При этом основными признаками эффективности уголовного судопроизводства являются 1) способность эффективно прореагировать на большинство поводов к возбуждению уголовного дела; 2) возможность достичь цели уголовного процесса по большинству уголовных дел в стране; 3) способность своими результатами удовлетворить чувство справедливости большинства населения страны;

– эффективность уголовного судопроизводства в целом (на отдельной стадии процесса либо в рамках особого производства, отдельно взятого следственного или иного процессуального действия) как действенность, способность при должном уровне обеспечения прав личности гарантировать раскрытие преступлений и установление обстоятельств расследуемых уголовных дел с вынесением законного, обоснованного, мотивированного и справедливого итогового процессуального решения (эффективность производства по уголовному делу);

– эффективность процессуального закона.

2. Участники конференции рассматривают меры повышения эффективности уголовного судопроизводства как совокупность соответствующих мер криминалистического и уголовно-процессуального порядка.

3. Мерами повышения эффективности уголовного судопроизводства участники конференции предлагают считать следующие:

– обеспечение согласования правовых позиций по вопросам уголовного судопроизводства судебных органов власти (в лице Кон-

ституционного Суда РФ) и законодателя, а также Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также согласование положений отдельных нормативно-правовых актов;

– детальная регламентация производства по уголовным делам на отдельных стадиях процесса, а также в рамках особых производств;

– конкретизация уголовно-процессуальной терминологии, ее адекватное законодательное урегулирование и применение;

– более активное использование возможностей оперативно-розыскной деятельности для достижения задач, стоящих перед органами уголовного преследования и суда;

– соответствие изменений и дополнений уголовно-процессуального законодательства, а также криминалистического обеспечения следственной деятельности уровню научно-технического прогресса и современных достижений точных наук;

– обеспечение преемственности собственного позитивного исторического опыта уголовно-процессуального регулирования, а также учет позитивного опыта иностранных государств, например, установление сроков рассмотрения дела в сотрудничестве с другими ключевыми участниками уголовного судопроизводства, сокращение отложений судебных разбирательств, внедрение стандартных и компактных форматов для письменного судебного решения (в том числе использование образцов), более широкое использование аудио и видео технологий в судебном разбирательстве.

4. В рамках проведенной международной научно-практической конференции в целях формирования и развития комплексной системы уголовно-процессуальных средств повышения эффективности уголовного судопроизводства участниками конференции предложены следующие направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства:

– в российском законодательстве для реализации принципа разумного срока уголовного процесса также необходимо создание четкого механизма ответственности за нарушение данного принципа. Действенным превентивным методом решения проблемы затягивания сроков расследования и рассмотрения уголовного дела является закрепление на законодательном уровне последствий несвоевременного принятия процессуального решения – санкций ничтожности. Причем такие по-

следствия должны быть установлены применительно не только к срокам содержания под стражей, но и всем иным процессуальным срокам;

– принципиальное усиление роли прокурора в уголовном процессе: в частности, следует расширить основания для возвращения дела прокурору на доследование, если в ходе суда доказательную базу участники рассмотрения сочли неполной из-за признания каких-то доказательств недопустимыми, а также при необходимости предъявить подсудимому более тяжкого обвинения;

– руководствуясь принципами равноправия сторон и доступа к правосудию, предлагаем положения ст. 45 УПК РФ изложить во взаимосвязи с положениями ст. 49 УПК РФ, то есть предусмотреть возможность равного доступа к правовой помощи потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого и подсудимого путем закрепления права потерпевшего на представителя, а также возможности потерпевшего пользоваться услугами профессионального адвоката бесплатно, за счет средств федерального бюджета, а также закрепить перечень обязательных случаев участия адвоката со стороны потерпевшего, например, когда потерпевший в силу своих психических или физических недостатков не может осуществлять свою защиту самостоятельно, в случае, когда дело будет рассматриваться судом присяжных и т. д.;

– потерпевший должен предупреждаться о дате, времени и месте проведения судебного заседания по вопросу об условно-досрочном освобождении осужденного по адресам, имеющимся в распоряжении суда, указанным самими потерпевшими, их законными представителями и (или) представителями, а также адресам, имеющимся в материалах уголовного дела;

– представляется, что в определенных случаях (свидетель несовершеннолетний, свидетели, доходы которых ниже величины прожиточного минимума, свидетели, страдающие психическим расстройством или отстающие в психическом развитии), свидетель вправе получать квалифицированную юридическую помощь бесплатно;

– следовало бы четко урегулировать систему взаимосвязи оперативно-розыскной и доказательственной информации на уровне формирования доказательств. При этом такое регулирование должно стать комплексным, охватывающим как уголовно-процессуальное, так и оперативно-розыскное законодательство. В этой связи особое внимание следовало бы уделить закреплению в УПК РФ особых пра-

вил проверки и оценки результатов ОРД на пригодность в доказательственном процессе. Такого рода правила должны касаться допустимости, достоверности, относимости и достаточности оперативно-розыскной информации в аспекте доказывания по уголовному делу;

– целесообразно унифицировать требования к процессуальной форме доказательств, устранить существующие в этой части различия между уголовным, гражданским, арбитражным и административным процессом;

– для обеспечения наибольшей эффективности уголовного судопроизводства стадию возбуждения уголовного дела необходимо существенно трансформировать;

– развитие сокращенной формы дознания диктует необходимость определять ее исключительно тяжестью совершенного преступления; решение о сокращенной форме дознания должно принимать лицо, производящее дознание; право потерпевшего возражать против этого сохранить только по делам частного и частно-публичного обвинения; такое дознание должно осуществляться без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела; следует более четко регламентировать срок дознания;

– конкретизировать статус прокурора на стадии исполнения судебных решений, одновременно признать его участие обязательным; по вопросам условно-досрочного освобождения целесообразным было бы законодательно закрепить обязанность администрации исправительного учреждения направлять документы прокурору до их направления в суд. Это логично соответствовало бы и статусу учреждений уголовно-исполнительной системы как органов дознания (п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ); само по себе отсутствие раскаяния в своем деянии не влияет отрицательно на условно-досрочное освобождение, а его наличие положительно характеризует осужденного, тем не менее вопрос о раскаянии целесообразно убрать из УИК РФ в целях унификации правового регулирования. Основания отказа условно-досрочного освобождения целесообразно закрепить в УПК РФ;

– в стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств необходимо учитывать тот факт, что наличие обстоятельств, предусмотренных пп. 1, 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, когда речь идет о применении норм, имеющих обратную силу и влияющих на судебное разрешение, особенно в тех случаях, где од-

ной из сторон спора является государство, прежде всего связано с виной самого государства, поэтому пересмотр судебных решений, в основе которых лежит применение положений таких законов, не может и не должно повлечь ухудшение положения заинтересованных лиц.

5. В рамках проведенной международной научно-практической конференции в целях формирования и развития комплексной системы уголовно-процессуальных средств повышения эффективности уголовного судопроизводства участниками конференции предложены следующие *направления развития уголовно-процессуальной науки*:

– требуется развитие междисциплинарных, комплексных учений с применением системной парадигмы научного исследования;

– требуется разработка современного комплексного учения о функциях в уголовном судопроизводстве должна осуществляться не только в соответствии с догматическим пониманием принципа состязательности, но и с учетом исторических закономерностей его формирования и развития в условиях отечественного уголовно-процессуального права, реальным воплощением принципа состязательности в уголовном судопроизводстве зарубежных государств, а также особенностями правовой системы, правовой культуры и правового сознания в Российской Федерации;

– судебная ошибка может быть интерпретирована в широком смысле как фактически негативный результат мыслительной и познавательной деятельности судьи, состоящий в неверном отражении фактических обстоятельств в его сознании, выраженном в неправомерных действиях (бездействии) судебной власти, результатом которых явилось недостижение целей уголовного судопроизводства, объективной истины по делу, а также нарушение конституционных прав и законных интересов его участников, ослабление государственного правопорядка, порождающее недоверие к судебной власти и формирование девиантного правосознания граждан;

– целью всей уголовно-процессуальной деятельности, целью уголовного процесса в конечном итоге должно быть объективированное положение, которое устанавливает государство, закон. Именно поэтому цель уголовного процесса – истина. Однако, основным понятием должна вступать не «истинность», а «достоверность», поскольку

достоверное знание всегда истинно, но истинное знание не всегда достоверно.

6. В рамках проведенной международной научно-практической конференции в целях формирования и развития комплексной системы **криминалистических** средств повышения эффективности уголовного судопроизводства участниками конференции внесены следующие предложения:

– важными направлениями повышения эффективности противодействия преступлениям в сфере страхования в современных условиях могут стать инициативные, целенаправленные оперативно-розыскные и тактические (оперативно-тактические) операции, а также использование более широкого спектра источников получения информации, необходимой для инициации проверочных мероприятий на предмет выявления признаков преступления в сфере страхования;

– противодействие преступлениям в сфере государственных закупок является сложным направлением деятельности подразделений ГСБЭП, поэтому для достижения максимальной эффективности в данной работе необходимо выделение оперативных групп или отдельных сотрудников, которые будут осуществлять оперативное сопровождение сферы государственных закупок;

– формирование криминалистического знания о мошенничестве в сфере компьютерной информации представляет собой процесс исследования механизма преступления и его отдельных элементов. Механизм мошенничества в сфере компьютерной информации закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступном хищении чужого имущества или приобретении права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, его участниках и результатах. При этом познание и систематизация криминалистических признаков совершения данного вида мошенничества позволяют разработать научные положения и разрабатываемые на их основе практические рекомендации по расследованию данной деятельности;

– сложность компьютерной техники, неоднозначность квалификации, а также трудность сбора доказательственной информации при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации и компьютерных сетях требует соответствующего изменения уголовно-процессуального и уголовного законодательства. В частности, одним из возможных подходов к решению указанных задач могло бы явиться включение в раздел о доказательствах УПК РФ нормы, регламентирующей порядок закрепления и изъятия следов в сфере компьютерной информации;

– сведения (данные) о типичных способах сокрытия хищений предметов вооружения способствуют определению поисковых признаков неизвестных элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений. Исходя из современных запросов практики, этапы оборота вооружения в государственных воинских формированиях целесообразно использовать в качестве классификаторов способов совершения и сокрытия указанных хищений.

7. В рамках проведенной международной научно-практической конференции в целях формирования и развития комплексной системы криминалистических средств повышения эффективности уголовного судопроизводства участниками конференции предложены следующие *направления развития науки криминалистики*:

– необходимо увеличение актуальных и значимых для практики научных разработок, соответствующих прикладному характеру криминалистической науки и призванных обеспечить потребности практики, а также исключающих дублирование разработок, не отличающихся достоверностью полученных научных результатов;

– актуальными вопросами современной криминалистической науки следует признать: а) использование современных информационных технологий в расследовании преступлений; б) совершенствование (в том числе на основе зарубежного опыта) научно-технических средств следственной и экспертной деятельности; в) совершенствование тактических приемов, рекомендаций по производству следственных действий; г) разработку тактики новых следственных действий и поддержания государственного обвинения.

– назначение криминалистической характеристики преступлений заключается в том, что она позволяет иметь предварительное

знание о проявлениях определенного вида преступлений в реальной действительности и, следовательно, возможность на основе этих знаний прогнозировать необходимую совокупность действий для эффективного выявления, пресечения, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений;

– необходимо на учебно-методическом уровне формирование и активное внедрение кратких, доступных в процессе изучения рекомендаций, причем преимущественно в интерактивной, мультимедийной форме, с междисциплинарным содержанием, которые могут и должны стать приоритетным направлением развития прикладных разработок всех наук антикриминального цикла;

– разработки науки криминалистики должны использоваться в законотворческой деятельности, направленной на борьбу с преступностью. И это позволит в дальнейшем значительно повысить профессиональный уровень судопроизводства. Криминалистика как никакая другая наука призвана обогащать науку уголовного процесса своими данными в целях усовершенствования уголовно-процессуального законодательства и введения процессуальных новелл;

– криминалистические технологии выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации при работе с компьютерными средствами и системами целесообразно отразить в разделе криминалистической техники «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем»;

– изучение личности свидетеля является одним из необходимых элементов совершенствования приемов и методов использования информации о событии преступления. Современные возможности построения методик работы со свидетелями как носителями информации в сознании, на основе использования корреляционных связей мозговой деятельности и психологических особенностей личности – это перспективные направления развития криминалистики в целях обеспечения эффективности уголовного судопроизводства.

Резолюцию подготовили:
д-р юрид. наук И.Г. Смирнова,
д-р юрид. наук Д.А. Степаненко,
д-р юрид. наук О.А. Егерова

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: основные результаты проведения 25–26 сентября 2014 года в БГУЭП Международной научно-практической конференции / Авторы-сост. И.Г. Смирнова, Д.А. Степаненко, О.А. Егерова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 188–194.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в формировании новых номеров сборника научных трудов «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения». Предполагаемая периодичность издания сборника 2 раза в год.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

1. Объем статьи не должен превышать 10 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MS Word, 16 шрифтом Times New Roman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ – 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование – по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

2. Статья должна включать следующие элементы:

– сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и *английском* языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;

– название статьи на русском и *английском* языках;

– аннотацию статьи (3–4 предложения), ключевые слова (5–6 слов) на русском и *английском* языках;

– код УДК;

– ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы;

– список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (без «тире», без повтора фамилии автора), помещается в конце статьи. Источники в нем располагаются в алфавитном порядке.

3. Для аспирантов, магистрантов и студентов к статье должна прилагаться в отсканированном виде рецензия научного руководителя с печатью организации.

4. Представление материалов осуществляется по электронной почте на адрес marova@mail.ru.

Научное издание

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1 (7)

Издается в авторской редакции

Технический редактор

А. С. Ларионова

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 28.05.15. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать трафаретная. Усл. печ. л. 12,9. Тираж 100 экз. Заказ 6312.

Издательство Байкальского государственного
университета экономики и права.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.